

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

*(Воспоминания ветеранов
дипломатической службы России)*

Том 30

МОСКВА
«Вест-Консалтинг»
2023

УДК 82-94

ББК 94.3

О11

Над сборником работали:

Составитель и главный редактор — член Президиума Совета ветеранов МИД А. Г. Чернов

Член Президиума Совета ветеранов — В. Н. Казимиров

Председатель Совета ветеранов — В. И. Морозов

Заместитель председателя Совета ветеранов — А. О. Семёнов

Член Президиума Совета ветеранов — Ю. А. Спирин

Издание Ветеранской организации МИД России

*Редакция выражает благодарность ГлавУнДК при МИД России
за содействие в издании этой книги*

О11 **О времени и о себе. Воспоминания ветеранов дипломатической службы России. Том 30** — М.: «Вест-Консалтинг», 2023. — 232 с., илл.

ISBN 978-5-91865-717-1

В очередной сборник из цикла «Дипломаты вспоминают» традиционно включены материалы о деятельности сотрудников Министерства за рубежом и в центральном аппарате, о возникающих проблемах и конкретных шагах по их преодолению. В книге представлены «деловые портреты» двух выдающихся российских дипломатов. Темой, достойной внимания, названо участие в работе — неофициальной, конечно, — жён послов. Не обойдены вниманием и различные нестандартные и даже казусные ситуации, с которыми сталкиваются дипломаты.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

*В оформлении обложки использованы материалы
сайта бесплатных изображений freepik.com.*

© Совет ветеранов МИД России, 2023

© Коллектив авторов, 2023

© «Вест-Консалтинг», оформление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	5
------------------------	---

О ГЛАВНОМ

В. М. Родин

ЛЮБИМАЯ ПРОФЕССИЯ.....	7
------------------------	---

ДИПЛОМАТЫ НА ФРОНТЕ

Л. И. Троицкий

КАК ЭТО БЫЛО	33
--------------------	----

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ М. С. КАПИЦЫ (1921–1995 гг.)	43
--	----

И. А. РОГАЧЁВ: МЕМОРИАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА.....	79
--	----

ТЕМА, ДОСТОЙНАЯ ВНИМАНИЯ

В. И. Шабалин

ЖЕНА ПОСЛА	128
------------------	-----

КОМАНДИРОВКА НА ЮГ

В. Ф. Пряхин

В ЭПИЦЕНТРЕ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА С МИРОТВОРЧЕСКОЙ МИССИЕЙ	137
---	-----

НИТЬ ЖИЗНИ

В. А. Бойко

«В ГРЕЧЕСКОМ ЗАЛЕ».....149

Г. И. Курочкин

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ183

КОРОТКО О ПАМЯТНОМ

В. Н. Казимиров

О ЛАТАМЕРИКЕ И НЕ ТОЛЬКО.....188

А. С. Зайцев

С НОВЫМ МИНИСТРОМ196

В. И. Винокуров

В ГОСТЯХ У ДАТСКОЙ РУСАЛОЧКИ204

А. Г. Чернов

ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛО...209

НЕ ВСЁ СТАНДАРТНО В ДИПЛОМАТИИ

Г. В. Нестерова

СЛУЧАЙ В ГЕНЕРАЛЬНОМ КОНСУЛЬСТВЕ214

И ВСЕРЬЁЗ, И В ШУТКУ

К. В. Внуков

ИСПУГ ЦРУ И БЛАГОРОДНЫЙ «САНТОРИ»220

О НАШИХ АВТОРАХ223

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В Ваших руках — очередной сборник воспоминаний ветеранов дипломатической службы России. Основная тема представленных в нём очерков — работа дипломатов. Повседневная и будничная, иногда проблемная, отмеченная трудностями, но и заметными свершениями, и всегда — что бы там ни говорили — любимая каждым человеком, который получил право именовать себя российским дипломатом.

Работая вместе с авторами над книгой, редакция исходила из того, что этот труд будет пусть небольшим, но вкладом в копилку профессионального опыта, особенно востребованного молодыми людьми, только вступающими на стезю дипломатической жизни. Уверены, что интерес в этом плане представят, в частности, воспоминания о деятельности двух корифеев российской дипломатии — М. С. Капицы и И. А. Рогачёва, умевших преодолевать — зачастую нестандартными методами — любые трудности, какими бы грандиозными они ни казались.

Как и в предыдущих выпусках воспоминаний дипломатов, авторы излагают свои личные точки зрения на описываемые события. При этом точки зрения должным образом аргументируются, а уж соглашаться с ними или нет — выбор читателя.

Этот выпуск — тридцатый по счету. С учётом того, что — как показывает практика — воспоминания дипломатов оказываются весьма востребованными (и, заметим, не только в Министерстве иностранных дел, но и за его пределами), редакция приступает к работе над следующим томом. Уверены, что и Вам тоже есть о чём рассказать в тридцать первом выпуске этого издания.

О ГЛАВНОМ

В. М. РОДИН

Советник

ЛЮБИМАЯ ПРОФЕССИЯ*

Почему я так люблю свою профессию? Ведь есть же певцы, пианисты. Они прославляют человека на все времена. Всемирную известность приобретают композиторы, режиссёры, крупные учёные, изобретатели. Но профессия дипломата стоит особняком. Наталья Нарочницкая, историк, умница и русская красавица, говорила на вечере памяти знаменитого русского дипломата Юлия Квицинского, что есть лишь три сферы деятельности в России, «испокон именуемые службой: священническое служение, военная и дипломатическая служба». Человек, решивший вступить на почётный, но очень трудный путь дипломата, ограничивает себя в определённых свободах: он служит не только государству, но и отечеству. «Гражданственность мировоззрения, — подчеркивала Нарочницкая, — верность вечным и неизменным интересам страны, которые не меняются в зависимости от политического режима. Это абсолютно необходимо дипломату, как доброта и милосердие необходимы врачу или учителю, но не так обязательны для физика-теоретика»

* Впервые было опубликовано в журнале «Наш современник» (№ 2 за 2019 г.)

(«Дипломат Юлий Квицинский». Сборник воспоминаний, Международные отношения, 2013).

Ваш покорный слуга поступил в МГИМО в 1947 году, когда страна не залечила ещё глубокие раны, нанесенные нам профашистской Европой во главе с нацистской Германией. И я был приятно удивлён тем, какой заботой и вниманием государство окружило нас. Лучшие профессора: Тарле, Крылов, Дурденевский, Любимов, лучшие преподаватели иностранных языков, мой любимый учитель немецкого языка Фёдор Яковлевич Лиёпа-Розенберг, прекрасная библиотека, столовая, спортивный зал! Из тощего молодого человека я стал крепким гимнастом, принимал участие в соревнованиях между высшими учебными заведениями столицы, участвовал в парадах физкультурников на Красной площади! Нам ещё и стипендию платили! Только учись!

Дипломатия, это, на мой взгляд, большое искусство, умение ладить с людьми, решать споры не с помощью оружия, а путём переговоров, поиск взаимоприемлемых для обеих сторон компромиссов. Это достигается путём кропотливой работы, доверительных бесед — без переводчика! — самой захватывающей сферы работы дипломата, когда он — в полном одиночестве — ищет то единственное слово, тот единственный аргумент, который поможет развязать тугой узел конфликтной ситуации с учётом национальных интересов его страны. И нет большего счастья для дипломата, когда его собеседник принимает его аргументы и вносит коррективы в собственную позицию, не поступаясь, естественно, коренными интересами своей страны. «Служенье муз не терпит суеты», — писал Пушкин. Это в полной мере относится к работе дипломата. Попытки Горбачёва и Шеварднадзе «кавалерийским наскоком» решить сложнейшие проблемы, от которых зависела судьба нашего Отечества, принесли огромный,

невосполнимый ущерб интересам безопасности России. Это объясняется тем, что «новый подход, новый взгляд» на дипломатию стали практиковать в СССР политики-любители и дипломаты-дилетанты, которые не могли даже выговорить слова: «национальные интересы Советского Союза». Правильно говорил дедушка Крылов: «Беда, коль пироги начнёт печи сапожник...»

Какими же качествами должен, на мой взгляд, обладать человек, решивший посвятить свою жизнь этой ответственной, почётной и необыкновенно интересной профессии?

Перефразирую Ленина: настоящим дипломатом может стать лишь человек, овладевший знаниями, накопленными человечеством. Разумеется, это — задача. Овладеть всеми знаниями невозможно, но дипломат должен знать хорошо своё ремесло; владеть хотя бы двумя иностранными языками; быть подкованным в истории, внешней политике, культуре, нравах и обычаях страны пребывания; разбираться в международных делах, не замыкаться в своей норке. Он должен постоянно накапливать знания, поскольку жизнь не стоит на месте, а ставит перед нами новые и новые вызовы.

Приведу пример выдающегося дипломата русской школы Юлия Квицинского. «Опять Квицинский», — скажут мне некоторые мои коллеги: «Как будто нет у нас других дипломатов!» Конечно, есть. Но никем на Западе так не восхищались, как Квицинским — его лёгкостью в беседах, способностью переходить с немецкого на английский или испанский язык, его глубокими знаниями по предмету переговоров; осведомлённостью в области культуры, искусства; твердостью в отстаивании своих позиций на переговорах. «Железная рука в лайковой перчатке!» — так писала о нём пресса ФРГ.

Так вот, Квицинский, когда ему поручили совсем новое для него дело — проблемы разоружения, поделился своими

мыслями относительно кругозора дипломата. Он пришёл к выводу, что хороший дипломат не может разбираться в порученной ему материи, не располагая знаниями «хотя бы азов военно-стратегического положения в мире и финансово-экономических механизмов, которые ими движут» (Юлий Квицинский, «Время и случай»).

Когда нацистская Германия была разгромлена Советским Союзом и его союзниками по антигитлеровской коалиции, а на её территории образовались ГДР и ФРГ, нам пришлось иметь дело с очень умными и изощрёнными политиками и дипломатами ФРГ. После того, как линия Аденауэра «с позиции силы» потерпела крах, на смену ей пришла «восточная политика» Вилли Брандта и Эгона Бара.

Должен честно признать, что эти политики сумели — в конечном счёте! — переиграть как руководителей ГДР, польстившихся на западную марку, так и наших советских лидеров, заворожённых светлыми перспективами тесного сотрудничества с СДПГ в борьбе за мир, закрепление статус-кво в Европе и прочая, прочая. Заместитель председателя СДПГ Хорст Эмке ответил критикам Московского договора из консервативного лагеря ФРГ: «Мы признали статус-кво, чтобы его изменить!». Вот тут-то экономика и сказала своё слово! Политика, говорил Ленин, есть «концентрированное выражение экономики!». Вместо того, чтобы поднимать жизненный уровень своего народа, измученного войной, советские руководители, в частности, Никита Хрущёв, стали тратить огромные материальные ресурсы на оказание помощи развивающимся странам. Мы как-то упустили из виду, что западные державы приняли наш вызов, относительно мирного сосуществования двух систем. Они подняли перчатку, которую мы им бросили, а мы этого не заметили. А когда мы открыли западным немцам дверь в ГДР и страны Восточной Европы — после подписания с ФРГ Московского

договора (1970 г.) с признанием в нём послевоенных границ в Европе, — то режимы в соцлагере затрещали по швам. Экономическая и социальная модель ФРГ оказалась более эффективной. Производительность труда в ФРГ, жизненный уровень оказались гораздо выше, чем в СССР, ГДР и странах Восточной Европы. Вот где собака зарыта!

Наши эксперты в Международном отделе ЦК КПСС не сумели разглядеть подводные камни в знаменитой восточной политике Вилли Брандта, которую он наверняка согласовывал с США. А суть её, как мне разъяснил мой друг Ханс Шумахер, состояла в следующем: «Изменение через сближение», что расшифровывалось самими социал-демократами так: «внешнеполитическое сближение (читай — с социалистическими странами) может привести к "внутриполитическим изменениям" (в этих государствах)». «А Вы разглядеть сумели?» — спросят уважаемые читатели. Ваш покорный слуга — направил в 1987 г. из нашего посольства в Бонне, где я работал советником, записку в Международный отдел ЦК КПСС, где обратил внимание на опасность тесного взаимодействия СДПГ с СЕПГ, правящей партией ГДР. Сослался на мудрую китайскую пословицу: «Если ты не можешь одолеть своего противника, то его надо обнять!» Кстати, к такой же оценке восточной политики Брандта пришёл наш знаменитый разведчик, генерал Александр Коротков. Он направил в Центр документ, где убедительно обосновывал «опасность сближения с ФРГ к началу 1980-х годов, а стало быть, ослабления социалистических завоеваний в Республике», т. е. в ГДР (Георгий Санников, «Их закалила война»).

Интересная история произошла со мной в 2017 году. Руководитель московского бюро Фонда Конрада Аденауэра К. Кроуфорд организовал 26–28 апреля 2017 г. в Москве Международную конференцию «Новая восточная политика» ФРГ и политика разрядки в период Л. И. Брежнева». В конференции

приняли участие эксперты из России, США, ФРГ, Польши, Австрии и других стран. Был приглашён, в частности, академик А. Чубарьян. В дискуссиях «на полях конференции» участвовали: посол Р. Сергеев, советник-посланник М. Логвинов и ваш покорный слуга. Атмосфера на конференции была прекрасная. Западные эксперты были едины в том, каким благом для Европы стала «новая восточная политика» Вилли Брандта, которую продолжил канцлер Коль. Говорили о Хельсинкском процессе, преодолении раскола Европы и т.д. Во время перерыва пили кофе и вежливо общались друг с другом. Под занавес дали слово мне. И тут я — каюсь! — сыграл роль человека, который внёс диссонанс в благостную атмосферу.

Поблагодарив за приглашение, я сказал: «Мы собрались здесь в канун великого Праздника советского народа — 72-й годовщины Победы СССР в Великой Отечественной войне — рядом с Красной площадью, где 9 мая состоится военный парад в честь Дня Победы. Так вот, граждане России спрашивают нас, дипломатов, а как же так получилось, что много лет мы рассказывали им об успехах политики разрядки напряжённости в Европе, а сегодня вооружённая армада НАТО движается к нашим западным границам, создавая угрозу нашей безопасности?»

Подчеркнул, что «восточная политика» Вилли Брандта, которую продолжил канцлер Коль, несомненно содействовала потеплению политического климата в Европе, но ею очень ловко воспользовались США для экспансии НАТО на Восток. Пояснил участникам, в чем была суть политики Брандта применительно к ГДР и странам Восточной Европы (дьявол сидит в деталях!). Относительно *Buendnissfreiheit* (свобода выбора союзов) заметил, что в такую свободу верил только один Михаил Горбачёв. На самом деле существует жёсткая привязка: хочешь в богатый ЕС? — вступай в НАТО. А какие обещания нам давали западные политики

о нераспространении НАТО на Восток! Но им поверил лишь Горбачёв, наш «добрый человек из Ставрополя».

В зале после моего выступления воцарилась неловкая тишина. Опустила голову молодая красивая дама, представлявшая Польшу. Но когда участники стали прощаться, ко мне подошёл немец, видимо, из бывшей ГДР, и крепко пожал руку.

Верность обязательствам

Российская дипломатия, плоть от плоти своего народа, всегда отличалась одним важным качеством — верностью своему слову и взятым на себя обязательствам.

Есть у русского народа такие, присущие только ему черты характера: доверчивость, открытая душа, верность своему слову, великодушие к поверженному противнику, безгильное отношение к мелким авантюрам, инсинуациям. Только на Руси действовали такие полководцы, как князь Святослав Игоревич, который извещал своих противников: «Иду на вы».

Представим себе такую картину: разгромив молниеносно Польшу в 1939 году, Гитлер атаковал в 1940 году французов и англичан. А в тылу у него оставался Советский Союз. Вот был бы удобный момент для Сталина ударить в спину Германии! Ведь он знал, что война с нацистской Германией была неизбежна. Но он не пошёл на этот шаг. Русский грузин, как он себя сам называл, прекрасно понимал, что русский народ не примет такого вероломства — нарушения Пакта о ненападении.

Посмотрим, как ведут себя США в части соблюдения договоров. В 2002 году они в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО... Даже в Америке раздавались голоса против подобных шагов — США могут снискать во всём мире славу «ненадёжного партнёра».

Выступая 27 февраля 1945 года в Палате общин, Черчилль сказал, что «маршал Сталин и советские лидеры желают жить в почётной дружбе и равенстве с западными демократиями. Я считаю также, что они — хозяева своего слова. Мне не известно ни одно правительство, которое выполняло бы свои обязательства, даже в ущерб себе, более точно, нежели русское, Советское правительство» (Черчилль Уинстон, Вторая мировая война. Ростов-на-Дону. Феникс, 1997 г.).

Культура диалога, дипломатические переводчики

Дипломатическая служба дарит человеку величайшую возможность — представлять за рубежом интересы своей страны; защищать её безопасность, рассказывать о её достижениях в области науки и культуры; но он должен делать это профессионально.

Дипломат, как хороший артист, всё время живет в творческом полёте. Он обязан проявлять инициативу, устанавливать и умело поддерживать полезные контакты, с целью получения информации. «Под лежащего дипломата информация не течёт!» — любил повторять мой немецкий друг Ханс Шумахер. Дипломат не имеет права терять контроль над собой, впадать в истерику. В 1981 г. посол в Бонне Владимир Семёнов поручил мне переговоры с МИД ФРГ о строительстве новых зданий посольств СССР в Бад-Годесберге и посольства ФРГ в Москве. Переговоры шли туго — МИД ФРГ настаивал на жёсткой увязке сроков ввода в действие зданий в Москве и Бонне (и правильно делал, зная нашу бюрократию. — В. Р.). Но я возмущался, докладывая об этом Семёнову, а посол мне сказал: «Эмоции — плохой советчик. Их могут расценить как слабость твоей позиции». Он был прав. Переговоры были успешно завершены, а новое здание посольства, а ныне —

Генконсульства России — стало одним из самых красивых и комфортабельных, на мой взгляд, в мире.

Дипломат не может быть пленником догм, банальных пропагандистских лозунгов. С ним просто не станут разговаривать. Приведу такой пример: ваш покорный слуга оказался в составе первого советского посольства в Бонне в 1955 г., после установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ.

Моим начальником был советник, известный экономист. Как-то мы пришли с ним на беседу к крупному промышленнику. Так вот, мой начальник сказал, что в Советском Союзе не может быть забастовок, поскольку «заводы и фабрики у нас принадлежат рабочим». Немец решил, что это чистая пропаганда, и прекратил беседу.

С другим советником по новой технике мне удалось объехать всю страну. Это было необыкновенно интересно. Нас принимали капитаны немецкой промышленности. В принципе это была правильная установка Москвы — стремиться к взаимодействию с деловыми людьми ФРГ. В беседах мой шеф довольно прозрачно намекал немецким воротилам — Советский Союз заинтересован в развитии деловых отношений с ФРГ, а ваше правительство не идёт нам навстречу. Разумеется, я смягчил высказывания нашего советника, но смысл-то я должен был передать. Немцы, разумеется, вежливо улыбались. А потом в самом популярном еженедельнике ФРГ «Der Spiegel» появилась едкая заметка: «Два русских дипломата разъезжают по ФРГ и призывают немецких промышленников "поддать пару" собственному правительству». Посол Зорин сделал мне замечание. Не советнику, а мне, поскольку я же переводил. Это стало для меня хорошим уроком: не всякие мысли начальника надо буквально переводить собеседникам. Такие казусы случались и с переводчиками на высоком уровне.

В замечательной книге «Тайны разрядки — взгляд очевидца. Как Брежнев и Никсон выводили СССР и США из холодной войны» Андрей Вавилов — один из наших лучших переводчиков на высшем уровне — пишет: «На дипломатическом переводчике лежит большая ответственность. Работа требовательная. Представьте: вы сидите возле двух самых влиятельных людей на земле и переводите их разговор. А если вы забудете или пропустите важное слово? Или неверно истолкуете сказанное?»

В 1960 году Вавилов стал свидетелем забавного эпизода. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов совершал визит в Индию. Местный журналист попросил его поделиться впечатлениями от Тадж-Махала. — Ничего особенного, — ответил Ворошилов, — лучше бы Великие Моголы потратили деньги не на строительство, а раздали их народу. Не стушевавшись, Юрий Виноградов, его переводчик, сказал: — Я преклоняю голову перед этим сокровищем архитектуры Великих Моголов!

Индийские журналисты дружно заплодировали. Свою карьеру Юрий Виноградов завершил послом на Шри-Ланке. А наш общий с Андреем Вавиловым друг, ведущий индолог Алексей Никифоров стал послом в Швеции!

Выдающиеся переводчики Советского Союза Олег Трояновский, Игорь Виноградов, Алексей Никифоров, Юлий Квицинский, Андрей Вавилов сделали блестящую карьеру, потому что им приоткрыли дверь в самое святое святых государственного строительства, военно-промышленного комплекса, новейших систем оружия. Читая книгу Андрея Вавилова, я ловил себя на крамольной мысли: в СССР, за годы советской власти, выросло несколько поколений молодых, грамотных, талантливых людей, а к власти нередко приходили малограмотные, невежественные люди, которые причиняли немалый ущерб авторитету нашей страны

за рубежом. Уважаемый читатель, а вам не приходили в голову такие мысли? А ведь кадры решают всё, говорил Сталин. Высокой культурой, профессионализмом отличался Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин. Им восхищалась даже английская Королева.

Очень интересную характеристику Косыгину даёт Вавилов: «Никсону Косыгин не нравился. Возможно, дело было в спокойной уверенности и чувстве достоинства советского премьера; никакого тщеславия или эмоций, на которых можно было бы сыграть. Выдержка и прагматизм этого человека отпугивали американцев. Парадокс, но Никсону было проще общаться с Брежневым, партийным аппаратчиком, чем с Косыгиным, уверенным в себе руководителем промышленной корпорации, — именно такое впечатление он производил». Я с глубоким уважением относился к Алексею Николаевичу Косыгину. Он был и большим дипломатом. В 1965 году ему удалось, в качестве посредника, урегулировать военный конфликт между Индией и Пакистаном. Но ему же не дали развернуться, провести настоящие реформы. Алексей Косыгин с горечью говорил: «Съедят меня эти украинцы». (После смерти Сталина этнические украинцы 30 лет были у власти в СССР. Именно этим объясняется незаконная передача Хрущёвым в 1954 году Крыма Украине.)

Опыт дипломатической работы

Конрад Аденауэр, которого Уинстон Черчилль называл самым выдающимся немецким политиком после Бисмарка, считал, что годы дают человеку «опыт, который не заменишь ничем, даже врождённым интеллектом. Для политика это особенно важно».

Если посмотреть «кредитную историю» любого выдающегося дипломата, то мы найдём секрет его успешной

карьеру. Во время первой командировки в ФРГ мне выпало счастье работать под руководством посла Андрея Смирнова. Он пользовался большим авторитетом в политических кругах. Из всех послов Аденауэр принимал для доверительных бесед только его. Так вот, в тридцатые годы, когда к власти в Германии пришли нацисты, Андрей Смирнов работал пресс-атташе в советском посольстве. Уж он-то в германском вопросе «пуд соли съел».

Дипломат должен пользоваться определённой симпатией среди общественности страны пребывания. В обоих германских государствах я служил 17 лет. По характеру ваш покорный слуга человек весёлый, склонный к юмору, розыгрышу. В посольствах в Бонне, Берлине и Дели я готовил капустники к Новому году. Должен сказать, что эти мои качества очень помогли мне в установлении контактов с депутатами бундестага, партийными деятелями и другими влиятельными людьми ФРГ.

Женщины и вино

Вот две опасности, которые подстерегают дипломата, я бы сказал — слабого дипломата. В ФРГ было много женщин, занимавшихся политикой. Надо было знакомиться. Мне помогло то, что беседовал я с ними не как русский медведь, а как человек, уже знакомый с местными нравами и обычаями, прошедший, к тому же, хорошую школу в ГДР. Познакомился я как-то с очень интересной женщиной, депутатом бундестага от СДПГ, Маргиттой Т. Энергичная, смелая. Она всегда побеждала на выборах в бундестаг прямым голосованием, а не по спискам. Однажды я докладываю, — с серьёзным выражением лица! — послу Владимиру Семёнову: «Меня пригласила на ужин в ресторан знакомая женщина, депутат бундестага». Он спросил: «Она хорошенькая?»

«Да», — ответил я. «Давай», — говорит Семёнов и хлопает меня по плечу! Владимир Семёнов был весёлым жизнерадостным человеком, с большим чувством юмора. Он, конечно, понимал, что я пытаюсь разыграть его, но даже бровью не повёл и ответил мне в свойственном ему духе. О его юморе среди дипломатов ходили легенды. Но, если серьёзно, то мои отношения с послом, который любил меня, строились на доверии. Он мне давал полную свободу действий. И чтобы я подвёл его? — никогда в жизни! Доверие — очень важный фактор в работе дипломата. Мелочная опека сковывает его инициативу в работе.

Вино. «Трезвый с трезвым», — так советовал вести беседы со своими партнёрами выдающийся посол Владимир Виноградов. «Если ваш собеседник что-нибудь разболтает под хмельком, то он больше не станет с Вами встречаться, поскольку будет чувствовать себя неловко», — говорил нам Виноградов. Ещё в Берлине, работая в посольстве, автор этих строк стал последовательным борцом против «увлечения горячительными напитками», а в ФРГ — тем более (водились там грешки). Хотя должен честно признаться — хорошие вина в Германии как приятное сопровождение встречи, застолья — традиция. Совсем отказаться от вина в беседе с немцем трудно. Но я научился умеренности и сдержанности, чего, к великому сожалению, не хватало подчас некоторым моим коллегам. Как-никак, но 17 лет я постоянно был за рулём в ГДР и ФРГ, и только дважды меня остановила полиция за небольшие нарушения. Порядку научился у немцев!

Мои немецкие друзья

Похоже, что мир англосаксов и их прихлебателей сошел с ума. В Польше продолжается позорная вакханалия по сносу памятников советским воинам-освободителям. Примеру польских властей следует Киевский майдан. (Дурной пример заразителен.) Оскверняют памятник генералу Ватутину, освобождавшему Киев от нацистских оккупантов, и прославляют бандеровцев, убивших знаменитого генерала. В Литве торжественно чествуют «лесных братьев», кровавых палачей собственного народа.

Мои земляки, сталинградцы и с Дона, с тревогой спрашивают меня, что происходит в мире? (Я родился в Сталинграде, а мой отец — донской казак, воевал в Первой конной армии Будённого. На память о нём у меня осталась грамота, которой «Красный командир Родин Митрофан Фролович» был награжден за отличную службу. Грамота подписана Будённым, Ворошиловым и Мининым в ноябре 1920 года.)

Мои земляки снова спрашивают меня, а «мои немцы» не собираются сносить памятники советским воинам-освободителям?

— Отвечаю, нет! Пока — нет.

Незабываемая встреча с моими земляками произошла в 1979 г., когда в Сталинград-Волгоград прибыл поезд дружбы с молодёжью из ГДР, по случаю 30-й годовщины образования Республики. Ваш покорный слуга сопровождал делегацию из Москвы в качестве зав. сектором ГДР в Третьем Европейском отделе МИД СССР. Молодые немцы, наши друзья, граждане дружественного государства ГДР, прибыли в Сталинград, чтобы встретиться с советскими гражданами, пережившими все ужасы войны. Это были совсем другие немцы, чем те, которые разбомбили дотла мой родной город. Это были наши немцы!

И сталинградцы почувствовали это. Они оказали им радостный приём. Русский народ не злопамятен.

После Победы над фашизмом советские люди протянули руку дружбы немецкому народу. И немцы в ГДР ответили нам крепким рукопожатием: «Ваша Победа — наше освобождение! Спасибо!» — провозгласили они громко, на весь мир. Советским солдатам, навсегда оставшимся лежать в немецкой земле, которую они освободили от фашизма, они поклялись: «Никогда больше фашизм! Никогда больше война! Дружба с Советским Союзом!»

Но поворот в сознании немцев в советской оккупационной зоне произошел не сам собой. Этому предшествовала большая идеологическая, воспитательная работа, которую проводило советское руководство, лично Сталин с Красной Армией, нашими писателями и с народом в целом. В знаменитом Приказе Народного Комиссара Обороны от 23 февраля 1942 г. четко проводится мысль — Красная Армия не имеет своей целью «истребить немецкий народ». Война за освобождение советской земли приведёт «к изгнанию или уничтожению клики Гитлера». Сталин призывал наш народ, Красную Армию не «отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаётся». Эти слова Сталина выбиты на гранитных плитах у величественного памятника советскому солдату в Трептов-парке, где каждый год, в День Победы, немцы возлагают цветы. У этого памятника интересная история. Скульптор Вучетич подготовил несколько эскизов и выставил их в Кремле. Один из них изображал Сталина с глобусным полушарием в руке, второй — «Воина-освободителя» со спасенной немецкой девочкой в руке.

Сталин посмотрел на свою бронзовую фигуру и спросил Вучетича:

— Слушайте, Вучетич, а Вам не надоел этот... с усами?
Затем он осмотрел фигуру солдата и сказал:

— Вот этого солдата мы и поставим в центре Берлина на высоком могильном холме. Пусть этот великан в бронзе, победитель, несёт на своей груди девочку — светлые надежды народа, освобождённого от фашизма.

Идею Сталина о построении отношений с ГДР на прочном фундаменте дружбы и сотрудничества стали претворять в жизнь политики и дипломаты Советского Союза. Назову имена нескольких дипломатов-германистов: Владимир Семёнов, Андрей Смирнов, Анатолий Ковалёв, Александр Бондаренко, Валентин Фалин, Юлий Квицинский, Горальд Горинич, Владислав Терехов.

В 1952 г., после окончания МГИМО, меня направили в Берлин, в Союзную Контрольную Комиссию по Германии. Я вступил, таким образом, на немецкую землю, чтобы выполнить завет моего любимого учителя немецкого языка — навести мосты примирения и даже дружбы с немецким народом и сделать всё, чтобы с немецкой земли больше никогда не исходила угроза новой войны. И я на собственном опыте убедился в том, что эта великая идея была горячо поддержана не только немецкими антифашистами, но и юношами и девушками молодой Республики... Молодых людей из ГДР стали приглашать на учебу в высшие учебные заведения Москвы.

Позже они стали государственными служащими, дипломатами. Мой самый верный немецкий друг Вольфганг Грабовски — типичный представитель послевоенного поколения немцев ГДР. Он окончил МГИМО — кузницу дипломатических кадров — и стал видным дипломатом, успешно защищавшим интересы ГДР, социалистического содружества на мировой арене. Был руководителем Отдела Советского Союза в МИД ГДР, послом в Сирии и Индии.

Во всех международных организациях советские дипломаты работали плечом к плечу с дипломатами из ГДР, коллегами Грабовски. Вот чего нам так не хватает сегодня в ООН, ПАСЕ и других международных форумах, где нам противостоит хор дипломатов-русофобов из Прибалтики, Польши, Украины и Грузии...

После поглощения ГДР Западной Германией, в результате предательства Горбачёва, Яковлева и Шеварднадзе, Грабовски не пал духом. В качестве одного из опытных руководителей Левой партии он ведет активную политическую борьбу за развитие взаимовыгодных, добрососедских отношений с Россией, пишет статьи, выступает с комментариями в «Нашем современнике». (А я их с удовольствием перевожу на русский язык. — В. Р.)

Курс на запад

Во время первой командировки в ГДР (1952–1955 гг.) я, помимо всего прочего, занимался изучением внутренней и внешней политики в ФРГ. После установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ меня направили осенью 1955 года, в должности атташе, на службу в первое посольство СССР в ФРГ.

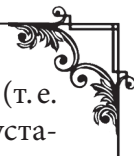
И тут-то я увидел небо с овчинку: «угли ещё тлели и чрево рождало» жгучую ненависть к СССР, советским людям. И тем не менее, я с огромным желанием приступил к работе. Если в ГДР, где было очень много советских специалистов, можно было затеряться, как иголке в стоге сена, то здесь я оказался — благодаря знанию немецкого языка — сразу же востребованным. У меня возникло чувство, что это моё дело, что я могу здесь принести пользу своему государству. Чем же я приглянулся немцам? Они говорили мне — вежливостью. Если бы я позволил себе такое поведение, которое

демонстрировал всему миру Хрущёв в ООН, то меня выдворили бы из ФРГ в 24 часа. И такие вещи случались. Второе — своей инициативой: постоянным поиском контактов с деловыми людьми, чиновниками, которые помогли послу прорвать политическую блокаду в ФРГ. По простоте душевной я считал, что хорошо поработал в посольстве. Наш посол Андрей Смирнов даже продлил на полгода моё пребывание в ФРГ. Я подумал, что за мою активную деятельность в части восстановления деловых связей между СССР и ФРГ канцлер Аденауэр мог бы — а что? — подарить мне машину «Фольксваген». Никсон же дарил Брежневу дорогие автомобили! А я готовил проекты выступлений для Леонида Ильича, когда работал в Третьем Европейском отделе МИД СССР. Помню забавный случай. Однажды меня вызвал министр Андрей Громыко. Видно, помощник доложил ему, кто готовил проект выступления Брежнева в Праге. Звонит мне секретарь: тебя вызывает Громыко. Я решил, что она меня разыгрывает. Но потом появился заведомо Валентин Фалин и повёл меня к министру. Входим — министр читает мою заготовку: «Второму Мюнхену не бывать!» Ворчит: «Я бы так не сказал!». Всё. Уходим. А на другой день я читаю в «Правде» репортаж о визите Брежнева в Прагу: «Второму Мюнхену не бывать!» Вот так я обошёл министра.

«Друзья не умирают»

Самой интересной и самой яркой командировкой в моей дипломатической работе стали годы службы советником в посольстве СССР в Бонне (1981–1987). Я приехал в ФРГ спустя 30 лет! Страна стала другой. И я стал другим — набрался опыта и знаний. Ваш покорный слуга удивлялся на каждом шагу. Никто не шпынял меня за то, что я русский. Никто не шипел, когда я подходил к киоску, чтобы купить журнал

«Der Spiegel»: «Sind Sie von drueben?» — «Вы оттуда?» (т.е. из ГДР). Удивлению моему не было предела, когда я стал устанавливать контакты в бундестаге — пожалуйста! Хотя далеко не все охотно шли на контакты с советским дипломатом.

Под влиянием советской политики на германском направлении, — а авторитет Советского Союза, его вес и влияние в послевоенной Европе был очень высок! — усилий наших друзей в ГДР, «восточной политики» Брандта в сознании западных немцев произошли серьёзные перемены.

Моя работа стала цепью открытий. Досужие разговоры о том, что язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли, что дипломат должен лгать в интересах своего государства — пустая болтовня. В своих беседах с друзьями-политиками в ФРГ и даже с недругами мы говорили друг другу правду о том, что нас тревожит в двусторонних отношениях. Мы беседовали «без дураков», т.е. откровенно, на основе взаимного доверия!

Мне удалось наладить хорошие связи с коммунистами, социал-демократами, профсоюзными деятелями и т.д. Расскажу о нескольких встречах.

Познакомился я с замечательным человеком, Хельмутом Хильдом — президентом Евангелической церкви Гессена и Нассау. После войны он сменил мундир офицера Вермахта на сутану священника и — в тесном сотрудничестве с Русской Православной Церковью — стал наводить мосты примирения между народами наших стран. Как-то раз он выступил с проповедью в одном из храмов Ленинграда. Верующие стали шептаться. Хильд посмотрел на переводчика. Тот: — Продолжайте!

«Когда я выходил из храма, — говорил с волнением мой собеседник, — женщины целовали мне руки!» Дело в том, что Хильд считал Восточный поход Гитлера против России «грабительской, захватнической войной».

После возвращения в Москву мы долго переписывались с моим другом, вплоть до его кончины. Но, как сказал руководитель известной во всём мире Службы разведки ГДР Маркус Вольф: «Die Freunde sterben nicht!» (Друзья не умирают! — В. Р.)

Очень интересным собеседником оказался влиятельный депутат бундестага от фракции ХДС. Помню, я пригласил его в уютный ресторан «Матернус» на дипломатический завтрак. В беседе речь зашла о предстоящем размещении в ФРГ американских ракет средней дальности.

Я внимательно выслушал доводы депутата в пользу размещения американских ракет и сказал, что мы можем долго спорить на эту тему. Но есть один фактор в отношениях между нашими странами, который мы не можем сбрасывать со счетов. Случилось мне сопровождать делегацию из ГДР в Белоруссии. Мы посетили в Минске музей Великой Отечественной войны. Там я увидел фото: на эшафоте, с петлёй на шее, стоит молодая девушка, лет 15. А внизу — рыжие эсэсовцы. Так вот, девушка смотрела на них с презрением! Сверху вниз!

— Господин N, — спокойно сказал я, — Вы думаете, что мы это забыли?

Мой собеседник не сказал в ответ ни слова. Но спустя несколько дней я прочитал выступление канцлера Коля, где он подчеркнул: «Мы должны учитывать заинтересованность СССР в обеспечении своей безопасности». Может быть, это было совпадение. Я не спорю. Человек я скромный.

Но и мои собеседники в ФРГ не оставались в долгу. Они, не стесняясь, критиковали в беседах внешнюю политику Никиты Хрущёва, шибко напоминавшую теорию «перманентной революции» Троцкого. Утверждали, в частности, что это он способствовал приходу к власти в США ястреба Рейгана.

Наступление — это лучшая оборона

Россия переживает сейчас новое испытание. США развязали против нас информационную и экономическую войны. Русофобия возведена в США и их союзниках чуть ли не в ранг государственной политики в отношении России. В чём дело? Ответ есть. США теряют свое влияние в Европе, на Ближнем Востоке и в Азии. Блестящей победой дипломатии над «политикой большой дубинки» закончилась схватка президента Трампа с лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном. Угрозами и шантажом Трамп хотел заставить лидера Северной Кореи отказаться от ядерного оружия. США отправили к Корейскому полуострову целую военную армаду во главе с авианосцем «Карл Винсон». Весь мир затаил дыхание — ядерная война? И вдруг Ким Чен Ын протягивает руку лидеру Южной Кореи Мун Чжэ Ину и предлагает единой командой выступить на зимних Олимпийских играх. Вздох облегчения во всём мире, а Трамп со своими ракетами оказался третьим лишним. Вот что такое дипломатия. А до этого было успешное «Соглашение по ядерной программе Ирана» и блестящая победа российской дипломатии в диалоге с президентом США Обамой по проблеме химического оружия в Сирии.

Однополярный мир, лидерство англосаксов — заветная мечта, которую американская элита воплотила в жизнь, разжирев на Второй мировой войне, — дают сбой. Когда ТВ показывает картины встреч президента России Владимира Путина с лидерами Ближнего Востока, прибывающих в Сочи для консультаций с ним, кадры о тёплой встрече на саммите 20-ки в Аргентине лидеров России, Китая и Индии, то в Белом доме возникает паника, демократы и республиканцы бьются в истерике от бессилия изменить ход истории. Они не знают, что им делать с Владимиром Путиным. Обрушивают на Россию поток санкций.

Для чего американцы затеяли Майдан? Главная цель — превратить Украину в некий таран, направленный против России, а в Крыму разместить базу ВМС США. Вспомним, что заявила Юлия Тимошенко сразу после государственного переворота: необходимо денонсировать Соглашение о пребывании российского Черноморского флота в Севастополе. Владимир Путин переигрывает лидеров Запада (они там измелъчали) и как дипломат, и как шахматист на той самой мировой шахматной доске, о которой говорил Збигнев Бжезинский. Наряду с искусной дипломатией, Россия показала на Ближнем Востоке такое оружие, которое повергло в шок американских ястребов. Они никак не ожидали такой прыти от России, уступающей США в экономике. Что делать, — рассуждает американская элита, чтобы ослабить Россию, а ещё лучше — задушить? — попытаться втянуть её в военный конфликт вблизи её границ, где она не сможет применить ядерное оружие. Но для этого надо, как это делали нацисты в Германии, развернуть неслыханную по своему накалу пропаганду с одной целью: убедить цивилизованный мир в том, что русские — это плохие парни, они коварные и циничные; от них исходит угроза войны, они лелеют планы захвата Польши, Прибалтики и прочая, прочая. После того, как провалился «Грузинский проект», интеллектуалы «гнезда Бжезинского» решили осуществить «Украинский проект». Они ничего не изобрели нового. Старая американская дипломатия — воевать чужими руками, а самим сидеть за океаном и подсчитывать барыши. Заставить русских — на русской же земле! — воевать с русскими! Разве не такую доктрину США провозгласил сенатор Трумэн, будущий президент США, когда Гитлер напал на СССР? «Если мы увидим, что побеждают немцы, то надо помогать русским. А если станут побеждать русские, то помогать немцам. И пусть они как можно больше убивают друг друга!». Украину, подхватившую от нацистской

Германии страшную болезнь пещерного национализма, США решили использовать, чтобы спровоцировать войну между двумя славянскими государствами. Украинские власти взяли на вооружение все атрибуты нацистской Германии: факельные шествия, воспитание молодёжи в духе ненависти к русским, как к «недочеловекам». В украинских лагерях детям внушают мысль, что русские — это нелюди, а раз так, то их можно убивать без всякой жалости. Это серьёзная опасность, которая нависла над нашей страной. Её никак нельзя недооценивать. СССР в свое время стремился не дать Гитлеру ни единого повода для нападения на СССР, но он, в конечном счёте, все же развязал войну против нас. В этих условиях нам не следует восхищаться собственными успехами и уповать на «политическое землетрясение» в ЕС («Брекзит»), на серьёзный кризис власти в ведущих странах Запада и «закат англосаксонского мира». Как раз в этих-то условиях Капитал искал, как показывает опыт истории, выход в войне.

Ваш покорный слуга согласен с академиком Алексеем Арбатовым: нынешняя Украина — это самая серьёзная внешнеполитическая проблема России. На мой взгляд, цели американских ястребов и киевской власти — задушить Россию — совпадают. Для достижения этой цели США применяют тактику «малых шагов», чтобы усыпить бдительность России. Они же не сразу втащили в НАТО страны Восточной Европы, оказавшиеся бесхозными после роспуска Горбачёвым «Варшавского Договора», а постепенно. Так они действуют и с Украиной. Украина пока не член НАТО. Но американцы могут заключить с Украиной двусторонний Договор о безопасности, как, например, с Японией, у которой тоже есть территориальные споры, и тогда... на наших западных границах могут появиться американские ракеты. Нет даже нужды говорить о том, какую угрозу они будут представлять для безопасности нашей страны. Это будет повторение

ситуации 1941 года, с той лишь разницей, что на стороне жаждающей реванша за потерю Крыма профашистской украинской власти будут стоять США и НАТО.

Автор этих строк считает, что мы недооценили важность для нас Украины. Чего стоило назначение послом в Киев аптекаря Зурабова! А американцы — под носом у нас — хозяйничали на Украине, как у себя дома.

Да и сегодня наша дипломатия занимает в украинском вопросе скорее оборонительную позицию, в то время как наши противники действуют нахраписто и нагло. Но где наша знаменитая русская школа дипломатии, работающая на опережение? Где неожиданные для противника ходы на шахматной доске, которые поставили бы противника в тупик? Хорошо известно, что наступление — это лучшая оборона.

Американцы не хотят сегодня вести с нами переговоры по сокращению вооружений. Они откровенно дают нам понять, что считают Россию слабой страной, несмотря на успехи нашего военно-промышленного комплекса. Они разговаривают с нами надменно, высокомерно, языком ультиматума! Англосаксы никогда бы не посмели развязать такую мерзкую компанию русофобии во всём мире в годы, когда был жив Советский Союз, Варшавский договор; когда наши войска стояли в центре Европы; когда на пути восточных походов Европы против России непреодолимым бастионом стояла ГДР. Попробовали бы они предъявить ультиматум Сталину!

После развала СССР американцы решили показать всему миру, что они вновь оказались единственной сверхдержавой в мире и могут действовать без оглядки на остальной мир, на ООН и т. д.

Хотел бы ещё раз подчеркнуть, что и в нынешних условиях успех внешней политики и дипломатии зависит в решающей мере от экономической мощи того или иного государства.

Миром правит сила! В политике, подчёркивал Юлий Квинский, «есть сила и пострашней, чем военная. Это экономическая сила, причем, если военную силу можно применять лишь в исключительных случаях, то избыток экономической силы можно применять для достижения политических целей хоть каждый день». Напомню, например, что достаточно было Китаю применить ответные меры в области торговли в отношении США, как Трамп, на форуме 20-ки в Аргентине (30 ноября — 1 декабря 2018 г.), пошёл на попятную.

Безусловно, мы достигли больших успехов в укреплении оборонного потенциала страны. Но автор этих строк пошёл бы против совести, если не высказал бы своего неудовлетворения состоянием дел в экономике. По-прежнему остаётся глубокий ров между богатыми и бедными.

Кто из нас не читал комментарии о том, что США победили СССР в ходе холодной войны. Так ли? А мне кажется, поражение потерпели Горбачёв, Шеварднадзе и Ельцин, когда они — с поднятыми руками — пошли в лагерь противника, чтобы покаяться за «грехи социализма и коммунизма». Все они, в конечном счете, подали в отставку, признав поражение своей политики. В своё время мне удалось побеседовать со старым немецким другом-политиком. Он мне сказал, что положение сейчас намного опаснее, чем в годы холодной войны, когда был Советский Союз. А ваш покорный слуга высказал такую мысль — в нынешних условиях мир в Европе могут обеспечить русский и немецкий народы, обладающие «большими потенциями для свершения акций мирового масштаба» (Сталин. Приветствие по случаю образования ГДР в 1949 г.). Подчеркнул, что у нашего народа нет никаких намерений на кого-то нападать. Но опыт истории учит, когда в Европе начинается шабаш по поводу «русской угрозы» — жди нападения на Россию!

И тем не менее, у нас есть основания для оптимизма. Россия набирает силу, становится открытой, демократической, гостеприимной страной. У нас есть всенародный лидер Владимир Путин. Он буквально вытащил страну из волчьей ямы, куда её загнали наши либералы; к штурвалу дипломатии пришли опытные дипломаты, патриоты России.

А любителям новых восточных походов против России я могу сказать вот что: памятник советскому воину-освободителю в Трептов-Парке в Берлине стоит на постаменте из трофейного гранита — камня, заготовленного по приказу Гитлера для строительства монумента в честь победы над Советским Союзом.

ДИПЛОМАТЫ НА ФРОНТЕ

Л. И. ТРОИЦКИЙ

Первый секретарь

КАК ЭТО БЫЛО

Эти предлагаемые вниманию читателей воспоминания получены из Института российской истории РАН. Автор — дипломат-доброволец, вступивший в московское Народное ополчение в самом начале Великой Отечественной войны. Его положенные на бумагу в 1943 году воспоминания о первых тяготах военного времени, с которыми столкнулись нкидовские ополченцы, представляют несомненный интерес — как исторический, так и чисто человеческий ...

(Орфография и пунктуация — по подлиннику.)

...Выступление т. Сталина от 3.УП. 1941 г., призывавшее к созданию Народного ополчения, нашло самый горячий отклик в рядах нашей организации. В тот же день во всех отделах Наркомата состоялись митинги, участники которых поголовно изъявили желание встать грудью на защиту Родины.

В парткоме начала работать комиссия, рассматривавшая нескончаемый поток заявлений, требовавших зачисления в народное ополчение. На следующий день стал известен

список лиц, просьба которых была удовлетворена. Наш наркомат посылал на фронт лучших своих сотрудников — истинных патриотов нашей родины. Здесь были и ответработники, и слушатели высшей дипломатической школы, и сотрудники техниче-ско-вспомогательного аппарата: бухгалтеры, портные, сапожники... Партийцы, комсомольцы и беспартийные, юноши и старики — все горели желанием помочь родине в этот грозный и трудный для неё час...

Вечером в общежитиях наркомата и на частных квартирах закипела работа — спешно шили походные мешки, подгоняли обувь, укладывали нехитрое солдатское имущество: кружку, ложку, иголку, нитки и т. п. Все понимали, что надо быть готовыми к лишениям и трудностям походной жизни. На следующий день — 5.УП. 1941 г. ополченцы и провожающие собрались на прощальный митинг в зале клуба НКВД, который не мог вместить всех желающих.

С глубоким волнением слушали участники митинга горячую речь зам.наркома НКВД СССР — т. С. А. Лозовского. Мне особенно запомнились из его выступления слова: — «Может быть, враг сумеет занять ещё какую-либо часть нашей территории, может быть, враг сумеет занять и разрушить еще несколько наших городов, но пусть он знает, что ему никогда не добиться над нами победы»... Эти слова были покрыты громом рукоплесканий, кто-то крикнул: — «За родину! За Сталина!» И мощное «Ура!» — потрясло стены здания и вырвалось через открытые окна на улицу... Еще несколько горячих напутственных выступлений — и вот уже ополченцы строятся перед зданием Наркомата. Последние крепкие дружеские рукопожатия, возгласы — «Возвращайтесь с победой!», последние напутствия жён, сестёр, матерей, родных, друзей и товарищей... Короткая отрывистая команда прервала эти волнующие проводы, и 150 ополченцев Наркомата двинулись к месту сбора 6-й дивизии Народного

ополчения Дзержинского района г. Москвы. Вся Москва уже знала о формировании Народного ополчения и в пути нас со всех сторон провожали приветственные возгласы, внимательные дружеские мужские взгляды, тёплые девичьи улыбки, оживлённый гам детворы.

Вот и место сбора... Короткий медосмотр, и мы двинулись к Марьиной роще, к нашим временным казармам, где провели 6 дней. Эти дни ушли на подготовку и организацию нашей дивизии. Из среды её участников были назначены командиры, проведена разбивка на подразделения, и вслед за тем началась предварительная учеба: строевые занятия, изучение материальной части винтовки и уставов РККА, овладение техникой штыкового боя и т. п.

За короткий 6-дневный срок наша дивизия приобрела вид настоящей воинской части и на итоговом смотре получила благодарность представителей командования РККА.

11 июля мы, как всегда, расположились «по-походному» на полу, готовясь вздремнуть после утомительного учебного дня. Но в 10 часов вечера внезапно раздалась команда построиться. Из строя повзводно мы пошли получать обмундирование. На экипировку было отпущено не более часа. За этот короткий срок наши ребята стали неузнаваемыми. Мы получили пилюльки, гимнастёрки, обмотки, вещевые мешки — все серого цвета / в отличие от общевойсковой формы цвета хаки/. Увидев на воротниках гимнастёрок серо-зелёные полевые петлички, мы поняли, что нам скоро придётся двинуться на Запад. Предположения нас не обманули. После окончания экипировки мы построились и пошли к месту отправки.

В течение короткой июльской ночи вся дивизия была погружена на машины, и нескончаемая автоколонна двинулась в путь по минской автомагистрали. Вот уже московские заставы остались за нашей спиной. Оборачиваясь назад, мы

жадными взорами ловили очертания любимого города, стараясь отыскать среди каменных громад знакомые здания... Замелькали сады, огороды, дачи, и Москва растаяла в тучах придорожной пыли. Машины стремительно шли на Запад. Привалы были крайне короткими. Вечером того же дня наша автоколонна прибыла в Вязьму. Пытливыми взорами мы ощупывали всё вокруг себя. Здесь начиналась прифронтовая зона. Мы увидели зенитки, прячущиеся в густом мелколесье, покрывающем склоны пригородных холмов, глубокие воронки, вырытые немецкими бомбами, повреждённые дома с зияющими глазницами окон и огромное тяжёлое облако пыли, которое нависло над всем городом... Это нескончаемой рекой шли на фронт к осаждённому Смоленску автомашины, тягачи, тяжелая тракторная артиллерия, — противотанковые части — огромное грохочущее хозяйство войны.

Нас поразило радушие жителей Вязьмы. При въезде на городскую площадь многие девушки и женщины встретили нас с цветами. Мы брали из их тёплых рук запылённые букетики жасмина, пристраивали их к пилоткам и гимнастёркам, завязывали короткие разговоры, расспрашивали о налётах фашистских стервятников. Особенно интересен был разговор с полуслепой старушкой — сторожихой городской почты.

— Как у вас дела, бабушка? — спрашивали мы её. — Часто ли немец налетал?...

— Как же, налетал, да, вишь, теперь перестал, — отвечала, пряча лукавую усмешку старуха...

— А почему перестал? — Как почему? — не видишь, что ли, что делается кругом! — молвила старушка...

Мы невольно оглянулись. За нашей спиной нарастал невыносимый грохот и лязг металла. Из вечерней мглы, вздымая тучи какой-то особенно густой и непроницаемой для глаз пыли, на нас надвигались чудовищной величины

орудия, каких мы никогда не видели на праздничных парадах. Казалось, громадные тракторы, тащившие их, изнывали под их невообразимым бременем. Мы почтительно отступили, и, вспомнив десятки зениток, усеивавших вяземские холмы, поняли, что наш вопрос был нелеп и наивен.

Мы долго отдыхали возле наших машин, т. к. пункт питания не мог пропустить нашу «внеплановую» дивизию. На фронт спешным маршем шли кадровые боевые части. Ошалевшая от этой лавины металла и оружия Вязьма задышалась в этом грохочущем потоке людей и машин, и нам скромным ополченцам, конечно, отводилось несколько меньше времени. В 4 часа утра мы, наконец, заправились горячими щами и пшённой кашей, после чего была дана команда спать. Не желая идти ночью на поиски отведённого нам места отдыха, наш батальон, в котором пулемётная рота сплошь состояла из наркоминдельцев, свернул в какой-то тихий переулочек, и там мы «без задних ног» устроились прямо на улице в тёплой и как бы живой пыли, которая густым слоем в 30–40 см покрывала всё — мостовую, тротуары, траву...

Зато при побудке наше подразделение имело прямо-таки фантастический вид. Всё стало серого цвета. А когда началась чистка, то мы буквально утонули в облаках пыли. Но ночь была очень тёплой, — мы хорошо отдохнули, и всё это послужило только лишним поводом для многочисленных шуток и крепких острот.

Быстро погрузились мы на машины и снова двинулись в путь. Но уже в полдень нас встретили представители командования той армии, которой мы придавались, и устроили нам привал. Нам объяснили, что мы находимся уже в прифронтовой полосе, где существуют твёрдо установленные правила поведения и маскировки. Узнав, что в составе дивизии следует целая «дипломатическая» рота, комиссары были очень довольны и сказали, что это будет хорошим подарком

для командования. К вечеру мы уже увидели в смоленском небе первые фашистские самолёты и чёрные клубы дыма, вздымавшиеся в высь от горящих деревень. Это была война, по крайней мере — первые её следы... Помню, что при виде пожаров, пылавших то слева, то справа, один молодой парнишка, лет 16-ти, сидевший в нашей машине, как-то притих и, видимо, оробел. Старшие товарищи — среди нас были участники первой мировой войны, — успокоили и ободрили его. Грянула песня, и под звуки «Партизанской» парень окончательно повеселел.

Вечером мы миновали Дорогобуж и разгрузились в густом зелёном лесу в 15–20 км от этого городка.

Машины ушли назад в родную Москву, и так началась наша «самостоятельная» походная ополченская жизнь. Все быстро приспособились к её особенностям. Уже через час лес был испещрён искусно сделанными шалашами. Каждое подразделение чётко знало свое местонахождение, расположение штабов, батальона, полка и т. п.

На следующий день командование объявило, что мы будем для начала использованы на строительстве запасных оборонных рубежей. Мы вооружились лопатами и приступили к этому новому для всех нас труду. На первый раз мы учились отрывать окопы для стрелкового отделения, взвода, роты, старательно делали ходы сообщения, пулемётные гнёзда. Затем нас перебросили на строительство крупного оборонного рубежа. Мы рыли глубокие противотанковые рвы, делали эскарпы, щели и т. п. Кадровые сапёрные части минировали за нами подходы к рубежам. Там, впереди нас, на Западе, враг наседал, и наши работы велись в очень напряжённом темпе. Обычно работы велись ночью, во избежание нападения с воздуха. Небо тогда кишело вражескими самолетами, наши лётчики дрались на переднем крае или на защите более важных объектов. Мы выходили на работу с заходом

солнца, утренняя заря была сигналом к окончанию работы. Чуть только розовел восток — в небе начинали рыскать фашистские стервятники. Невыполнение ночного задания грозило нам воздушным налётом и поэтому наши ополченцы, понимая обстановку, не нуждались в понуканиях или агитации. Работали все, не покладая рук, во главе с командирами взводов и отделений. Было с непривычки очень трудно. У нас — людей умственного труда — вначале ладони представляли собой сплошную кровавую рану, но никто не жаловался, все понемножку приравливались к непривычному труду и накапливали опыт. Многие из нас предусмотрительно захватили с собой перчатки; они помогали зарубцеваться потёртостям и ссадинам. Я свои перчатки «поделил» с секретарем нашего отдела Васей Лоскутовым. Также поступали и другие... Временами грунт попадался очень твёрдый, такой что даже и кирка не брала... Но мы не бросали работу и «грызли» неотступно неподатливую почву. Однажды такой неподатливый грунт немного нас «подвёл», — солнце уже вышло, а мы всё ещё продолжали работу. Вражеские самолёты не замедлили появиться, их налёт был внезапен, и мы, несколько сот человек, не успели выбраться по узким спускам из глубокого /в 3 метра/ противотанкового рва, отрытого нашими руками. Мы легли во рву, закрывая лопатами головы от обстрела. Ощущение полной незащитности было весьма неприятным. К счастью, фашистские стервятники, очевидно предположив, что такая масса людей должна быть прикрыта зенитками, вскоре исчезли, не причинив нам вреда.

Тяжелый след оставил в нашей памяти вид горящего Дорогобужа. Фашистская авиация налетела на него тучей среди бела дня, обрушив на его маленькие тихие улочки десятки зажигательных и фугасных бомб. К вечеру этот городок представлял из себя груды пылающих руин. Уничтожение Дорогобужа отразилось и на состоянии нашей части,

т. к. в этом городке находились наши базы. Питание ухудшилось: мы перешли на хлеб с водой, но работа не остановилась ни на минуту. Помню, что у более слабых физически товарищей под утро лопата буквально падала из рук. Тогда они становились за более сильными, работавшими с кирками и лопатами и, хватая негнущимися пальцами куски слежавшейся и тяжёлой, как металл, глины, выбрасывали их на гребень рва... Жалоб и хныканья не было. Люди только просили командиров по возможности наладить дело с питанием.

Когда нам разрешили колоть скот, который не мог почему-либо следовать с колхозными стадами, эвакуировавшись на Восток, наше положение улучшилось. Случалось, что колхозные доярки, сопровождавшие проходившие мимо нас стада, приносили нам в больших бидонах вечерний надой, и мы наслаждались тёплым парным молоком, благодаря заботливым русским женщинам, шедших с гуртами скота по знойным смоленским дорогам далеко-далеко в глубокий тыл.

После тяжёлой ночной работы мы возвращались в лес, укрывавший нас от фашистских стервятников, которые беспрерывно охотились за нами, выслеживая расположение наших частей. Поэтому нам часто приходилось менять место наших стоянок. Небо гудело от рокота моторов, в облаках то и дело завязывались горячие воздушные схватки, рывкали зенитки в частях прикрытия, на землю градом сыпались осколки, но неодолимый сон так сковывал нас, что мы сплошь и рядом, теряя ощущение опасности, не соблюдали правил предосторожности и спали прямо в кустах, не пользуясь щелями, которые мы аккуратно отрывали при каждой перемене стоянки. Наш дневной отдых был, как правило, непродолжителен. Днём мы занимались изучением материальной части оружия и полевого устава РККА.

К этому времени мы уже вооружились трофейным оружием. Нам выдали по сотне патронов, по две ручных гранаты, бельгийские карабины системы «Маузер» с широким кинжаловидным штыком. Кроме того, наша «наркоминдельская» пулемётная рота получила на вооружение польские станковые пулемёты.

Надо было срочно овладеть техникой нового для нас оружия — поэтому об отдыхе думать было некогда. Кроме того, круг наших обязанностей расширился. На нас возложили наблюдение за второй линией фронта, «прочёсывание» местности по заданиям командования, вылавливание подозрительных лиц и т.п. Фронт был рядом, немцы пачками забрасывали в наш тыл десантников, ракетчиков, шпионов; обстановка требовала напряжённого внимания и безукоризненного выполнения наших обязанностей.

Более опытным, побывавшим уже на войне товарищам командование дало возможность «понюхать пороху», их отправили на две недели на передний край познакомиться воочию с врагом. Вернувшись, они поделились с нами своим опытом, и после беседы с ними мы ещё с большим уважением стали относиться к нашему «основному» виду оружия — лопате.

В селе Ушаково нам пришлось впервые ощутить близость боя. Внезапно в штаб батальона пришло сообщение о том, что немецкие танки прорвались в наш тыл и вместе с пехотой движутся в наше расположение. По приказу мы быстро заняли отрытые нами накануне окопы, выдвинув на фланги пулемёты и приготовив зажигательные бутылки. Помню, что несмотря на недостаток оружия /мы еще не были тогда полностью вооружены/, никто не проявил малодушия или паники. Стояла тёмная ночь. На флангах у нас ожесточённо били противотанковые пушки. Грохот боя надвигался на нас... Зарницы орудийных выстрелов уже вспыхивали

в полукилометре от наших траншей... Мы напряжённо вглядывались в темноту, пытаясь разгадать — с какой стороны появится враг.

Огненное кольцо всё сжималось... но вдруг пришёл приказ об отходе, и нам не довелось на этот раз увидеться с врагом.

В последующие дни мы занимались той же работой, т.е. сооружением различного вида оборонных рубежей в районе Дорогобуж — Ельня. Тяжёлый физический труд и частые переходы закалили нас и приучили к выносливости. Мы свыклись с лопатой и овладели выданным нам оружием, производя в часы передышек учебные стрельбы. Густой загар покрыл наши лица, мускулы окрепли, лишения уже не пугали нас. Короче говоря, мы приобрели вид настоящей воинской части. Спустя немного времени командование отдало приказ включить нас в состав регулярных частей Красной Армии. И скоро наша ополченская дивизия получила первое боевое крещение, участвуя во взятии Ельни осенью 1941 г.

31 августа 1943 г.

подпись

Л. Троицкий.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

По инициативе Первого департамента Азии МИД России и при поддержке Совета ветеранов и Ассоциации российских дипломатов в Министерстве прошли памятные мероприятия в честь видных отечественных дипломатов — М. С. Капицы и И. А. Рогачёва. В соответствии со сложившейся традицией редакция сборника публикует их материалы.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ М. С. КАПИЦЫ (1921–1995 гг.)

Отметить столетний юбилей Михаила Степановича Капицы в Особняк МИД пришли его коллеги по работе, друзья и близкие, молодые сотрудники Министерства. В зале, где проходил Вечер, была развернута фото-выставка, подробно рассказывающая о жизненном и профессиональном пути этого выдающегося дипломата — Чрезвычайного и Полномочного Посла, заместителя Министра иностранных дел, члена Коллегии МИД, а также доктора наук, директора Института востоковедения, главного редактора журнала «Азия и Африка сегодня»...

Вечер открыл заместитель Министра И. В. Моргулов.*

* 13.09.2022 г. был назначен послом РФ в КНР.

И. В. Моргулов:

Очень рад вас всех видеть. Отдельно хочу поприветствовать супругу Капицы — Людмилу Витольдовну, которая здесь также присутствует. Перед началом этой встречи я сказал ей, что мы в Министерстве вспоминаем Михаила Степановича очень часто — его работу, его взаимодействие с коллегами, его отношение к молодым сотрудникам, а ещё связанные с ним истории, его афоризмы, на которые он был неиссякаем. Всё это бесценные воспоминания по прошествии ста лет со дня его рождения. Скажу честно, до сих пор не верю в эту цифру, он как бы незримо присутствует в МИДе и сегодня...

Я на 40 лет его моложе. Вспоминаю, что впервые Михаила Степановича увидел, будучи студентом Института стран Азии и Африки при МГУ, он читал нам лекции. И это было событие! Приезжал лично заместитель Министра иностранных дел СССР читать лекции о международном положении. И все стекались в Коммунистическую аудиторию в ИСАА МГУ, потому что это было действительно событие! Это были ярчайшие выступления, которые оставили в моей памяти совершенно неизгладимый след. Да, Михаил Степанович старше меня на 40 лет: если мне было тогда 20, то ему — 60, но он не воспринимался мною, тогдашним студентом, как пожилой человек. Он был для меня тогда да и сейчас остается как совершенно молодой, совершенно энергичный, совершенно активный, абсолютно замечательный человек.

Михаил Степанович, конечно же, прежде всего, китаист. Наши китайские друзья называли его «ЦЗЯПИЦАЙ» на китайский манер, а мы его, не секрет, звали «Михстеп». Он начал работу в советском посольстве в КНР в сороковые годы, а потом прошёл через разные этапы наших отношений: период дружбы с Китаем, период идеологических разногласий, нормализация в середине восьмидесятых годов, которую он

тоже застал. И Михаил Степанович уже и на высоких постах в Министерстве, будучи заместителем Министра, в своей практической работе, конечно же, был очень глубоко погружён в этот «китайский контекст» и внёс серьёзный вклад в развитие наших отношений с Китаем.

Но не только с этой страной. Капица, как известно, оставил очень яркий след и на других направлениях нашей внешней политики — и на индийском, и на пакистанском, и в Юго-Восточной Азии. Я лично видел его общение с Королём Камбоджи Нородомом Сиануком — это было потрясающе! Понимаете, я хочу сказать, что чем бы ни занимался Михаил Степанович — он всегда был ярким, всегда был креативным представителем советской дипломатической школы — этого, естественно, не отнять. Но в то же время он был и необычным представителем этой школы, он, безусловно, входил в дипломатическую элиту, но был нестандартным, выделялся из общего ряда выдающихся советских дипломатов, к когорте которых он — безусловно — принадлежит.

Не могу не сказать, что Михаил Степанович и выдающийся ученый. У меня до сих пор на книжной полке в кабинете дома и на работе стоят его книги. Он был член-корреспондент Академии наук СССР, много писал и о внешней политике Китая и Азии в целом, и это серьёзные научные работы, до сих пор сохраняющие актуальность. Никогда не забуду: на одной из лекций в ИСАА, как раз был англо-аргентинский Фолклендский/Мальвинский конфликт, и он нам, молодым студентам, говорил: «Ребята, подумайте: с одной стороны — капиталисты, и с другой стороны — капиталисты, и нам, рабочему классу, это же выгодно должно быть, когда капиталисты между собой воюют». Вот такой совершенно неожиданный взгляд. И это производило переворот в наших умах. Так мы никогда не смотрели на ситуацию.

Михаил Степанович действительно был крупным учёным, крупным специалистом, причём это признавалось не только в нашей стране, но и за рубежом. И это яркая научная фигура в нашей историографии. То, что он возглавил Институт востоковедения в очень тяжёлое время на переломе эпох — это тоже своего рода подвиг. Мы все прекрасно помним, насколько сложное это было время.

Ну, не могу не сказать и о том, как Михаил Степанович относился к кадрам, к молодёжи. Я от многих своих старших товарищей об этом слышал — я уже говорил, что у нас большая разница в возрасте, я не могу похвастаться тем, что лично близко знал Михаила Степановича, но мне хорошо известно, что он очень внимательно относился к молодёжи. Вообще он был очень отзывчивым человеком, очень добрым человеком, у него было обострённое чувство справедливости. Многие мои старшие коллеги могли бы рассказать про чуткость Михаила Степановича, про то, как он пестовал молодёжь, как он воспитывал молодёжь, как он заботился о молодёжи — это было особое его удивительное качество, на которое, безусловно, надо ровняться, и мы стараемся это делать.

Чуткость, отзывчивость, жизнелюбие в самом широком смысле этого слова, жизнерадостность и неординарность, необычность Михаила Степановича — это то, что выделяет его из общего ряда. Ещё раз скажу: он принадлежал, безусловно, к элите советской дипломатии, это один из выдающихся дипломатов советской дипломатической школы. И это человек, который умел быть чрезвычайно твёрдым, когда это надо было — я сам наблюдал, как он вёл переговоры. Он был очень жёстким и твёрдым, когда надо было отстаивать интересы своей Родины. А он, безусловно, был патриотом и был предан тому делу, которому служил. Вот это всё сочеталось в нем с мягкостью, вниманием к людям, заботливостью, даже с такой отеческой заботливостью о молодёжи, и это, конечно,

всё то, что делало Михаила Степановича тем Михстепом, которого мы знали и очень, очень любили.

И еще хочу сказать, что Михаил Степанович свою твёрдость и принципиальность проявлял не только в работе с нашими внешними партнёрами, но и всегда был так же твёрд и принципиален с коллегами. Мы все с вами знаем, что внутренняя дипломатия бывает порой сложнее, чем внешняя. Так вот, знаю лично на многих примерах и по рассказам своих старших товарищей то, как Михаил Степанович отстаивал свою точку зрения в спорах с коллегами, если считал, что он прав и надо действовать только так, а не иначе. И это тоже замечательная черта Михаила Степановича, которую я хотел бы сегодня подчеркнуть.

Михаил Степанович, безусловно, оставил ярчайший след в нашей дипломатии. Он стоял у истоков отечественной дипломатической школы на азиатском направлении, он действительно один из столпов этой советской и российской дипломатической школы, на которую и мы сегодня опираемся в нашей работе...

Ведущий предоставляет слово Чрезвычайному и Полномочному Послу, Заслуженному работнику дипломатической службы России Евгению Владимировичу Афанасьеву.

Е. В. Афанасьев:

Спасибо большое! Хочу сказать, что для меня большая честь участвовать в этом мероприятии, видеть здесь Людмилу Витольдовну, видеть здесь коллег своих — и старших, и более молодых. Мне посчастливилось два года работать непосредственно под руководством Михаила Степановича Капицы в качестве руководителя его секретариата. Как я попал к Михаилу Степановичу на эту должность? Я был тогда первым секретарем Первого Дальневосточного отдела, за плечами у меня было пять лет работы в Китае, восемь

лет работы в Соединённых Штатах, и кто-то, видимо, меня порекомендовал. На следующий же день после выхода на работу — это как раз пример того, как относился к молодым кадрам Михаил Степанович — он сказал: «Пойдем к одному очень важному человеку — есть такой Василий Макаров в Министерстве иностранных дел (*старший помощник Министра А. А. Громыко — прим. ред.*), которого тут побаиваются некоторые, но я тебя ему сейчас представлю». И мы пошли к Макарову, я, естественно, дрожал, слышал, конечно, о его строгом характере. Михаил Степанович зашёл в кабинет и говорит: «Вась, вот мой новый помощник, смотри его не обижай!» Вась что-то буркнул, но в дальнейшем, я, честно говоря, от него никаких негативных моментов не имел. Ведь Михаил Степанович фактически сразу же предупредил: «Уважай моего помощника»...

Хочу поделиться личными впечатлениями о том, как работал Михаил Степанович. Приезжал очень рано, у него даже были «посиделки» до этого — он встречался со своими старыми коллегами, друзьями до работы. Затем просматривал огромные кипы телеграмм, тут же давал все указания, писал резолюции и где-то к десяти часам уже всё «разбрасывал» по нужным адресам...

Если надо было, он брал телеграмму, вызывал кого-то из отдела и зачитывал текст, скажем, заявление китайской стороне — тогда были очень сложные отношения с Китаем — прямо с ходу.

К нему шёл непрерывный поток посетителей. Кто-то с личными просьбами, что-то по диссертации, что-то по книгам — посоветоваться, что-то по лекциям, у кого-то личные проблемы — он всех принимал. И вот интересно, звонит Михаил Степанович и говорит: «Евгений Владимирович, ко мне приходит Петров через 10 минут, как его имя и отчество?». Я говорю: «Василий Иванович». Он говорит:

«Как только придет — заводи». Приходит Петров, открываю дверь к Михаилу Степановичу, Михаил Степанович говорит: «Вася, привет!». До этого он только что спрашивал, как его зовут, а тут — Вася! Но и Вася был доволен ужасно! Вот пример того, как с ходу налаживать контакт...

На Филиппинах, когда я сопровождал Михаила Степановича, после того как свергли Маркоса, ситуация была непростая в наших отношениях, да и ещё получилась неувязка с нашим послом новым, который вручил верительные грамоты Маркосу буквально за несколько дней до его свержения. Можно было не ходить, не вручать, но филиппинцы настаивали, что всё нормально, они справятся, «не волнуйтесь, за нами армия!». А потом народ вышел, преградил дорогу танкам, свергли Маркоса (*упомянутый посол настаивает на другой версии обстоятельств вручения им верительных грамот: подробнее об этом в сборнике Совета ветеранов «О времени и о себе», том 29, стр. 55,61 — прим. ред.*). И Михаил Степанович полетел налаживать отношения с Корасон Акино и с новой властью. И вот заходим во дворец Корасон Акино, Михаил Степанович к ней подходит, кланяется, берёт за ручку и целует. И она говорит: «О, ну Вы настоящий европейский джентльмен!». Михаил Степанович обернулся ко мне и говорит: «Чёрта с два! Только не переводи». Беседа прошла успешно, все встречи он провёл как надо. Постепенно наши отношения начали выравниваться.

Я думаю, Михаил Степанович был, пожалуй, одним из первых наших дипломатов-востоковедов, которые осознали и прочувствовали необходимость нормализации и улучшения отношений с Китаем. Он летал туда и в качестве гостя посла, и в качестве заведующего Первого Дальневосточного отдела, и в качестве заместителя Министра.

Он и в Москве принимал всё время китайцев. Очень любил возить их в Мещерино, на дачу МИД, там были, как

правило, обед, прогулка по лесу, потом сауна, баня. Причём китайцы тогда ещё не любили ходить в сауну, они, видимо, стеснялись, а Михаил Степанович: «Да ничего, разденемся — голая правда — заходите!». И посол Китая лично назначал: «Пойдёт со мной советник-посланник, первый секретарь и атташе». Причём китайцам это так понравилось, что они потом у себя в посольстве построили замечательную сауну (и она там есть до сих пор), приглашали всех нас — это вот Михаил Степанович их приучил... Как-то раз в сауне был такой разговор. Китайский посол спрашивает: «Михаил Степанович, а сколько Вы зарабатываете как замминистра?». А тот отвечает: «Знаете, у меня вообще-то три зарплаты: я получаю 500 рублей как заместитель Министра, 500 рублей за свою научную работу — я заведующий кафедры в МГУ, — книги пишу; ну и где-то рублей 500 получаю за лекции». Китаец ему на это говорит: «Так Вы настоящий новый капиталист!». Тогда это было ещё ругательное слово.

Уже говорилось, что на лекции Капицы сбегались все, я помню это ещё и по МГИМО, его лекции были, конечно, произведением искусства.

Как нам говорили, ему не раз указывали в Инстанции, что нельзя так откровенно всё рассказывать. Но он рассказывал.

Вот поэтому я считаю, что мне очень повезло, что я работал под его началом вплоть до его перехода в Институт востоковедения. Когда он работал в Институте востоковедения, он часто ездил по курируемым странам — его знали все. И мне запомнилась фраза министра иностранных дел Сингапура, когда уже не стало Михаила Степановича, он сказал: «Мы знаем, что у Михаила Степановича были человеческие слабости, но это был великий дипломат и великий человек — a great human being». Вот это точная

характеристика Михаила Степановича. И потому у нас у всех остается глубочайшее уважение к этому человеку, и мы сохраняем о нём память.

Ведущий передаёт микрофон Чрезвычайному и Полномочному Послу Константину Васильевичу Внукову.

К. В. Внуков:

Я хотел бы на своем примере немножко рассказать о том, как у меня складывались отношения с Михаилом Степановичем. Разные люди встречались, разные отношения складывались, но с Михаилом Степановичем это были особые отношения. Когда в 1972 году в институте «подошла» моя преддипломная практика, меня собирались отправить в Швейцарию, в Представительство при международных организациях. Но очень долго не давали визу, и я исстрадался — все мои однокашники уже уехали, все начали преддипломную практику. Я пришёл в Кадры МИД, там был такой (светлой памяти) очень хороший кадровик Антиповский — наверное, многие ещё помнят его — так вот, я пришёл к нему и говорю: «Так и так, мне надо все-таки проходить практику, а когда визу получу — не знаю...». А он спрашивает: «Слушай, а ты же китаист?»

— Китаист.

— Вот и давай в Первый ДВО к Капице.

Таким образом я оказался под крылом Михаила Степановича, в нашем славном, как он говорил, «первом дальневосточном краснознаменном отделе». Посадили меня в совершенно уникальную комнату 944. Эта комната огромных размеров, там сидели в то время легендарные дипломаты, которые были свидетелями культурной революции в Китае, многие из них за значительный вклад в дипломатическую работу были награждены нашими государственными наградами. И самое интересное, что они очень любили делиться

воспоминаниями. Для меня, студента-китаиста, это было вообще уникально послушать, что происходило и как это происходило именно из уст тех, кто был свидетелем важных событий...

МихСтеп приходил на работу рано. И вот когда я тоже приходил на работу рано — в смысле, на практику, рано — уже подходя к кабинету, я понимал, что МихСтеп внутри, потому что чувствовался запах сигар. В большой комнате стоял большой «сталинский» диван, и Михаил Степанович с его ростом, с его величием, на этом диване иногда прятался и смотрел, как приходит молодёжь на работу. И курил сигару...

Постепенно я входил в курс работы первого ДВО, смотрел документы — между прочим, он не считал, что я практикант, он считал, что пришел молодой дипломат, и давал с самого начала через своих заместителей мне задания — и писать справки, и писать документы, читать и так далее. Прошло недели две, вызывает меня Михаил Степанович и говорит:

— Сегодня ко мне придет китайский посол, ты — на беседе.

У меня шок. Первое впечатление, что придётся переводить беседу. А я к тому времени, несмотря на четыре с лишним года учёбы в МГИМО, и китайцев-то живых не видел вообще.

Капица говорит: «Иди, встречай их и приводи сюда!»

Я пошёл вниз, оформил пропуск и вижу: идут китайцы небольшого роста, во френчах, со значками — как тогда это было у них принято. Вот посол, а с ним — был тогда первый, по-моему, секретарь Ли Фэнлинь, который потом стал послом — прекрасный знаток нашей страны, русского языка. Я представился, Ли Фэнлинь меня допросил подробно, кто я такой, чего я и так далее. Пришли к Михаилу

Степановичу и, к моей радости, я увидел, что переводить мне не придётся. Там был прекрасный знаток китайского языка Наташин, который и взялся за перевод. А Капица мне показал — пиши, будешь делать запись. Беседа была очень тяжёлой, как сейчас помню, тема главная «Неправомерные действия китайских представителей в Синьцзян-Уйгурском районе», в районе границы нашей. Китайцам нашу ноту вручили, когда Михаил Степанович зачитал её, вижу — китайцы постепенно наливаются гневом, китайский посол вскакивает, стучит кулаком по столу и начинает тонким голосом кричать:

— Китайский народ никогда не поставишь на колени! Вы подвесили атомную бомбу над столом переговоров... И так далее.

Я подумал: «Боже, какой же страной я буду заниматься», такой ужас охватил — казалось, сейчас дело до драки дойдёт!

Михаил Степанович все внимательно выслушал. Ответ, естественно, последовал, он был спокойным и взвешенным, а потом Капица говорит:

— Товарищ посол, ну что — поедем через недельку в Мещерино?

Китаец отвечает:

— Конечно! С удовольствием!

И у меня отлегло. Думаю: «Так это нормальные люди, не просто какие-то марионетки».

Капица попрощался. Я пошёл провожать китайцев, а когда выходил, МихСтеп мне говорит:

— Потом ко мне.

Возвращаюсь, Михаил Степанович указывает на стул:

— Садись.

— У тебя блокнот есть?

— Конечно.

— А теперь записывай, как надо оформлять беседу. Вот тебе слова, которые необходимо использовать, чтобы не повторялись: «провёл мысль», «подчеркнул», «акцентировал»...

Я полблокнота исписал таких слов, очень потом пригодилось. А Капица — перед тем, как я ушёл — поинтересовался:

— Ну что, как тебе китайцы?

— Вообще первое впечатление ужасное, а потом вроде и ничего.

Он говорит:

— Все будет нормально. Все это отгремит, отшумит. Китай всегда был и будет нашим соседом, и ты хорошее дело взял — изучать Китай и работать с Китаем, никогда не пожалеешь.

И действительно, я не пожалел и в своей дальнейшей работе всегда чувствовал взор Михаила Степановича — он всегда внимательно отслеживал, кто, как работает, и если он замечал что-то не то, очень строго мог сказать: «Ты вот здесь не прав», и это говорилось хоть и строго, но как-то по-отечески, что ли. И вообще в дальнейшем сложились такие отношения с Михаилом Степановичем, которые очень помогали в жизни. Когда я надумал жениться, он и Людмила Витольдовна были у нас в качестве почётных гостей на свадьбе, ну и уже потом, когда у нас родился первый сын — кстати, нынешний советник в нашем департаменте — МихСтеп стал крёстным отцом Павла. Вот так по жизни с Михаилом Степановичем мы и шли, и я благодарен за всё, что он сделал — не только для меня, а в первую очередь для нашего китаеведения, для родного департамента. Не верится, что Михаилу Степановичу сто лет — он всегда рядом с нами, всегда живой.

Ведущий передаёт микрофон председателю Ассоциации российских дипломатов Игорю Васильевичу Халевинскому.

И. В. Халевинский:

В свою бытность девятиклассником средней школы для меня идеалом, по понятным причинам, был Андрей Андреевич Громыко. Но когда я поступил в МГИМО и побывал на лекциях Михаила Степановича Капицы, он стал вторым моим идеалом. В этих лекциях меня поразила и восхитила объёмность суждений и многогранные подходы, удивительные знания Михаилом Степановичем фактуры — это было прекрасно. В дальнейшем я неоднократно присутствовал на выступлениях Капицы на партактивах, на общих собраниях Министерства, и всегда актовый зал был забит, и все слушали его с огромным интересом.

Я хотел напомнить, что он был в прекрасных отношениях с премьер-министром Пакистана Зульфикаром Али Бхутто. Тот восхищался им.

У Михаила Степановича, невзирая на его учёность, была беспримерная чуткость, теплота и огромное чувство юмора. Это был просто искрящийся, прекрасный бренд. Вспоминаю его шутку, когда в давние годы мидовские некрологи висели у центральных лифтов. Так вот, одна его шутка по МИДу разошлась: «Подхожу и смотрю — мой некролог не висит? Нет? Вот тогда и захожу». Логично, что в дальнейшем место размещения некрологов перенесли к гардеробу.

Я хочу подтвердить впечатления ближайших коллег, действительно Михаил Степанович всегда с нами, это был удивительный человек, яркая личность, он не «бронзовеет», он просто с нами постоянно, и во многих вещах мы действительно соразмеряем, как бы Михаил Степанович отреагировал. А он реагировал всегда очень чётко, откровенно, а когда надо то и жёстко — об этом замминистра очень хорошо сказал. Такой стиль для нашей дипломатии идеальный, востребованный и нужный...

Ведущий: Слово предоставляется учёному, кандидату исторических наук Валентину Цуньлиевичу Головачёву.

В. Ц. Головачёв:

Поскольку директор Института востоковедения РАН находится в отпуске, мне предоставили честь выступить на этом Вечере от имени нашего института, от имени дирекции и коллектива. Скажу прямо, что мне как китаеведу очень интересно послушать сегодняшние воспоминания, поскольку я тоже уделяю немало времени истории китаеведения. Воспоминания эти, безусловно, бесценны. К сожалению, я не был лично знаком с Михаилом Степановичем, а слова, которые я озвучиваю, может быть, будут звучать несколько более формально, но, поверьте, только от души.

Михаил Степанович — крупный дипломат и ученый-международник — пришёл на пост директора Института востоковедения в 1987 году, в очень тяжёлое, как отметил уже Игорь Владимирович, время, в период «перестройки», распада СССР, победы либералов и начала постсоветских рыночных реформ. Не только эпоха, но и настроения сотрудников института были в то время очень сложными, поэтому сразу после прихода в дирекцию Михаилу Степановичу пришлось приложить немало усилий, в том числе задействовать свой богатый дипломатический опыт и качества для того, чтобы завоевать доверие и поддержку коллектива института. Конец «перестройки», распад СССР, крушение социализма и коммунистических идеалов, на смену которым пришли либерализм и капитализм, всё это были такие гигантские испытания, пережить и преодолеть которые, оставаясь на высоком ответственном посту, мог только очень сильный человек с могучим характером. Таким и вспоминают Михаила Степановича наши коллеги, с которыми я вчера, в частности, беседовал о нём. Конечно, многое в те годы зависело не только от характера, но и от профессионализма, и,

как известно, Михаил Степанович был не только хорошим китаистом, доктором исторических наук, членкором — он был и американистом, и пакистановедом, ученым-международником, прекрасно говорившим не только по-китайски, но и, как вспоминают наши коллеги, по-английски. Михаил Степанович возглавлял наш институт, как и его предшественник, Евгений Максимович Примаков, ровно семь лет, с 1987 по 1994 год. Но надо сказать, что это были самые нелёгкие годы социальных бурь и кризисов. Это была целая переходная эпоха в истории института, одной из самых фатальных черт которой стало почти полное сокращение государственного финансирования науки. В июне 1992 года в своей речи на конференции «Россия — Индия: состояние и перспективы сотрудничества», как бы ставя диагноз одновременно и науке, и дипломатии того времени, Михаил Степанович сказал такие слова:

— Мы болеем. Болеем политикой развала отношений с нашими друзьями. Мы болеем потому, что рушится великое здание, которое строилось усилиями великих народов. Поэтому наша конференция — это не просто научный симпозиум, это конференция тревоги, это набат.

К счастью, сегодня мы видим, что во многом благодаря своему директору в те годы Институт востоковедения не погиб, а сумел сохранить свою целостность, костяк своих кадров, свое академическое лицо. И то, что Институту востоковедения в итоге удалось адаптироваться и плавно, пусть даже сквозь тернии и, как говорится, преодолевая муки, вступить в новую, постсоветскую эпоху, а в последний десяток лет ускоренно возрождаться — всё это во многом заслуга Михаила Степановича Капицы, о котором в дирекции и коллегии Института востоковедения сохраняют самую добрую память как о сильном человеке, неординарном учёном и дипломате.

Ведущий предоставляет слово Чрезвычайному и Полномочному Послу Виктору Ивановичу Трифонову.

В. И. Трифонов:

У нас всех найдётся доброе слово для Капицы — этого яркого, замечательного человека. Я практически всю свою профессиональную жизнь проработал рядом с ним. Помню его ещё как преподавателя МГИМО, который читал нам интересные лекции. Все всегда рвались попасть на эти лекции. К тому же это был очень добрый человек, и всегда было можно рассчитывать, что тебе поставят «зачёт», даже если ты не очень хорошо знаешь предмет.

Но разные были периоды, и вот для меня был особенно насыщенный период с 1971 года — я работал тогда в департаменте у Михаила Степановича, и он загружал нас очень серьёзными аналитическими заданиями. Поскольку и ему «сверху» спускали задания, он и нам давал возможность испытать свои силы, и это, конечно, был бесценный опыт. Времена были сложные, продолжалась советско-китайская полемика. Материальное положение было неважное, и опять же мы могли немножко подработать где-то. Он тоже это благословлял, тем более, что китаисты были востребованы во времена полемики. И Михаил Степанович — как мог — всегда помогал нам в решении житейских проблем, всегда можно было к нему обратиться, если возникали какие-то трудности — он всегда был готов написать бумагу куда надо и постараться своим сотрудникам помочь.

После тяжёлого периода полемики, нанёсшего очень много шрамов, наступил период, когда Михаил Степанович, будучи директором департамента, потом замминистра, пришёл к чёткому пониманию: настало время для того, чтобы повернуть вспять эти отношения, которые были совершенно ненормальные. Своеобразным водоразделом стала, если помните, речь Брежнева в Ташкенте в апреле 1982 года,

департамент и Михаил Степанович лично приложили к этому руку, и все мы участвовали, в общем-то, из каких-то там кусочков эту речь составляли, работа была сложная, но она того стоила. И процесс, что называется, пошёл. И всё закончилось теми отношениями, которые мы имеем сейчас. Вклад Михаила Степановича в это бесценен.

Слово предоставляется Чрезвычайному и Полномочному Посланнику Аркадию Ивановичу Лаврову.

А. И. Лавров:

Сегодня у нас особо знаменательный день — мы вспоминаем Михаила Степановича. Вот несколько воспоминаний из моего личного опыта. Шел 1982 год, я был третьим секретарём и принёс Капице для доклада запись беседы представителя МИД на Дальнем Востоке, в Находке, в беседе содержалась заинтересовавшая нас информация. Дело в том, что консул Генконсульства КНДР доверительно сообщил представителю, что КНДР якобы обладает ракетным ядерным оружием. Повторю, я был третьим секретарём, в общем-то мальчишкой, а Михаил Степанович спрашивает у меня:

— Как считаешь, это возможно?

Я говорю:

— Да нет, маловероятно.

— Ну, и я тоже так думаю.

Ну, такой мелкий эпизод, но, тем не менее, он показывает, что Михаил Степанович хотел знать и мнение молодых дипломатов по серьёзным вопросам, и молодые дипломаты этот интерес очень ценили. И мы гордились тем, что у нас такой заведующий отделом, по нынешним понятиям, директор департамента..

А по поводу записи беседы Михаил Степанович тогда сказал: «Направь её в КГБ, а вообще, по-моему, пока это ерунда». Он сказал «пока», потому что корейцы тогда

зондировали нашу возможную реакцию на то, что они все-таки сделали в дальнейшем.

Вот уже здесь говорили, что порой он бывал очень строг. Но при этом всегда справедлив. Работал у нас один товарищ — парень с головой, подававший большие надежды. Отправили его на работу в одно посольство, и он там проштрафился. Ну и, как тогда это было принято, его хорошо пропесочили на партийном собрании, и Михаил Степанович лично очень жёстко его критиковал. Он говорил: «Мы тебя должны наказать, ты нас подвёл, подвёл коллектив, партийную организацию...» Этого сотрудника тогда понизили, но буквально через полгода он был восстановлен в прежней должности. И руководство Отдела пошло на это, парень всё понял, как говорится, оправдал доверие, взялся за ум. И больше Михаила Степановича никогда не подводил. Вот такие случаи у нас бывали, и Капица всегда в таких ситуациях действовал не просто адекватно, а мудро...

Ведущий предоставляет слово заведующему Отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН Александру Валентиновичу Воронцову.

А. В. Воронцов:

Прежде всего хочу выразить искреннюю благодарность Министерству иностранных дел за то, что организовали это прекрасное мероприятие в этом знаменитом здании, в этом поистине «намоленном» помещении, к формированию атмосферы которого Михаил Степанович тоже руку приложил, как известно. Спасибо огромное.

Про Михаила Степановича можно говорить бесконечно. Но вот с позиции востоковеда просто хочу вспомнить какие-то яркие эпизоды. Вспоминается первый день, когда он пришёл к нам на работу как директор в институт. Когда окончательно решение о назначении было принято,

в институт позвонили «сверху». Тогда исполняющим обязанности директора был Ким Георгий Фёдорович, а я являлся его помощником. Георгий Фёдорович находился в командировке, другого начальства на месте не было, и меня отправили в МИД на знакомство с новым директором. Это был четверг, а в понедельник Михаил Степанович уже приходит на работу. Мы в десять часов начинаем, а на этот раз уже в полдесятого в приёмной директора собрался, так сказать, весь институтский начальственный актив — помещение сравнительно небольшое, людей много, все напряжены... Опасения-то у всех были серьёзные: заместитель Министра иностранных дел идёт, мидовец! Теперь придёт конец академическим свободам, вольностям, мидовская дисциплина начнётся, директивность и так далее... Все напряжены, внутренне, во всяком случае, и как бы по стойке «смирно» стоят. Капица заходит, в дверном проёме останавливается, даже прислоняется к косяку, обводит всех взглядом. И чувствует, конечно, всю эту напряжённую ситуацию. Спустя несколько мгновений находит взглядом меня — а я, как молодой, естественно, на «задах» стоял — и говорит:

— Привет, дядь Саня!

И всё. Вот так одной фразой сразу снял напряжение, так сказать. У профессуры — вздох облегчения.

Он говорил: «Шеварднадзе освободился от всех заместителей Министра, которые были при Громыко, и я последний, кто дольше всех задержался. Теперь буду заниматься Востоком здесь». И занимался, надо сказать, в высшей степени успешно. В том числе с задействованием опыта многих своих бывших коллег из МИДа — востоковедов-практиков.

Интересная деталь — в работе отказывался, категорически отказывался, принципиально отказывался принимать американцев. Не любил американцев. К нему набивались многие, и он многих принимал, а вот американцев

категорически нет. Почему? Как-то он сказал после работы: «Не воспринимаю, не терплю их нахрапистость, агрессивность...» И ещё вспомнил 1954 год, конференцию в Женеве (обсуждались Корея и Вьетнам). «С тех пор, — говорил Михаил Степанович, — контраст остался на всю жизнь в памяти. На конференцию приехал госсекретарь Даллес, нахрапистый, хамоватый, наглый, красная физиономия, как у английского бульдога, и на его фоне Чжоу Эньлай — интеллигентнейший, вежливый, воспитанный, умница, подготовленный ко всем нюансам переговоров. Вот такой контраст, — вспоминал Михаил Степанович. С тех пор к китайцам душа лежит. К американцам — нет».

Когда КНДР вступать надо было в ООН, двумя государствами они вступили, а вот до этого у КНДР, вы прекрасно знаете, была позиция: двумя государствами вступать нельзя, это увековечивание раскола, вступать только после объединения. Но ситуация-то изменилась, произошёл развал Советского Союза. И вот вопрос встал — как вступать, а КНДР — на своей этой ортодоксальной позиции. Помню, на приёме в северокорейском посольстве Капица посла просто за грудки взял. А я оказался переводчиком. Михаил Степанович в жёстких выражениях заявил: «Вы сейчас упускаете последний шанс! Если вы сейчас не вступите, потом американцы вас не пропустят, ветировать будут, а мы уже ничего не сможем сделать — ведь Советского Союза больше нет. Не будьте глупцами!»

И я тогда — после беседы — набрался смелости и сказал: «Ну, Михаил Степанович, это же все-таки посол, ну как-то вот... как-то Вы слишком жёстко с ним, так уж прямо вот...»

— Ты, — говорит, — ничего не понимаешь.

На следующий день звонок в институт из посольства:

— Товарищ посол хотел бы приехать и продолжить беседу, начатую вчера на приёме с Михаилом Степановичем.

Капица душой болел за институт. В то время надо было искать деньги, спонсоров, сдавать в аренду часть здания, где-то еще выкручиваться. И вот он всё это вынес, всё выдержал и сохранил институт.

Ведущий передаёт микрофон Людмиле Витольдовне Капице.

Л. В. Капица: Уважаемое собрание, я хочу поблагодарить всех за то, что вы собрались здесь, за то, что так тепло говорили о Михаиле Степановиче и за то, что вообще состоялся этот Вечер. Потому что я даже не могла в самых сладких грёзах представить себе, что это может быть в этом дивном здании, которое мы так любили, в котором десятки раз были приёмы, которое вообще стало для нас вторым домом. И здесь, в память о Михаиле Степановиче проводится этот Вечер с этой совершенно невероятной датой, в которую всё равно мы поверить не можем — 100 лет! Михаилу Степановичу 100 лет! Не может быть все равно!

Что хотела сказать, добавить? Никто об этом не упомянул, а это интересно, потому что не все, наверное, знают, что Михаил Степанович был человеком, который сделал себя сам в самом полном смысле слова. Ведь он родился на Западной Украине в очень красивом, но абсолютно далёком от цивилизации селе. Настолько далёком, что оттуда, по-моему, 40 километров до железной дороги. Вы представляете, что это такое в 1921-м году! Там не было электричества, до войны он никогда не смотрел кино. Но он был самым шустрым в семье, да и в селе. Потому отец и сказал ему, что нужно учиться. Собрали то, что можно было собрать. Я воображаю, какая это была одежда — даже не надо воображать, всё равно страшно. И он отправился в Харьков. Вот тут интересно, но просто барабаны судьбы уже бьют в этой ситуации. Он приехал в Харьков, в отцовских сапогах, с его ростом, с его

голубыми глазами и с той, наверное, наивностью деревенской. И пришёл в институт иностранных языков — он хотел изучать языки. Значит, у него была какая-то тяга к этому. Но всё, там закончились экзамены. И тогда он пошёл жаловаться директорисе, просто, как ребёнок, пошёл жаловаться, и она его взяла. И он поступил. Он проучился там год, как он говорил, «в совершеннейшей бедности», потому что у него не было никакой помощи... А потом уже началась настоящая карьера, его приметили и взяли в Москву — вы сами знаете, что это такое — школа переводчиков для ЦК партии, это было совершенно другое заведение, где его выучили в совершенстве английскому, потом война, родители в оккупации, и карьера пошла уже совершенно по другим рельсам. И вот только потом началась уже китайская эпопея.

Но я к чему всё это рассказала? К тому, что человек сделал себя сам, вообще. Когда он приехал из Харькова в Москву, когда его взяли — он не знал и нормального русского языка. Потому что в деревне той, конечно, русскому языку никто их научить не мог. Так что он сначала должен был выучить русский, потом он должен был выучить английский в совершенстве. Где он учил английский, он говорил, что им запрещали говорить между собой по-русски. Только по-английски, даже в общезитии. А потом уже китайский.

Так что вот этот человек абсолютно «self-made». Абсолютно. И вот это очень важно. И со своей малой родиной он никогда не порывал. Если б вы знали, сколько народу к нам приезжало с Украины! Сколько они спали на моем диване!

И ещё. Он очень интересовался всем новым. У меня другая совершенно профессия, я искусствовед по изобразительному искусству, а он абсолютно ничего не понимал в изобразительном искусстве, когда мы познакомились. И когда как-то он увидел мои альбомы, мои работы, он начал этим интересоваться. И если он куда-то уезжал без меня, то он

мне привозил точные записи, в каком музее он был и что он в этом музее видел. Он понял, что эта часть жизни ему неизвестна, и ему стало обидно — как же так?!

А теперь я вернусь к своей благодарности МИДу и хочу сказать, что МИД помогал всегда. Вот сейчас — это праздничное событие, но я хочу вспомнить, как МИД помог нам в самые страшные времена, когда Михаила Степановича не стало. То есть МИД сделал всё — я даже практически ни в чём не участвовала, потому что участвовать не было сил. Но МИД сделал абсолютно всё и в материальном, и во всех других аспектах. Так что МИД нам всегда очень помогал и за это большое-большое спасибо всем и огромная благодарность за этот совершенно замечательный — я прямо скажу — праздник. Спасибо!

У микрофона Чрезвычайный и Полномочный Посол, президент Ассоциации российских дипломатов Погос Семёнович Акопов.

П. С. Акопов:

Уважаемые участники встречи! Я хотел бы и от вашего имени поблагодарить организаторов этого замечательного Вечера. Уже стало традицией проведение у нас в Министерстве с участием общественных организаций, руководства МИД, департаментов мероприятий, посвященных памятным дням наших выдающихся дипломатов. И вот сегодня мы отмечаем с вами столетие Михаила Степановича Капицы.

В моём представлении, те, кто приходил на работу в МИД, вместе со всеми ощущали, что Михаил Степанович — особая фигура в Министерстве. Потому что это легенда нашей отечественной дипломатии, наряду с такими выдающимися отечественными дипломатами, как Валериан Александрович Зорин, Яков Александрович Малик, Олег Александрович Трояновский, Сергей Александрович Вино-

градов, Юлий Михайлович Воронцов, Юлий Александрович Квицинский и многие другие. Наряду с именами этих выдающихся дипломатов имя Михаила Степановича вошло в историю, или — вернее — золотыми буквами вписано в историю нашей отечественной, я подчеркиваю, отечественной, а не только советской дипломатии, как было здесь сказано. Я думаю, что я высказываю не только своё мнение, но и мнение многих моих коллег и друзей, которым посчастливилось работать, общаться с этим, я бы сказал, исключительно одарённым во всех отношениях человеком.

Он принципиально, с чувством глубокой убеждённости отстаивал интересы страны. И это ощущалось иногда даже в его спорах с Министром — Громыко. Это мы все знали. А он был человеком поистине принципиальным, с которого моё поколение брало пример. Светлая ему память! Дай Бог, чтобы молодое поколение следовало его принципам. Спасибо!

Чрезвычайный и Полномочный Посол Анатолий Сафронovich Зайцев, хорошо знавший М. С. Капицу, не смог, к сожалению, присутствовать на Вечере памяти. Свои воспоминания он направил в редакцию сборника в письменном виде...

НЕПОВТОРИМЫЙ МИХСТЕП

Считаю несомненным везением, что мой жизненный выбор как востоковеда и дипломата свёл меня на протяжении более тридцати лет с этой яркой, талантливой и самобытной личностью.

Наше первое знакомство состоялось в июне 1962 г. Двадцатилетним студентом Института восточных языков при МГУ, вернувшись накануне выпускных экзаменов из Вьетнама, где проходил практику, я узнал от однокурсников последнюю новость: на экзамене будет сам Капица, посол, профессор, доктор исторических наук, недавно возглавивший в нашем институте кафедру.

Помню, как войдя в небольшую аудиторию на Моховой для сдачи экзамена, поздоровался с экзаменатором и Михаилом Степановичем, сидевшим немного поодаль. Закончив отвечать по билету, замер, услышав обращённую к нему реплику принимавшего экзамен преподавателя философского факультета МГУ, нет ли у него дополнительных вопросов ко мне. Видимо, уловив просительное выражение на моём лице (уж очень мне не хотелось неприглядно выглядеть перед самим Капицей), он, к моему большому облегчению, сказал, что вопросов у него нет, добавив что-то ободрительное

в мой адрес. С нежданно полученным «отл.» я поспешил тут же ретироваться. Как потом узнал, не было у него вопросов и к другим студентам, которым нередко приходил на помощь, чем заслужил ещё большее наше уважение.

Через несколько месяцев, получив диплом, по распределению уехал на работу в Аппарат советника по экономическим вопросам при Посольстве СССР в Демократической Республике Вьетнам. Вернувшись в 1964 г. с собранными там материалами, поступил в аспирантуру и занялся написанием диссертации, работая младшим научным сотрудником в Институте народов Азии, вскоре переименованным в Институт востоковедения Академии наук. Михаила Степановича видел только на научных собраниях и защитах диссертаций. В октябре 1966 г. после краткой стажировки в Отделе Юго-Восточной Азии МИД я уехал на работу в наше посольство в Ханое.

Работа под руководством Михаила Степановича началась в октябре 1969 г. по возвращении из Вьетнама с назначением вторым секретарём в Отдел Юго-Восточной Азии МИД.

Для молодых дипломатов референтуры Вьетнама, расположенной на самом верхнем 23-этаже высотного здания на Смоленской, Михстеп — эта аббревиатура навсегда закрепилась в нашем лексиконе за заведующим отделом, — был во всём для нас непререкаемым авторитетом. Каждое обронённое им острое словцо, шутка или анекдот немедленно расходились и многократно повторялись. Богатую пищу для обсуждений мы получали в его кабинете на 14-м этаже во время ежедневных информационных совещаний, которые называли «читками». Самым интересным на них, после зачитывания по очереди информации о последних новостях в мире и регионе, был «разбор полётов» — комментарии Михстепа в ответ на сообщения референтур о проделанном за день. Заканчивались читки обычно солидной порцией новых поручений.

Из непосредственного общения с заведующим отделом, которое в основном заключалась в переводе и записях его бесед, почерпнул для себя много полезного в плане профессионального роста.

Более тесное общение с Михаилом Степановичем проходило во время частых визитов вьетнамских делегаций, с которыми работал переводчиком. Проводив после переговоров или других предусмотренных программой мероприятий главу делегации в один из гостевых особняков на Воробьёвых горах, мы оставались в гостинной на первой этаже, служившей кинозалом и бильярдной, и ещё долго сражались в любимую игру, не выпуская изо рта сигары. И в этом Михстеп был моим первым учителем. Польщённый вниманием начальника и не решаясь отказаться от предложенной им сигары (вкус в них поначалу не находил, а сигареты прежде не курил), я постепенно всерьёз пристрастился к ним и до сих пор не расстаюсь с этой привычкой, хотя с годами умерил их потребление.

Надо добавить, что стойкий сигарный запах, распространяясь из его кабинета, проникал повсюду и обычно служил верным индикатором присутствия заведующего на своем рабочем месте. Без сигар не обходился его творческий процесс, а в то время он часто засиживался в кабинете по вечерам, диктуя последние главы своей монографии «Китай: два десятилетия — две политики», изданной в 1969 г. Обладая завидным умением практически без правки излагать свои мысли, он предпочитал диктовать свои работы, поручая сверку имён и дат помощникам.

В общении с подчиненными Михстеп держался просто и открыто, был полностью лишён высокомерия, пользовался уважением, особенно у молодых дипломатов, за заботливое и внимательное отношение к их проблемам и нуждам.

Как лектор-международник Михаил Степанович был нарасхват. На его лекциях о международном положении всегда до отказа заполнялся актовый зал высотного здания МИД. В отличие от большинства своих коллег по лекторской работе, избегавших выходить за рамки накатанных обобщений и апробированных оценок, он часто выражал собственное мнение по довольно щекотливым по тем временам темам, образным и красочным языком рассказывал об интересных фактах, эпизодах и событиях, участником которых был сам. Помню, как в 1984 г. свою лекцию о международном положении, он, увлѣкшись, почти целиком посвятил неизвестным, порою курьезным, подробностям своего недавнего железнодорожного путешествия по стране, сопровождая президента КНДР Ким Ир Сена. Однако его смелые суждения, нередко выходящие за рамки тогда дозволенного, нравились не всем, и время от времени становились предметом критического обсуждения в высоких инстанциях.

Для Михаила Степановича, какими бы странами и проблемами ему ни приходилось заниматься, главным делом жизни оставался наш великий восточный сосед — Китай, исследование проблем его новейшей истории, двусторонних отношений. Это было заметно не только по выбору тем для научных исследований, но и по неизменному возвращению, о чём бы ни шла речь в беседах с ним, к эпизодам его работы в Китае. Поэтому как логический шаг со стороны Михаила Степановича нами был воспринят его переход в 1970 г. в 1 Дальневосточный отдел МИД, с одновременным назначением членом коллегии министерства, где он получил возможность вплотную заняться китайской проблематикой.

Общение с Михаилом Степановичем, прерванное на время моей командировки в Постоянное представительство СССР при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве, возобновилось в 1977 г. после моего

возвращения в Москву экспертом 2 Европейского Отдела, и особенно после моего перехода двумя годами позже помощником в секретариат Министра.

А. А. Громыко, посвящая в те годы большую часть своего времени отношениям с США и разоруженческой проблематике, насколько я мог наблюдать с «помощнического угла», высоко ценил Михаила Степановича как ведущего эксперта по Китаю, который при возникновении острой ситуации мог надёжно прикрыть азиатские тылы. Министр неоднократно инициировал присуждение ему высоких званий, представлял к награждению правительственными наградами, внёс и активно продвигал предложение о назначении его своим заместителем, внутренне прощая ему за это экстравагантные в его понимании поступки и высказывания М. С. Капицы, время от времени доходившие до него.

Запомнился такой характерный для Михаила Степановича штрих. В декабре 1982 г., вызванный во время дежурства в секретариате в воскресенье вечером на дачу к министру, я застал его за визированием только что полученного правительственного указа о назначении членов коллегии М. С. Капицы и заведующего Отделом США В. Г. Комплектова заместителями министра иностранных дел. Передав, как обычно, пачку «отработанных» за выходные дни документов и получив взамен солидную порцию новых, министр сказал, что хочет поздравить их с назначением, и чтобы по возвращении в секретариат я попросил их ему позвонить. Я не замедлил с удовольствием выполнить поручение, предупредив о звонках дежурившего на даче офицера охраны, через которого поддерживалась связь с министром. Зная особенности характера Михаила Степановича, я несколько не удивился, когда позвонивший вскоре с дачи в секретариат офицер охраны отрапортовал: «Звонки состоялись. Комплектов говорил 3 минуты, Капица — 12».

Вслед за назначением М. С. Капицы заместителем Министра последовали передвижки на уровне отделов, и открылась вакансия заведующего Отделом Юго-Восточной Азии. Михаил Степанович поддержал моё возвращение на прежнее направление и дал несколько советов, очень пригодившихся мне в последующей работе.

А. А. Громыко перед моим уходом в беседе задал только один вопрос: «Зайцев, Вам действительно импонирует заниматься Азией?». (Видимо, на своей памяти он не часто встречал помощника, который после нескольких лет работы в его секретариате не выказал желания получить назначение в представительство при ООН или посольство в одной из европейских столиц, которые между собой мы относили к категории «подарочных».)

Новый этап в моей работе на поприще дипломатии и вновь под непосредственным руководством М. С. Капицы, но теперь в качестве заведующего Отделом Юго-Восточной Азии МИД, начался в марте 1983 г., когда он представил меня коллективу отдела, собравшемуся в соседнем с высотным зданием Министерства — «Гастромиде», как все его тогда называли — в кабинете, который стал для меня вторым домом почти на целые шесть лет.

Мое почти ежедневное общение с Михаилом Степановичем в этот период, насыщенный визитами и переговорами на высшем и высоком уровнях с Вьетнамом и другими странами Индокитая, было для меня ценным практическим уроком внешней политики. Присутствуя на встречах и переговорах Михаила Степановича с представителями высокого ранга стран Индокитая и АСЕАН, находившихся между собой в состоянии острой конфронтации, поражался его умению, в тонкостях зная позицию собеседников и обладая тонким пониманием Востока, находить для каждого убедительные аргументы и доводы.

Во многом благодаря настойчивым и последовательным усилиям М. С. Капицы удалось оживить двусторонние связи со странами АСЕАН, которые в основном ограничивались контактами на полях международных форумов. В феврале 1983 г. назначение М. С. Капицы главой делегации СССР на ежегодной сессии ЭКАДВ, проходившей в штаб-квартире этой организации, облегчило организацию его встреч с руководством МИД Таиланда и Малайзии, куда он совершил краткую поездку из Бангкока.

Горбачёвскую перестройку М. С. Капица поначалу воспринял с энтузиазмом, которым не переставал заряжать вверенные ему отделы, добиваясь от нас ускорения в работе. Помню, как восторженно он отзывался о возвращении из ссылки в Москву академика А. Д. Сахарова, ставя этот шаг в заслугу новому генсеку и надеясь, что за этим последуют другие.

Требую от нас большего внимания аналитике и прогнозированию, Михаил Степанович часто иллюстрировал свои наставления ссылками на собственный опыт. «Когда в западных СМИ появлялись сообщения о мнимой кончине Мао Цзэдуна, — не раз повторял он нам в назидание на совещаниях, — я спокойно мог уезжать в командировку или отпуск, зная, что в сейфе у меня лежит наготове набор документов, включая записку в ЦК с проектом телеграммы соболезнования» (!).

К появлению в мае 1985 г. антиалкогольного указа, как и к введённым с приходом нового министра разного рода запретам и ограничениям в центральном аппарате Министерства и его загранучреждениях, Михаил Степанович отнёсся скептически, открыто предрекая скорую кончину введенных табу. Не без его последовательных усилий, требовавших в тех условиях большой смелости, на протокольных мероприятиях в особняке МИД на Спиридоновке, несмотря на все запреты,

шаг за шагом возвращались привычные традиции. Поначалу «по просьбе гостей» на приёмах стали подавать сухое вино, затем через непродолжительное время — крепкие напитки. Вскоре и в мидовских загранучреждениях, благодаря изобретательности и разного рода ухищрениям, всё вернулось на круги своя.

Высокий и статный, всегда по моде и даже щегольски, насколько это позволяли протокольные условности, одетый, Михаил Степанович неизменно притягивал к себе всеобщее внимание. Обладая мужским магнетизмом, он пользовался неизменным успехом у женщин, гордился своей женой, которую называл второй красавицей Москвы.

Ценитель женской красоты, Михаил Степанович не скрывал свое восхищение талантами и достоинствами Имельды Маркос, первой леди и первой красавицы Филиппин, в разные годы депутата парламента, министра, губернатора Большой Манилы, часто вспоминая об общении с ней во время её визитов в Москву в 1975 г. в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла, когда была принята в Кремле Л. И. Брежневым, и в 1976 г. — во время официального визита президента Ф. Маркоса.

Позднее коллеги строили разные предположения, пытаясь найти объяснение ошибочной оценке многоопытным М. С. Капицей, под началом которого находился 2-й Дальневосточный отдел, обстановки на Филиппинах накануне и во время президентских выборов февраля 1986 г., что, по его собственному признанию, привело к «резонансному дипломатическому проколу». Продолжая делать ставку на Ф. Маркоса, он противился переносу на послевыборный период вылета нового посла в Манилу и убедил в правоте своей позиции Э. А. Шеварднадзе. В результате посол В. И. Шабалин прибыл в Манилу 25 января 1986 г. за две недели до президентских выборов, назначенных на 7 февраля, вручил верительные

грамоты Ф. Маркосу и передал ему поздравления по случаю его избрания за неделю до инаугурации 25 февраля президента К. Акино. Это вызвало напряжённость в двусторонних отношениях, сопровождаемую шумной антисоветской кампанией в местных СМИ. В апреле М. С. Капица, находясь в Бангкоке во главе делегации на очередной сессии ЭСКАТО, вынужден был слетать в Манилу, чтобы, как он напишет позднее в своих мемуарах, «рассеять некую неловкость: новый посол СССР В. И. Шабалин оказался (!) в Маниле во время выборов президента и вручил верительные грамоты Ф. Маркосу в то время, когда оппозиция оспаривала результаты выборов. Другая цель — установить контакты с новым президентом и её администрацией».

Увлекательный рассказчик, с неисчерпаемым запасом забавных баек и анекдотов, обладавший особым чувством юмора, Михаил Степанович был душой любой компании, любого застолья, будь то протокольные мероприятия с иностранными гостями или круг коллег. Натура открытая и эмоциональная, в общении даже с малознакомыми людьми он нередко не сдерживался в своих суждениях, сам признавал, что «всегда был немного задирист», хотя при этом добавлял, что «всячески старался избавиться от этого свойства характера». Его несдержанность не раз оборачивалась против него.

Вскоре после прихода в июле 1985 г. нового Министра отношение Михаила Степановича к нововведениям в нашем Министерстве заметно изменилось. Опытный и искушённый дипломат, он не мог не видеть неминуемых последствий бессистемного реформирования Министерства. Нацеленное на выдавливание «громыкинских кадров», оно на деле свелось к хаотичной структурной перекройке отделов и к носившей избирательный характер кампании по борьбе с семейственностью.

По всему было видно, что М. С. Капица с его авторитетом, неординарностью мышления и смелостью суждений, к тому же нередко высказываемых им открыто, умением отстаивать свои взгляды, становился всё более неудобен Министру. Это было заметно по реакции Э. А. Шеварднадзе на выступления и реплики Михаила Степановича на заседаниях коллегии, на которые я приглашался как заведующий отделом.

Проработав с новым Министром полтора года, в феврале 1987 г. М. С. Капица ушёл из МИД, в том же году был избран членом-корреспондентом АН СССР и возглавил вплоть до 1994 г. Институт востоковедения АН СССР (с 1991 г. — РАН). В то время немало других талантливых дипломатов высокого ранга, не принявших стиль и методы нового руководства Министерства, или уходили сами, как видный дипломат — первый заместитель министра Г. М. Корниенко, либо под разными предлогами (отыскиали их и в случае с М. С. Капицей) выживались из МИДа.

Михаил Степанович долго переживал уход из Министерства. В своих мемуарах он вспоминал, что «не хотел переходить из МИД СССР, где проработал более 40 лет, в Академию наук».

Это было заметно и на встрече с ним в 1987 г. в Куала-Лумпуре, где проходил очередной совместный коллоквиум учёных наших двух стран на научной конференции, организованной Институтом международных и стратегических исследований Малайзии. Привыкшему быть в центре внимания, Михаилу Степановичу было нелегко свыкнуться с тем, что предпочтительное внимание организаторами конференции было оказано его преемнику на посту замминистра, приглашённому на конференцию в качестве главного докладчика.

В конце 1988 г. незадолго до моего отъезда в длительную командировку, вышла новая работа Михаила Степановича (в соавторстве с М. П. Исаевым) «Мирный выбор Азии». Подаренную мне книгу с автографом «Дорогому Анатолию Сафроновичу в знак глубокого уважения, на добрую память о совместной работе на азиатской стезе» я бережно храню в домашней библиотеке.

Наша следующая встреча состоялась летом 1990 г. в мой первый отпуск в его директорском кабинете после переезда Института востоковедения на ул. Рождественка. За годы после ухода из МИДа Михаил Степанович внешне заметно изменился. Пригласив меня перейти в комнату напротив, чтоб не отвлекали многочисленные посетители, он подробно расспрашивал про моё африканское житьё-бытьё, живо интересовался мидовскими новостями, спрашивал, как сложилась судьба наших общих знакомых.

Известие о кончине М. С. Капицы застало меня в отпуске в подмосковном санатории. Проститься с Михаилом Степановичем мы отправились вместе с отдыхавшим там же послом Е. Н. Макеевым. У печально знакомого мрачного ритуального здания ЦКБ собралось множество людей, по большей части сотрудники МИД и ИВАН, преподаватели и студенты ИСАА, сотрудники редакции журнала «Азия и Африка сегодня», которую он возглавлял на протяжении многих лет.

Самым плодотворным периодом своей жизни Михаил Степанович считал годы работы в Министерстве иностранных дел. Не случайно, в последних строках своих воспоминаний в книге «На разных параллелях. Записки дипломата», вышедшей после его смерти в 1996 г., он вновь возвращается к МИДу. «Хочу подчеркнуть в заключение, что оно (*Министерство — прим. ред.*) было сложным и хорошо отлаженным механизмом, в нем работали специалисты высшей

квалификации, знавшие по 2–3 иностранных языка, многие из них имели звания академиков, профессоров, учёные степени докторов и кандидатов наук. Они, на мой взгляд, с успехом и достойно представляли нашу великую державу, защищали её интересы. Дай Бог, чтобы накопленный опыт не пропал, как был утерян после 1917 г., а был взят на вооружение дипломатией России».

Ещё одно состоявшееся в МИД России мероприятие было посвящено памяти выдающегося дипломата **Игоря Алексеевича Рогачёва** по случаю его 90-летия (1932–2012 гг.). Своеобразным прологом к ней стала написанная учеником Рогачёва, Послом по особым поручениям **Кириллом Михайловичем Барским** специальная статья. Она не только дополняет публикуемые в настоящем сборнике материалы мемориального собрания, но и даёт важную историческую канву деятельности **И. А. Рогачёва**.*

ОЦЕНКУ ВЫСТАВИЛА ИСТОРИЯ

Есть люди, оценку деятельности которых выставляет сама Её Величество История. К числу таких людей, безусловно, относится **Игорь Алексеевич Рогачёв** — прославленный советский и российский дипломат, сыгравший огромную роль в укреплении позиций нашей страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе и выведении на новый уровень её отношений с Китаем, где он в течение 13 лет представлял Россию в качестве **Чрезвычайного и Полномочного Посла**.

* Впервые была опубликована в журнале «Международная жизнь» — № 3 за 2022 г.

Вся его жизнь была связана с Востоком. Вся его профессиональная деятельность была посвящена изучению Китая, развитию отношений с КНР и другими странами Азии, урегулированию проблем АТР. Здесь, на Востоке, его ждали и главные испытания, и яркие победы.

На всех этапах своей жизни в профессии И. А. Рогачёв упорно отстаивал важность Китая, важность Азии для нашей страны, важность активного участия в региональных делах и тесного сотрудничества с государствами региона. С начала 80-х годов Игорь Алексеевич принимал личное участие в разработке азиатской политики нашей страны и внёс весомый вклад в обеспечение её интересов в АТР. Он выступал принципиальным сторонником сначала нормализации отношений, а затем — установления стратегического партнёрства между Россией и Китаем. История подтвердила правоту его взглядов.

Игорь Алексеевич Рогачёв родился 1 марта 1932 года в семье блестящего китаеведа, учёного-филолога, переводчика и дипломата Алексея Петровича Рогачёва*, который прожил долгую и насыщенную событиями жизнь. Он прожил её вместе с Китаем и с советско-китайскими отношениями.

Сын продолжил дело отца, и на его долю выпало не меньше испытаний, а исторический масштаб заслуг Игоря Алексеевича Рогачёва мы можем по-настоящему оценить только сейчас.

На мой взгляд, в истории наших отношений с Китаем последних 40 лет было как минимум три переломных этапа: выработка курса на нормализацию советско-китайских

* А. П. Рогачёв (1900–1981) — выдающийся советский китаист, филолог, переводчик и дипломат. Участник гражданской войны в Китае 1925–1927 гг., был переводчиком военных советников при командовании революционных войск. В 1932–1934 гг. — сотрудник Генконсульства СССР в Урумчи. В 1936–1939 гг. работал в Генконсульстве СССР в Харбине. В течение многих лет был заведующим кафедрой китайской филологии ИСАА при МГУ.

отношений (1980–1984 гг.), подготовка исторической советско-китайской встречи в верхах (1984–1989 гг.) и борьба вокруг определения характера российско-китайских отношений и вектора их дальнейшего развития (1992 г.). В успешное прохождение каждого из этапов И. А. Рогачёв внёс неоспоримый вклад. Перелистаем эти страницы.

✱ ✱ ✱

В начале 80-х годов прошлого века советско-китайские отношения находились на такой низкой точке, какую сегодня даже трудно себе представить. Но главная трудность состояла в том, что в сложившейся патовой ситуации, которая уже не отвечала ни интересам СССР, ни интересам КНР, и той, и другой стороне было непросто не то чтобы сделать первый шаг — даже заявить о том, что из этого тупика надо как-то выходить.

Принципиально важным сигналом о готовности Москвы искать пути налаживания нормального общения с восточным соседом стали выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в марте 1982 г. в Ташкенте и в сентябре того же года в Баку. С высокой трибуны было заявлено, что СССР относится к КНР как к социалистическому государству и готов договариваться с Пекином о приемлемых для обеих сторон мерах по улучшению советско-китайских отношений на основе взаимного уважения интересов друг друга. «Нормализация советско-китайских отношений явилась бы хорошим вкладом в укрепление мира и стабильности в Азии и во всем мире»^{*}.

Сменивший Л. И. Брежнева на посту лидера партии Ю. В. Андропов придавал вопросам урегулирования

^{*} «Правда», 27 сентября 1982 г.

противоречий с Китаем первостепенное значение. Уже на ноябрьском 1982 г. Пленуме ЦК КПСС он подчеркнул стремление Советского Союза к такому развитию отношений, чтобы добрая воля и общие заботы об интересах социализма под-сказывали правильные решения и там, где по разным при-чинам всё ещё нет нужного доверия. «Это относится и к на-шему великому соседу — Китайской Народной Республике»^{*}.

«Лёд тронулся», но толщина этого «льда» была такой, что «ледоход» измерялся миллиметрами. Но эти миллиме-тры не оставались незамеченными и оставляли след. Взять хотя бы вояжи заведующего I Дальневосточным отделом МИД СССР М. С. Капицы^{**} в Пекин по приглашению наше-го посла в КНР И. С. Щербакова. В ответ в августе 1982 г. Москву в качестве гостя посла КНР в СССР — по аналогии с поездками М. С. Капицы — посетил заведующий Отделом по вопросам СССР и стран Восточной Европы Юй Хунлян. От китайского дипломата поступило предложение начать консультации «для решения одной-двух проблем в китай-ско-советских отношениях»^{***}. Это были «первые ласточки», намекавшие на грядущую весну.

В ноябре 1982 г. на похороны Л. И. Брежнева прибыла китайская правительственная делегация во главе с мини-стром иностранных дел КНР Хуан Хуа. У него состоялась бе-седа с А. А. Громыко. Вскоре после этого, в декабре того же года в Пекине прошли советско-китайские консультации

^{*} «Правда», 23 ноября 1982 г.

^{**} М. С. Капица (1921–1995) — выдающийся советский дипломат и учё-ный. Работал в посольстве СССР в Китае, был заведующим I Даль-невосточным отделом МИД СССР. С 1982 по 1986 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР. Был послом СССР в Пакистане. Возглавлял кафедру востоковедения МГИМО МИД СССР и кафедру истории ИСАА при МГУ. В 1987–1994 гг. — директор Института вос-токоведения АН СССР/РАН.

^{***} В. П. Федотов «Полвека вместе с Китаем. Воспоминания, записи, раз-мышления», М., 2005, с. 448.

по вопросам международных отношений на уровне заместителей министров иностранных дел.

Именно в это время И. А. Рогачёв был назначен заведующим I ДВО (и сразу — членом Коллегии МИДа), сменив на этом посту М. С. Капицу, который стал заместителем министра. Будучи единомышленниками, Капица и Рогачёв сформировали плодотворный творческий «тандем», который, ставя во главу угла национальные интересы Советского Союза, при всех существовавших тогда ограничениях смог реализовать на китайском направлении много конструктивных идей.

Чтобы читателю была более понятна атмосфера, царившая в советско-китайских отношениях в те годы, приведу слова нашего заслуженного дипломата-китаиста Л. П. Моисеева: «Мало кто сомневался, что в советско-китайских отношениях начинается потепление... Однако взаимные пропагандистские нападки продолжались. Китай по-прежнему обличал «советский гегемонизм», в нашей печати в адрес Китая высказывались обвинения в отказе от основных принципов социализма... Остановить этот набравший обороты пропагандистский маховик до поры до времени не могли периодически объявлявшиеся с нашей стороны моратории на публикацию в советской печати критических материалов в адрес Китая, что должно было продемонстрировать нашу добрую волю. Китай на эти жесты не реагировал»^{*}. Вот в каких условиях приходилось работать. Перед советскими дипломатами стояла нелегкая задача: пройти между Сциллой и Харибдой, «выстроить движение так, чтобы не создавалось впечатление о сдаче позиций и в то же время чтобы не сорвать поначалу весьма зыбкий процесс»^{**}.

^{*} Л. П. Моисеев «Нормализация. 30 лет (субъективный взгляд очевидца)», «Международная жизнь», 2019, № 5, с. 70.

^{**} Там же, сс. 70-71.

В Архиве внешней политики Российской Федерации хранится документ — информация I ДВО «О советско-китайских отношениях», датированная маем 1983 г. На последней странице хорошо знакомая мне виза — «И. Рогачёв». Начинается материал словами: «В целом сегодня нет оснований говорить о серьёзном улучшении отношений между Советским Союзом и Китаем или о том, что наметилась реальная перспектива их существенного улучшения». А заканчивается уже на иной ноте: «Мы будем и впредь стремиться к улучшению отношений с Китаем, терпеливо и настойчиво продолжать переговоры с ним в различной форме и на различных уровнях, но с принципиальных позиций и, разумеется, не за счёт наших друзей и третьих стран»*. В этих словах узнается личная позиция Игоря Алексеевича.

По итогам очередной поездки М. С. Капицы в Пекин в сентябре 1983 г. был сформулирован ряд предложений. В частности, предлагалось передать китайской стороне товарные списки к торговым переговорам на 1984 г., предоставить помощь в реконструкции некогда построенных Советским Союзом предприятий, обмениваться промышленными выставками, расширить обмен студентами до 100 человек с каждой стороны, начать обмениваться художественными коллективами**.

Конечно, осуществить удалось далеко не всё. Но крошечные шажки на неосновных, неполитических направлениях двусторонних отношений начали приносить результаты. 1983–1984 гг. стали временем некоторого оживления торговли, «разморозки» культурных связей и возобновления студенческих обменов. В одну из групп советских студентов, направленных на стажировку в Китай, попал и автор этих строк.

* Информация I ДВО МИД СССР «О советско-китайских отношениях», 16 мая 1983 г., АВП РФ, ф. 0100, оп. 76, п. 684, д. 15, лл. 39–44.

** Справка I ДВО МИД СССР «О поездке М. С. Капицы в Пекин», 28 сентября 1983 г., АВП РФ, ф. 0100, оп. 76, п. 684, д. 15, лл. 111–118.

Сильным дипломатическим ходом была организованная по инициативе советского МИДа поездка в Китай И. В. Архипова*. Она состоялась в декабре 1984 г. Иван Васильевич в то время был уже пенсионером, но в Китае его помнили и искренне уважали. Дело в том, что с 1950 г. И. В. Архипов в течение нескольких лет работал в Китае, являясь руководителем группы советских специалистов, помогавших молодой республике создавать основы современной промышленности. Он установил тесные деловые контакты со многими руководителями китайских министерств и ведомств начала 50-х — теми самыми, которых Дэн Сяопин в начале 80-х вернул во власть и ввёл в состав высшего руководства. Они были искренне рады вновь увидеться с Архиповым. В Пекине, несмотря на сохранявшуюся напряженность в межгосударственных отношениях, его встречали как близкого старого друга. Приезд И. В. Архипова был однозначно воспринят как стремление Москвы возродить всё то хорошее, что связывало советский и китайский народы. Нет никакого сомнения в том, что встречи Ивана Васильевича с китайскими лидерами существенно подтолкнули процесс движения Советского Союза и Китая навстречу друг другу.

Но сколько копий было сломано, чтобы этот визит состоялся! Свидетельства мы находим в воспоминаниях М. С. Капицы. В своих мемуарах он пишет о том, что идея поездки И. В. Архипова вызвала острые межведомственные споры. Вопрос обсуждался на заседании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Китаю. Заколебался А. А. Громыко, который первоначально поддержал замысел. В конце концов Министра

* И. В. Архипов (1907–1997) — видный советский государственный деятель и хозяйственный руководитель. С 1950 по 1954 гг. возглавлял группу советских специалистов в Китае, был советником Посольства СССР в КНР. Был заместителем главы ряда союзных министерств, работал заместителем, а затем первым заместителем Председателя Правительства СССР.

удалось убедить, и он подписал записку в ЦК, которая была одобрена*.

Сегодня хорошо известно, что по вопросу об отношениях с Китаем между Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и МИДом в начале 80-х годов возникли серьёзные разногласия. Аргументы против нормализации были весомыми: выдвижение Пекином «трёх предварительных условий» («трёх препятствий»), разница в оценках внутренней и внешней политики друг друга, рост напряжённости в отношениях СССР с США при одновременном расширении связей Китая с США и Японией**. Внутренняя полемика привела к тому, что решение об урегулировании проблем с Китаем принималось долго и трудно. Надо было обладать недюжинной смелостью, чтобы в те времена спорить с Отделом ЦК.

Здесь уместно привести слова близкого друга И. А. Рогачёва — известного учёного и дипломата В. П. Лукина***: «В условиях, когда советская официальная государственная китаистика была очень жёсткой по отношению к Китаю, Игорь Алексеевич как один из руководителей МИДа должен был дисциплинировать реализовывать эту линию. Однако в душе он был человеком более глубоким, более осторожным, и проблема резкого ухудшения отношений с Китаем его очень беспокоила... Игорь

* М. С. Капица «На разных параллелях. Записки дипломата», М., 1996, сс. 115–116.

** О. Б. Рахманин «К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке», М., 2000, с. 35.

*** В. П. Лукин (р.1937) — российский политик, ученый и дипломат. Работал заведующим сектором Института США и Канады АН СССР, после перехода на дипломатическую работу возглавлял Управление стран Тихого океана и Юго-Восточной Азии МИД СССР. Председатель Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. В 1992–1993 гг. работал послом России в США. Один из создателей партии «Яблоко». Занимал должности Уполномоченного РФ по правам человека, президента Паралимпийского комитета России.

Алексеевич, как бы идя по узкому мостику, лавировал и пытался не допустить, чтобы наши отношения с Китаем в конце концов переросли в открытый конфликт... И заслуга Игоря Алексеевича в том, что все-таки возобладал более осторожный, конструктивный путь даже в условиях внутреннего раздора в Китае и острых дискуссий по китайской теме у нас. Эта заслуга очень велика и, по-моему, не оценена в полной мере»^{*}.

С приходом к власти М. С. Горбачёва в партийном и государственном руководстве страны окончательно утвердилась точка зрения: надо вести дело к нормализации отношений с Китаем, и чем скорее она состоится, тем лучше. Но путь к ней оказался тернистым.

* * *

Начало подготовки нормализации советско-китайских отношений совпало с назначением в середине 1986 г. И. А. Рогачёва заместителем министра иностранных дел СССР. Таким образом, Игорь Алексеевич «встал у руля» этого важнейшего и сложнейшего политического проекта.

Движению к нормализации способствовало постепенное сближение позиций Советского Союза и Китая по международным проблемам. Москва и Пекин взяли на себя обязательство не применять первыми ядерное оружие, выступили против милитаризации космоса.

Находясь летом 1986 г. на Дальнем Востоке, вблизи границы с КНР, новый советский лидер счёл необходимым подчеркнуть особую значимость отношений с Китаем, от которых многое зависит в мировом развитии. Отметив, что в СССР с пониманием и уважением воспринимают курс китайского руководства на модернизацию страны, он высказался за углубление всестороннего сотрудничества двух стран.

^{*} «Дипломат Игорь Рогачёв», М., 2015, с. 40.

Но сохранялись и расхождения, причём по весьма существенным вопросам. Речь идёт о тех самых «трёх препятствиях»: китайская сторона требовала, чтобы СССР вывел свои войска из Афганистана, ликвидировал военное присутствие в Монголии и отвёл войска от советско-китайской границы, а также оказал давление на Вьетнам с тем, чтобы Ханой убрал свои войска из Камбоджи. Вести консультации по этим сложнейшим проблемам было поручено И. А. Рогачёву.

С одной стороны, на высшем уровне китайской стороне было заявлено о намерении вывести советские войска из МНР и Афганистана, о готовности обсуждать вопрос о сокращении вооружённых сил в районе границы. Но на каких условиях? Ещё сложнее обстояло дело с кампучийской проблемой: этот тугой узел затрагивал интересы нашего союзника — Вьетнама. Рекомендация Москвы нормализовать китайско-вьетнамские отношения впечатления на Пекин не произвела. Но И. А. Рогачёв как глава советской делегации на политических консультациях — они продолжались до 1987 г. — настойчиво продолжал поиск развязок по этим вопросам.

Этапы преодоления разногласий между СССР и КНР во второй половине 80-х годов подробно описаны в специальной и мемуарной литературе: здесь нет надобности пересказывать весь ход событий. Остановлюсь лишь на нескольких эпизодах, демонстрирующих глубокую вовлечённость И. А. Рогачёва в процесс движения к советско-китайской нормализации, причем по всем азимутам наших отношений с Китаем.

Игорь Алексеевич приложил немало усилий для того, чтобы советские дипломаты, работавшие в КНР, и китайские дипломаты в Советском Союзе после долгих лет работы почти на «осадном положении» смогли наконец трудиться с полной отдачей и чувствовать себя комфортно. Об этом свидетельствует запись состоявшейся в июне 1986 г. беседы И. А. Рогачёва с временным поверенным в делах КНР в СССР Ли Фэн-

линем*, в ходе которой китайскому дипломату была вручена нота с предложением снять ограничения, регламентировавшие контакты посольства СССР в Пекине и посольства КНР в Москве с ведомствами и учреждениями другой стороны. Китайская сторона приветствовала инициативу создания благоприятных условий для эффективной работы посольств**.

Большое внимание И. А. Рогачёв, несмотря на чудовищную занятость, уделял развитию российско-китайских общественных связей, часто встречался с ветеранами советско-китайской дружбы. При этом должностью заместителя Председателя Общества дружбы с Китаем он очень гордился.

Одновременно Игорь Алексеевич задумывался о том, чтобы стратегия развития советско-китайских отношений носила долгосрочный характер. В апреле 1988 г. он обратился к директорам ведущих научных центров с предложением принять участие в «выработке широкого концептуального подхода к перспективам развития наших отношений с Китаем на базе прогноза основных тенденций внутренней ситуации в Китае и его внешней политики на ближайшие 15–20 лет». Запрос на предложения к соответствующему документу был направлен в Институт Дальнего Востока, Институт востоковедения, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт США и Канады, Институт экономики мировой социалистической системы, МГИМО и Дипломатическую академию МИД СССР. Имелось в виду показать место Китая в мире, проанализировать международную деятельность КНР, отношения с США, Японией, Индией, го-

* Ли Фэнлинь (р.1935) — известный китайский дипломат, работал послом КНР в Румынии, Болгарии и России.

** Запись беседы заведующего I Дальневосточным отделом МИД СССР И. А. Рогачёва с временным поверенным в делах КНР в СССР Ли Фэнлинем и нота № 27/н 1-дв от 26 июня 1986 г., АВП РФ, ф. 0100, оп. 79, п. 706, д. 4, лл. 76–78.

сударствами Юго-Восточной Азии, линию КПК в международном коммунистическом и рабочем движении*. Желание заместителя Министра иностранных дел СССР Рогачёва поставить отношения с КНР на прочную основу, придать им системный характер в дальнейшем проявилось в усилиях посла России в КНР Рогачёва выстроить российско-китайские отношения как стратегическое партнёрство, обращённое в будущее. Эти усилия увенчались успехом.

Но тогда, в 1988-м, необходимо было в первую очередь решать более практические задачи. Особенно вязко шли переговоры по кампучийской проблеме, без решения которой партнёры отказывались давать «зелёный свет» советско-китайской встрече в верхах.

В сентябре 1988 г. заместитель Министра иностранных дел СССР вылетел с рабочим визитом в Пекин, где провёл переговоры со своим китайским визави. По завершении переговоров Игорь Алексеевич был принят главой внешнеполитического ведомства Цянь Цичэнем** — его старым знакомым. В ходе этой беседы И. А. Рогачёв уверенно заявил: нынешняя рабочая встреча показала, что обе стороны заинтересованы в достижении урегулирования политическими средствами. Собеседник этот тезис поддержал: скорейшее

* Письмо заместителя Министра иностранных дел СССР И. А. Рогачёва директору Института востоковедения АН СССР М. С. Капице о необходимости разработки научного прогноза развития отношений СССР с Китаем, 6 апреля 1988 г., АВП РФ, ф. 0100, оп. 81, п. 719, д. 7, лл. 95–96

** Цянь Цичэнь (1928–2017) — видный китайский политический деятель, в течение длительного времени занимал должности заместителя Премьера Госсовета КНР и Министра иностранных дел КНР. В 1954–1955 гг. учился в Москве в Высшей комсомольской школе, работал в посольстве КНР в СССР. Был заведующим отдела печати МИД КНР, послом КНР в Гвинее. После выхода в отставку работал деканом Факультета международных отношений Пекинского университета.

урегулирование кампучийской проблемы Китай считает «общим стремлением наших стран»^{*}.

Это позволило достичь договоренности о визите Цянь Цичэня в Москву для подготовки встречи в верхах. В ЦК КПСС была направлена записка, в которой излагалось китайское видение намеченного на декабрь 1988 г. визита Цянь Цичэня. В ней отмечался обнадеживающий настрой китайских переговорщиков, который почувствовали наши дипломаты: «По поводу сроков ответного визита Министра иностранных дел СССР в Китай собеседник заметил, что перерыв между двумя визитами не должен быть большим»^{**}.

Так и случилось. Поездка Э. А. Шеварднадзе в КНР состоялась буквально два месяца спустя. В Шанхае советского министра принял Дэн Сяопин. Приветствуя гостей, он обратил особое внимание на И. А. Рогачёва и, по воспоминаниям самого Игоря Алексеевича, пожимая ему руку, радостно воскликнул: «А я Вас узнал: Вы переводили мне в 60-е годы. Мы тогда ругались!»^{***}.

Встреча Э. А. Шеварднадзе с Дэн Сяопином и переговоры министров показали, что путь к нормализации открыт. Работа вступила в завершающую стадию.

Не будет преувеличением сказать, что в реализации проекта нормализации советско-китайских отношений Игорь Алексеевич был главным «инженером-конструктором». Он

^{*} Запись беседы заместителя Министра иностранных дел СССР И. А. Рогачёва с Министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем, Пекин, 1 сентября 1988 г., АВП РФ, ф. 0100, оп. 081, п. 718, д. 2, лл. 31–39.

^{**} Записка Министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в ЦК КПСС «Информация о беседе заместителя Министра иностранных дел СССР И. А. Рогачёва с заместителем Министра иностранных дел КНР Тянь Цзэнпэем», 31 октября 1988 г., АВП РФ, ф. 0100, оп. 81, п. 719, д. 8, лл. 1–4.

^{***} К. М. Барский «Пример преданности своему делу», в сборнике «Рогачёв и Китай» под редакцией Чжан Дэгуана, Пекин, «Шицзе чжиши чубаньшэ», 2014, с. 111.

не только осуществлял общее руководство всем процессом подготовки намеченной на май 1989 г. встречи в верхах, но и сам писал многие бумаги, а также непосредственно участвовал в финальной стадии «драфтинга» итогового документа визита. Вот как описывает роль И. А. Рогачёва тогдашний посол СССР в КНР, наш блистательный дипломат О. А. Трояновский*: «Передовые группы стали прибывать одна за другой. Сначала появилась группа во главе с заместителем Министра Игорем Рогачёвым. Она работала с соответствующими китайскими представителями над текстом заключительного совместного коммюнике. И хотя эта работа длилась начиная с марта и апреля, осталось несколько несогласованных пассажей, которые предстояло заполнить министрам уже в ходе визита... Коммюнике получилось сравнительно коротким и вполне содержательным»**.

Много переживаний и обсуждений было связано с охватившими китайскую столицу в апреле 1989 г. студенческими волнениями. Тем не менее было принято решение нормализацию не откладывать. Китайские партнёры придерживались того же мнения.

Официальный визит М. С. Горбачёва в Китай состоялся в намеченные сроки — 15–18 мая 1989 г., став историческим: в Пекине высшие руководители СССР и КНР договорились «закрыть прошлое и открыть будущее». В наших отношениях с Китаем это был поворотный момент.

Но всё ведь могло сложиться иначе. И здесь Игорь Алексеевич проявил свойственную ему «дипломатическую дальность зрения»: он был одним из тех, кто уговорил М. С. Горбачёва

* О. А. Трояновский (1919–2003) — выдающийся советский дипломат. Был помощником Н. С. Хрущёва по внешнеполитическим вопросам. В 1967–1976 гг. работал послом СССР в Японии. В 1976–1986 гг. — постоянный представитель СССР при ООН, в 1986–1990 гг. — посол СССР в КНР.

** О. А. Трояновский «Через годы и расстояния. История одной семьи», М., 1997, с. 369.

не встречаться с лидерами студенческих протестов на площади Тяньаньмэнь. По мнению Е. М. Примакова, «выступи Горбачёв перед студентами, навряд ли оказалась бы столь дружественной и плодотворной встреча с Дэн Сяопином»^{*}.

Сегодня мы ясно осознаём, какие перспективы открылись благодаря нормализации советско-китайских отношений, и отдаем должное политической дальновидности руководителей двух стран. Но не стоит забывать и о тех, кто эту нормализацию выстрадал, спланировал, подготовил и обеспечил.

Когда визит был завершён, китайская сторона в соответствии с национальным дипломатическим этикетом и в знак благодарности за совместную работу преподнесла членам официальной делегации памятные сувениры. Игорь Алексеевич, помню, был удивлён и впечатлён тем обстоятельством, что полученный им презент отличался от всех остальных: это были изысканная тушечница и кисточка для каллиграфии. Такой подарок мог оценить только настоящий китаист.

Во второй половине 1989 — начале 1990 гг. развернулась активная работа по реализации достигнутых на майской встрече в верхах договоренностей. Постепенно советско-китайские встречи на высоком уровне и практические контакты стали приобретать всё более регулярный характер. За короткий период длиной всего в несколько лет от бывшего отчуждения между Советским Союзом и Китаем не осталось и следа. Отношения переживали бурное развитие и крепили на глазах.

Итоги этой работы подвёл официальный визит в СССР в апреле 1990 г. Премьера Госсовета КНР Ли Пэна^{**}. Значение

^{*} Е. М. Примаков «Встречи на перекрёстках», М., Центрполиграф, 2015, с. 63.

^{**} Ли Пэн (1928–2018) — приемный сын Чжоу Эньлая, видный китайский государственный деятель и хозяйственный руководитель, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, занимал должности Премьера Госсовета КНР (назначен после событий на площади Тяньаньмэнь, в ходе которых занял жёсткую позицию) и Председателя Постоянного комитета ВСНП.

данного визита заключалось не только в том, что Ли Пэн был первым главой китайского правительства, посетившим нашу страну с 1964 г. Советский Союз стал первым крупным государством, принявшим у себя высокопоставленного китайского руководителя, считавшегося на Западе после событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. «нерукопожатным». В Пекине это оценили: ведь визит Ли Пэна в СССР сыграл важную роль в деле прорыва устроенной США и их западными союзниками международной изоляции КНР.

Центральным событием в советско-китайских отношениях в следующем, 1991 г., стал состоявшийся 15–19 мая официальный визит в СССР Генерального секретаря ЦК КПК, председателя Центрального военного совета КНР Цзян Цзэминя*. Между советским и китайским лидерами был продолжен диалог, начатый двумя годами раньше в Шанхае, где Цзян Цзэминь тогда работал секретарём горкома КПК и принимал М. С. Горбачёва.

Для наших отношений визит Цзян Цзэминя имел особое значение, поскольку в рамках визита в Москве было подписано Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на её восточной части. Огромный вклад в достижение договоренности по этому наиболее протяжённому участку границы внес И. А. Рогачёв, который с 1987 по 1991 гг. являлся главой правительственной делегации СССР на советско-китайских переговорах по пограничным вопросам. Как вспоминают члены советской делегации,

* Цзян Цзэминь (р.1926) — видный китайский государственный деятель, один из высших китайских руководителей. С 1989 по 2002 г. — Генеральный секретарь ЦК КПК, с 1993 по 2003 — Председатель КНР и Председатель Центрального военного совета КНР. В 50-е годы учился и работал в СССР, занимал различные посты в народно-хозяйственном комплексе Китая, был секретарем Шанхайского городского комитета КПК. Возглавил партию после событий на площади Тяньаньмэнь.

в этом качестве Игорь Алексеевич «проявил максимум изобретательности и дипломатического искусства»*.

* * *

Советский Союз доживал последние дни. Предвидя это, в конце декабря 1991 г. в Россию прибыла китайская правительственная делегация во главе с заместителем Премьера Госсовета КНР Ли Ланьцином**. В самый канун Нового года в мидовской «высотке» состоялось подписание Протокола переговоров сторон. Значение этого небольшого по объёму документа состояло в том, что он закреплял решение Правительства КНР о признании Российской Федерации продолжателем СССР. «Протокол переговоров, — вспоминает подписавший его от имени китайской стороны Тянь Цзэнпэй***, занимавший тогда пост заместителя Министра иностранных дел КНР, — стал руководящим документом для развития китайско-российских отношений в новой ситуации»****.

* Г. В. Киреев «Россия — Китай. Незвестные страницы пограничных переговоров», М., 2006, сс. 275–281; «Дипломат Игорь Рогачёв», М., 2015, сс. 63–64.

** Ли Ланьцин (р.1932) — китайский государственный деятель и хозяйственный руководитель, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В 50-е годы учился в СССР, руководил рядом министерств и ведомств, в течение длительного времени занимал должность заместителя Премьера Госсовета КНР.

*** Тянь Цзэнпэй (р.1930) — китайский дипломат. В 50-е годы учился в Москве в Высшей комсомольской школе, был послом КНР в Югославии и Чехословакии, заведующим Отделом по делам стран Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР. В течение длительного времени занимал должность заместителя и первого заместителя министра иностранных дел КНР.

**** Тянь Цзэнпэй «Вся жизнь связана с Россией. Отношения России и КНР прошли нелёгкий путь становления», «Российская газета», 30 мая 2019 г.

31 января 1992 г. в Нью-Йорке состоялась встреча Б. Н. Ельцина с Премьером Госсовета КНР Ли Пэном — они вместе принимали участие в заседании СБ ООН на высшем уровне. Президент России с благодарностью принял озвученное его китайским собеседником приглашение посетить Китай с визитом. Казалось бы, все складывалось удачно.

Однако наряду с позитивом были и сигналы иного рода. «Холодком» в российско-китайских отношениях повеяло во время состоявшегося 16–17 марта 1992 г. визита в КНР российского министра иностранных дел А. В. Козырева. Китайские собеседники министра были явно обескуражены рядом его заявлений, в частности, по вопросам прав человека в Китае, которые на фоне жесточайшей критики, которой Пекин подвергался в то время со стороны Запада, заставляли усомниться в желании нового российского руководства строить с Китаем подлинно дружественные отношения. Они наводили на мысль о том, что Россия собирается жёстко оппонировать Китаю на стороне США и других западных стран.

Недоверие к новым российским властям испытывали и в Пекине. В моем дневнике сохранилась запись высказывания видного китайского военачальника о внутривнутриполитической ситуации в России (она была сделана со слов знакомого по дипкорпусу, который доверительно поделился со мной услышанным): «Обстановка в России хуже, чем в странах Восточной Европы. Положение Ельцина ослабло, есть опасения, что он не продержится у власти до конца года. Это может отразиться на согласовании окончательных сроков визита Президента России в Китай».

Как раз в это время, 5 февраля 1992 г., И. А. Рогачёв был назначен послом России в КНР. На плечи нового посла ложилась нелёгкая ноша: задача заключалась в том, чтобы убедить и своё руководство в Москве, и китайскую сторону:

поступательное развитие российско-китайских отношений отвечает интересам обеих стран.

Месяцы, следовавшие за вручением Игорем Алексеевичем 12 апреля 1992 г. верительных грамот Председателю КНР, выдались крайне напряжёнными и нервными. Надо было проделать большую работу, чтобы вывести двусторонние отношения на траекторию конструктивного развития. Важной промежуточной «станцией» на этом «маршруте» сторонами был обозначен визит Б. Н. Ельцина в Китай.

Память и хроника событий этого тяжёлого, во многом переломного года в российско-китайских отношениях запечатлели нескончаемую череду визитов, переговоров и встреч. В Пекине за это полугодие побывали вице-премьер Правительства России А. Н. Шохин (дважды), Председатель Верховного суда В. М. Лебедев, министр атомной промышленности В. Н. Михайлов, министр юстиции Н. В. Фёдоров, министр культуры Е. Ю. Сидоров, первый заместитель министра обороны А. А. Кокошин, президент РАН Ю. С. Осипов. Москву посетили министр иностранных дел Цянь Цичэнь и министр обороны Цинь Цзивэй. К подписанию было подготовлено в общей сложности 24 документа.

И вот день, ради которого стороны проделали колоссальную подготовительную работу, настал. Морозным утром 17 декабря Президент России Б. Н. Ельцин прибыл в столичный аэропорт «Шоуду». Игорь Алексеевич поднялся на борт самолёта, приветствовал высокого гостя и с этого момента не отходил от него ни на шаг. Китайская сторона и российское посольство сделали, казалось, всё для того, чтобы принять Президента России наилучшим образом, программа была продумана до мелочей. Но визит проходил непросто.

Неожиданности начали происходить с самого момента прибытия, а нестандартные ситуации возникали по ходу визита постоянно — и в малом, и в большом. Дополнительного

согласования потребовала запланированная встреча с Генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином, который в то время не занимал никаких государственных постов (в конце концов стараниями И. А. Рогачёва и президентской «команды» все вопросы были сняты, и встреча с последовавшим за ней ланчем прошла прекрасно). Неоднозначное впечатление произвело на аудиторию эмоциональное выступление российского Президента перед представителями китайской общественности. Посещение посольства, план которого был тщательно разработан Игорем Алексеевичем, пошло не по сценарию хозяина и стоило ему нервов — эту историю потом с юмором рассказывал сам посол и сочно описал его сын Илья в своём очерке «Мой отец — Игорь Алексеевич Рогачёв»*. Концовку визита «смазало» внезапное решение Б. Н. Ельцина сократить свое пребывание в Китае: утром 19 декабря вместо Шэньчжэня, где его ждали местные власти и жители этого южного города (не говоря уже о мощной передовой группе в составе представителей служб протокола, безопасности, связи, дипломатов, журналистов и пр.), Борис Николаевич вылетел в Москву.

Но самое главное свершилось: лидеры двух стран подписали Совместную декларацию об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Излишне говорить, как много сделал для российско-китайских отношений И. А. Рогачёв, работая послом России в Пекине. Не в последнюю очередь благодаря Игорю Алексеевичу наши отношения в 1994 г. были выведены на уровень «конструктивного партнёрства», а в 1996 г. — на уровень «стратегического партнёрства». Посол активно участвовал и в подготовке российско-китайского Договора

* «Мой отец — Игорь Алексеевич Рогачёв», в сборнике «Дипломат Игорь Рогачёв», М., 2015, сс. 110–114.

о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанного 16 июля 2001 г., и в создании в том же году Шанхайской организации сотрудничества.

Должность посла в КНР стала заслуженным венцом многолетней деятельности И. А. Рогачёва на дипломатическом поприще, открыв поистине бескрайний простор для реализации его могучего потенциала и богатейшего опыта. Несомненное преимущество Игоря Алексеевича заключалась в том, что в Китае он пользовался широкой известностью. Это касалось и кадровых работников, и простых китайцев, которым с давних пор пришлось по сердцу его благозвучное китайское имя — «Ло Гаошоу»^{*}. Народная популярность российского посла вкупе с другими секретами из «арсенала» И. А. Рогачёва, в числе которых — блестящее владение языком, глубокие познания в области китайской истории и культуры, общительность и невероятное трудолюбие, стали уникальными ресурсами нашей политики на китайском направлении.

★ ★ ★

Но вернёмся немного назад. У заместителя Министра, отвечающего за наши отношения со странами АТР и участие в урегулировании региональных проблем, много работы помимо сотрудничества с Китаем, который, конечно же, заслуживает первостепенного внимания. Так было и в те годы, когда эти обязанности выполнял И. А. Рогачёв.

В марте 1986 г. Игорь Алексеевич, тогда еще заведующий I ДВО, направил на имя заместителя Министра М. С. Капицы докладную записку, в которой предложил «в работе со странами Азии и бассейна Тихого океана акцентировать их

^{*} 罗高寿 («Ло Гаошоу») — переложение фамилии «Рогачёв» на традиционный китайский лад. «Гаошоу» означает «долголетие».

внимание на роли Советского Союза в решении насущных международных проблем и особенно в делах этого района мира.

Для этого целесообразно:

1. Изложить главам правительств тихоокеанских государств точку зрения правительства СССР по проблемам обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке и в азиатско-тихоокеанском регионе в целом, развития взаимовыгодного равноправного экономического сотрудничества между странами бассейна Тихого океана, нашего отношения к созданию безъядерной зоны в Юго-Восточной Азии и в южной части Тихого океана.

2. Направить правительству КНР Обращение правительства СССР с предложением высказать свои соображения и предложения относительно положения в районе Тихого океана. В Обращении сформулировать принципы отношений государств региона и предложить провести консультации на уровне заместителей министров иностранных дел СССР и КНР по вопросам обеспечения мира и безопасности в районе Тихого океана.

3. На 6-м раунде советско-китайских политических консультаций... предложить китайской стороне выносить на обсуждение... вопросы, касающиеся различных аспектов ситуации в районе Тихого океана»*.

С одобрения руководства был дан старт масштабной работе по подготовке программы мирных советских инициатив, адресованных странам АТР. А уже в июле 1986 г. во Владивостоке М. С. Горбачёв выступил с программной речью, в которой сделал ряд важных заявлений, касающихся

* Докладная записка заведующего I Дальневосточным отделом МИД СССР И. А. Рогачёва заместителю Министра иностранных дел СССР М. С. Капице, 5 марта 1986 года, АВП РФ, ф. 0100, оп. 79, п. 708, д. 16, л. 69–70.

политики Советского Союза в регионе, и сформулировал целый комплекс внешнеполитических инициатив. Эти идеи были развиты в сентябре 1988 г. в выступлении советского лидера в Красноярске.

Среди них, в частности, были предложения о созыве конференции по вопросам безопасности и сотрудничества в АТР по аналогии с Хельсинкским совещанием 1975 г., об отказе от наращивания ядерных потенциалов в регионе, о создании трёхстороннего переговорного механизма с участием СССР, КНР и США по вопросам безопасности с АТР, о сокращении вооружённых сил и обычных вооружений в регионе до уровня разумной достаточности. Удивительно, что многое из предлагавшегося нами во Владивостоке и Красноярске 35 лет тому назад сохраняет актуальность и по сей день.

Понятно, что за этими внешнеполитическими шагами, в подготовку которых было, разумеется, вовлечено большое число различных ведомств, стояли прежде всего мидовцы — специалисты в области планирования внешней политики, разоружения, информационной работы, а также мидовские китаисты во главе с И. А. Рогачёвым.

Вторая половина 80-х годов была временем оживления советско-японских отношений. Обмен визитами на уровне министров иностранных дел двух стран в 1986–1990 гг. и сопутствующая дипломатическая работа проложили дорогу к первому в истории посещению Японии советским руководителем — этот визит состоялся в апреле 1991 г.

Нельзя не отметить большой вклад, который И. А. Рогачёв внес в развитие наших отношений с государствами Корейского полуострова. Игорь Алексеевич многократно посещал КНДР, был лично знаком с Ким Ир Сеном. В исторические анналы вошел курьёзный случай, когда, сопровождая до границы северокорейского лидера, в октябре 1986 г.

возвращавшегося по окончании визита в Москву домой спецпоездом, заместитель Министра вдруг получил от Ким Ир Сена приглашение проехаться с ним до самого Пхеньяна. Видимо, ему не хотелось прерывать душевных бесед с интересным спутником. Игорь Алексеевич с улыбкой рассказывал: «Отказываться я не стал, так что пришлось впервые в жизни без загранпаспорта и визы пересечь государственную границу. Мало кто может похвастаться такой привилегией!». Загранпаспорт И. А. Рогачёву то ли прислали с «командирской почтой», то ли оформили в нашем посольстве в Пхеньяне, чтобы он мог обычным рейсовым самолётом вернуться в Москву. Пограничники в Шереметьево недоумевали: «А где же отметка о въезде в Северную Корею?»

Одновременно Игорь Алексеевич осознавал важность налаживания нормальных межгосударственных отношений с Южной Кореей. По его инициативе была достигнута договорённость об установлении дипломатических отношений с Республикой Корея (это произошло в октябре 1990 г. в Нью-Йорке, волей случая мне посчастливилось присутствовать на этой церемонии), а вслед за этим подготовлен визит в СССР президента РК Ро Дэ У, в ходе которого лидеры двух стран подписали Декларацию об общих принципах отношений.

И в должности заведующего 2-м ДВО, и затем в ранге заместителя Министра, курировавшего отношения Советского Союза с азиатскими странами, И. А. Рогачёв уделял большое внимание расширению сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии.

Только один пример. В мае 1988 г. в Москве на высшем уровне принимали генерала Према Тинсуланона, Премьер-министра Таиланда (нетрудно догадаться, кто выступил инициатором визита). Заметим, что эта страна входила в число

наиболее близких азиатских союзников США, и особой активностью советско-тайландские отношения в то время не отличались. Тем не менее в Кремле поддерживали предложение протянуть руку дружбы Таиланду — Королевству, во многом обязанному своей независимостью Российской империи и связанному с нашей страной тесными историческими узами. Игорь Алексеевич знал об этом не понаслышке, так как неоднократно бывал в Бангкоке в качестве главы советской делегации на сессиях ЭСКАТО.

Визит был успешным. Много позже, в 2016 г., в качестве посла России в Таиланде я навестил пожилого генерала Према в его резиденции, и в беседе со мной он с теплотой вспоминал о своей поездке в Москву как о значительном событии, открывшем новый этап в наших двусторонних отношениях.

Люди должны быть благодарны Игорю Алексеевичу за его личный вклад в разрешение конфликта в Камбодже. Своим деятельным участием в качестве главы советской правительственной делегации в 1989–1991 гг. в многосторонних переговорах по кампучийскому урегулированию И. А. Рогачёв приблизил заключение Парижского соглашения, которое принесло мир на эту многострадальную землю.

★ ★ ★

Игорь Алексеевич Рогачёв был не только мастером дипломатии, но и великим наставником. Он воспитал, выучил, натренировал и вывел на большую дипломатическую сцену целую плеяду российских дипломатов. Своим богатейшим опытом, деликатными подсказками и личным примером он формировал в своих подчинённых правильное отношение к работе и к жизни. Будучи исключительно требовательным руководителем, Игорь Алексеевич никогда не изменял своему фирменному стилю человеческого общения —

искренне доброжелательному, с хорошим юмором и тонкой самоиронией.

Сегодня, спустя десять лет после ухода Игоря Алексеевича, он остаётся с нами. Он продолжает жить в невероятно богатом и разнообразном наследии, оставленном потомкам: в достижениях политики нашей страны на восточном направлении, в высокой динамике российско-китайских отношений, на страницах книги «Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века» и в других публикациях, вышедших из-под его пера, в записанных журналами беседах с ним. И, конечно, в воспоминаниях всех, кто его знал. Мы, китайцы, в работе и взаимном общении по-прежнему подкрепляем свои мысли рогачёвскими цитатами, с удовольствием используем его крылатые фразы и любимые словечки.

Добрую память об Игоре Алексеевиче сохранили и за рубежом, особенно в Китае. В июне 2012 г. председатель Совета Фонда изучения китайской дипломатии, бывший посол КНР в России и искренний давний друг Игоря Алексеевича Чжан Дэгуан* организовал в Пекине большую конференцию на тему «Рогачёв и Китай». А вскоре в свет вышел прекрасно изданный сборник воспоминаний и статей китайских и российских дипломатов, учёных и общественных деятелей о И. А. Рогачёве и его вкладе в развитие отношений между нашими странами. В их числе — бывший заместитель Министра иностранных дел КНР Тянь Цзэнпэй, бывший заместитель начальника Генштаба НОАК Сюн Гуанкай, председатель Общества китайско-российской дружбы Чэнь Хаосу и др.

* Чжан Дэгуан (р.1941) — известный китайский дипломат, работал послом КНР в Казахстане и в России, занимал должность директора Департамента по делам стран Восточной Европы и Центральной Азии. Был первым Генеральным секретарём ШОС. В настоящее время — председатель Совета Фонда изучения китайской дипломатии.

Сегодня, в условиях напряжённой международной обстановки, на фоне обострения отношений России с Западом, в атмосфере катастрофического дефицита доверия между ключевыми «игроками» мировой политики начинаешь по-другому оценивать ценность доверительного партнёрства и прочной дружбы между государствами. Лучше понимаешь, что в формировании таких отношений, в укреплении дружественного сотрудничества, в создании благоприятных внешних условий для развития страны и заключается высокая миссия дипломата. И. А. Рогачёв — пример того, как можно, несмотря на любые трудности, оказываться на высоте решения архисложных дипломатических задач.

Игорь Алексеевич любил, перефразируя слова революционной песни 50-х «У нас много друзей во всём мире», говорить: «У меня много друзей по всему Китаю». И в нашей стране у него было и осталось много друзей, соратников, учеников. Все они тепло вспоминают этого выдающегося профессионала и замечательного человека.

В состоявшемся в Корпусе 1 МИД России по инициативе Первого департамента Азии и при поддержке Совета ветеранов и Ассоциации российских дипломатов мемориальной встрече в связи с 90-летием со дня рождения И. А. Рогачёва приняли участие его бывшие коллеги, друзья, родные и близкие. Встречу открыл заместитель Министра Игорь Владимирович Моргулов, который, в частности, сказал:*

И. В. Моргулов:

Дорогие друзья, говорить об Игоре Алексеевиче и легко, и сложно. Легко, потому что Игорь Алексеевич — очень родной всем нам, кто его знал, близкий, живой, вне всякого сомнения, человек. Был таким, таким и остаётся в нашей памяти. Сложно потому, что Игорь Алексеевич — это, конечно, явление. Это целая Вселенная, наверное, так будет правильно сказать, ярчайшая личность. И поэтому всю многогранность, всю комплексность, всю глубину того, что было сделано Игорем Алексеевичем, сейчас, наверное, даже уже по прошествии 10 лет после его ухода из жизни, сложно оценить. Но, тем не менее, я думаю, что вот такими встречами мы восполним этот пробел и отдадим ту дань, которую мы обязаны отдать светлой памяти этого замечательного человека. Причём, когда я говорю о яркости его личности, я имею в виду не столько то, что он проделал огромный путь от простого драгомана до заместителя Министра — кстати, первого китаиста, посла в Китае, что тоже очень важно — одного из самых молодых заместителей Министра иностранных дел СССР.

В ЦК ходил такой апокриф, что на одном из заседаний политбюро Горбачёву Игорь Алексеевич докладывал какой-то вопрос по Китаю, естественно, и Горбачёв даже сказал

* 13.09.2022 г. был назначен послом РФ в КНР

своим уже таким стареющим коллегам, что вот, смотрите, как надо: вот молодой, как чётко и ясно всё-всё доложил.

Если Игорь Алексеевич — Вселенная, то осью такой, проходящей через всю эту Вселенную, конечно, был Китай. Он, безусловно, много сделал для развития связей и не только с Китаем, а со многими странами Азии, но к Китаю он испытывал особые чувства. Он, наверное, треть жизни провёл в Китае. Ну, естественно, он был сыном нашего выдающегося китаевода Алексея Петровича Рогачёва, который тоже является одним из столпов нашего китаеведения.

Китай Игорь Алексеевич действительно хорошо знал. Знал от пекинской оперы, от еды, естественно, от китайской медицины, которая его мучила, но, по-моему, он с удовольствием это делал, или он её мучил — я не знаю — они там взаимно друг друга мучили — до, конечно, тонкостей китайской политики.

Он один из немногих наших коллег мидовских, кто знал все четыре поколения на тот момент китайского руководства, четыре генерации китайских лидеров. И это тоже абсолютно уникальное качество. Ну и, конечно, то, что Ло Гаошоу (а именно так китайцы произносили его фамилию) был в Китае широко известен ещё долгое-долгое время. Мне рассказывали, что как-то при каких-то обстоятельствах Игорь Алексеевич сел в такси, его таксист спросил «Вы кто?», а он: «Посол России Ро-га-чёв», а ему: «Нееет, Посол России — это Ло Гаошоу, а Вы какой-то самозванец!». Такое тоже было. То есть в широких народных массах, конечно, Игоря Алексеевича помнят очень хорошо. Я думаю, до сих пор наши китайские друзья помнят.

Ну и, конечно же, то, что Игорь Алексеевич мудро предвидел необходимость развития дружбы с Китаем ещё в конце восьмидесятых годов, когда в том же ЦК КПСС шли острые дебаты: нужно ли нам возобновлять, восстанавливать отношения или нет...

Игорь Алексеевич был, конечно, твердым сторонником российско-китайской дружбы, российско-китайского стратегического партнёрства. И сегодня, наверное, даже конкретно сегодня, мы понимаем ценность того, что было сделано 40 лет назад. И если у кого-то были сомнения, надо ли нам дружить с Китаем в те годы или даже позже, то я думаю, сегодня они у всех уже полностью развеяны.

Игорь Алексеевич был одним из инициаторов нашего Большого Договора 2001 года, которому в 2021 году исполнилось 20 лет, и который мы продлили на очередной срок, и который стал, по сути, основой того, что сегодня мы называем «стратегическим партнёрством, не имеющим границ» — у нас такая новая формула устанавливается в отношениях в нашей последней совместной декларации — «Олимпийской», принятой 4 февраля в Пекине. Это даже было вынесено на обложку журнала «The Economist» — российско-китайское партнёрство, которое не имеет границ. Действительно, это так. И у истоков этого, безусловно, стоял Игорь Алексеевич, вне всякого сомнения.

Ну и, наверное, надо будет сказать о границе, которой занимался Игорь Алексеевич. Он начинал свою трудовую деятельность переводчиком в комплексной экспедиции в районе Амура. Потом был и главой нашей делегации на пограничных переговорах, но, естественно, внёс решающий вклад в подписание самого соглашения о границе на её Восточном участке и был сенатором от Амурской области, тоже от пограничной области, безусловно, всю свою жизнь посвятил российско-китайской границе, и то, что сегодня у Алексея Николаевича Евсикова* так мало забот и дел в качестве спецпосла по российско-китайской границе, это тоже заслуга

* А. Н. Евсиков — Посол по особым поручениям, курирует в МИД России вопросы российско-китайских границ.

Игоря Алексеевича, потому что все вопросы тогда были уже практически навсегда решены.

Об Игоре Алексеевиче можно часами говорить, но что я хочу ещё добавить — это о его заряде энергии и его порядочности и честности, и трудолюбии, самодисциплине, товарищеском отношении ко всем. Меня он тёзкой называл, всегда звонил: «Тёзка, как дела?». Вообще всегда со всеми был на таком коротком расстоянии, заряжал энергией своей, всегда с юмором, всегда с шуткой, с анекдотом. Это, конечно, очень-очень подкупало в общении с Игорем Алексеевичем.

Вообще я должен сказать, что Игорь Алексеевич — это не только Вселенная, но ещё и камертон. Не даст соврать Георгий* — недавно мы что-то обсуждали — и я спросил: «Интересно, как бы Игорь Алексеевич поступил в этой ситуации?» Клянусь, не обманываю. Мы часто в наших повседневных делах возвращаемся к Игорю Алексеевичу, сравниваем и думаем: а как бы он поступил в той или иной ситуации? Вот такой он остался в нашей памяти — профессиональный камертон, наверное, и моральный. Будет правильно — сказать — моральный тоже.

То, что он любил жизнь, это вне всякого сомнения. Я вспоминаю: мы на восьмидесятилетие приехали к нему в Мичуринскую больницу, где он лежал, поздравили его, а он так до конца и не верил, что уже уходит.

Мне Илья, его сын, рассказывал, что уже после того, как мы ушли из больницы, он вдруг посмотрел на него и сказал: «Илюша, а что, я умру?» Так вот только в больнице ему пришло осознание этого, когда ему уже было 80, и мы отметили его 80-летие.

Этот человек и жизнь — это были совершенно, что называется, — совместимые понятия. Да и Игорь Алексеевич и был самой жизнью в её самых-самых лучших проявлениях.

* Г. В. Зиновьев — директор Первого Департамента Азии.

Ну, понятно, что не всё в наших силах, и вскоре после этого юбилея Игоря Алексеевича не стало. Но в наших сердцах, в нашей памяти он, безусловно, остался живым, а то, что сегодня мы собрались и мы будем говорить о нём — это и есть свидетельство того, что он жив... Конечно, он жив и в своём продолжении: сын Илья, которого я уже упомянул, достойно трудится на посту посла в Южно-Африканской Республике; внук Алексей, что очень нам приятно, работает в Пекине, в посольстве. Работает качественно, очень хорошо. Я неоднократно слышал от нашего посла Андрея Ивановича Денисова самые высокие похвалы, самые-самые замечательные оценки его работы на китайском направлении.

Так что Игорь Алексеевич остался с нами, остаётся с нами, и я уверен, что так будет и в дальнейшем.

Спасибо большое, извините, что, может быть, долго, но про Игоря Алексеевича нельзя коротко.

Ведущий предоставляет слово Чрезвычайному и Полномочному Послу Евгению Владимировичу Афанасьеву.

Е. В. Афанасьев:

Во-первых, огромное спасибо за приглашение на эту встречу — здесь самые близкие и родные люди Игоря Алексеевича собрались — коллеги, друзья, ученики. Замечательная выставка тут представлена — и фотографии, и документы. Я как раз, когда шёл сюда, вспомнил разговор с Игорем Алексеевичем. Это был 2011 год — он тогда попал в аварию автомобильную, а я как раз тогда заведовал кадрами, с ним связывался, говорю: «Игорь Алексеевич, можете ли Вы прийти на Вечер памяти Посла Николая Николаевича Соловьёва — 80 лет?» Он ответил: «Конечно, буду!» Встретили его здесь, и вот он на коляске инвалидной приехал с помощником, я говорю: «Игорь Алексеевич, не трудно Вам? Ничего, что мы Вас так побеспокоили?» Он говорит: «Да Вы что — это мой

один из самых лучших друзей, Николай Николаевич, мой коллега — я не мог не приехать. И вообще, когда я прихожу в это здание, я напитываюсь новой энергией и силой. Просто само посещение этого здания сразу навеивает воспоминания. Я встречаюсь с коллегами и друзьями — я не мог не прийти». Вот такой был Игорь Алексеевич.

Я познакомился с ним в 1969 году. Я приехал на стажировку в посольство в Пекине студентом 5 курса, а Игорь Алексеевич уже был советником посольства, руководителем внешнеполитической группы.

И несколько месяцев в разных ситуациях нам довелось общаться, а потом и по жизни очень немало. Я хотел бы просто рассказать несколько эпизодов, связанных с Игорем Алексеевичем и моей работой под его руководством.

Итак, 1996 год, визит Президента Б. Н. Ельцина в Китай. Заместителем Министра был Панов Александр Николаевич. По дороге была остановка в Хабаровске, где Ельцин встречался с руководителями регионов. Мы прибыли передовым рейсом с Пановым Александром Николаевичем, ну и поскольку мы не были задействованы на этом совещании, думали — погуляем по Хабаровску, на Амур посмотрим вечером, с друзьями посидим.

Прибывает самолёт с Президентом. Борис Николаевич садится в кортеж, уезжают. Евгений Максимович Примаков отводит нас в сторонку с Пановым, говорит: «Вы знаете, мы в самолёте ещё раз посмотрели материалы к визиту, там есть совместное заявление лидеров. Так вот, надо усилить это заявление — написать, что наши отношения с Китаем носят характер стратегического партнёрства. Сообщите об этом послу в Пекин. Завтра мы прибываем туда — чтобы всё было сделано».

Мы, конечно, были в шоке: за сутки, за ночь, согласовать такое с китайцами — это заявление надо несколько недель

согласовывать. Мы высказали это Евгению Максимовичу, он говорит: «Выполняйте поручение Президента». Тут же пошло сообщение к Игорю Алексеевичу в Пекин, а летим мы на следующий день. Мы не знали: удастся — не удастся, думали, что вряд ли китайцы согласятся. И вот приземляемся в аэропорте «Шоуду». Аэропорт тогда был старый, там самолёт подъезжал прямо к вип-зоне, нужно было спуститься по трапу пешком к встречающим. И смотрим: стоят встречающие, а Игорь Алексеевич прохаживается весело вдоль строя. Мы видим это из окна, и я говорю Панову: «Саш, наверняка что-то хорошее Игорь Алексеевич хочет нам сказать!» Вот он ходил туда-сюда, мы только спустились, а Игорь Алексеевич говорит: «Сегодня ночью Политбюро ЦК КПК одобрило эту формулировку, и мы её уже включили в текст заявления». Представляете, какие связи надо было иметь, на каком уровне Игорю Алексеевичу и сотрудникам посольства надо было работать, чтобы за ночь Политбюро ЦК КПК такую вещь одобрило! Вот это реальный вклад нашего уважаемого Игоря Алексеевича. Сейчас это «без границ» называется, а тогда впервые эта формулировка прозвучала.

Ещё хочу привести пример. Каждый раз, когда приезжал кто-то из высоких гостей из МИДа, из парламента нашего, министерств, ведомств, Игорь Алексеевич, как правило, приглашал их к себе на ланч или на ужин в резиденцию, обязательно. Я сначала не понимал, для чего он это делает, а потом, поприсутствовав, понял. Он, во-первых, выяснял, с чем приехали эти люди, подсказывал им, как надо вести дела с китайцами, каждому по их направлению, подправлял, если что-то не так. Я потом наблюдал на переговорах: люди не столько смотрели в свои бумажки, сколько излагали то, что им сказал Игорь Алексеевич Рогачёв. И все эти годы, я думаю, лет 13, он это делал: представляете, работал с каждым до того, как начинались эти переговоры. Вот это стиль Игоря Алексеевича.

Ну и ещё интересный случай. Сам Игорь Алексеевич мне рассказал. 1986 год, визит Ким Ир Сена в Советский Союз. Он ехал поездом от Хасана, Владивостока до Москвы. Игорь Алексеевич его сопровождал, на больших станциях товарищ Ким Ир Сен выходил на перрон — естественно, всё было оцеплено, никого не было — и гулял вдоль вагона туда-сюда. С ним Игорь Алексеевич ходил, разговаривал, а сзади ходил помощник лидера и записывал все его высказывания. И вдруг Ким Ир Сен перешёл на китайский, и они стали говорить по-китайски, представляете? Этот товарищ явно был в растерянности, он не знал китайского языка. Вот они так походили, только поезд тронулся — стук в дверь. Игорь Алексеевич говорит: прибегает этот совершенно испуганный помощник: «Спасите меня, товарищ Рогачёв, я должен записывать все важные указания нашего лидера, но я китайского не знаю». Игорь Алексеевич, конечно, ему кратко пересказал, а потом, говорит, подумал, можно ведь было сказать, что безъядерный полуостров должен быть, да что угодно! Представляете, этот бы товарищ всё передал как указания великого лидера.

Да, конечно, мы имеем дело с выдающимся дипломатом. Я бы назвал вот таких людей, как Капица Михаил Степанович, Соловьёв Николай Николаевич, Рогачёв Игорь Алексеевич, можно ещё назвать фамилии — героями дипломатического фронта. Вот то, что они сделали, то, что мы сейчас имеем с Китаем и то, что продолжают наши коллеги и друзья — это большое дело для страны, в целом. На этом я хотел бы пожелать всем доброго здоровья, удачи, успехов.

Ведущий предоставляет слово Чрезвычайному и Полномочному Послу Константину Васильевичу Внукову.

К. В. Внуков:

Я, как и другие коллеги, очень рад быть сегодня на этой встрече, для того, чтобы отметить большой юбилей нашего

учителя и вспомнить ряд моментов, которые связаны с ним и которые стали частью нашей жизни.

С Игорем Алексеевичем мы знакомы чуть-чуть меньше, чем Евгений Владимирович, наверное, не с 69 года, а с 73 года, когда я был принят в Министерство.

Игорь Алексеевич все эти годы, конечно, был неразрывно связан и с моей судьбой, и с работой. Он вошёл в историю не только китаеведения, но и нашей дипломатии, советской и российской дипломатии по целому ряду достижений.

Я бы отметил — правильно Игорь Владимирович здесь сказал, что, наверное, два крупнейших достижения нашей дипломатии, и имя Рогачёва неразрывно связаны с ними — это пограничное урегулирование, которому он отдал очень много сил — это было очень тяжело: 40 лет всё-таки переговоры длились, но тем не менее результат налицо. Вся наша граница — тогда ещё семь с половиной тысяч км, советская, вот сейчас тоже немало — 4.300 км, поэтому, конечно, здесь огромные достижения. И второе, это, конечно же, Договор 2001 года «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». Я хочу сказать, что, наверное, каждый из нас, если задумается, если бы не было вот этих двух достижений, какова была бы ситуация с Россией, особенно сейчас...

Благодаря этим достижениям мы сегодня можем не беспокоиться о нашем восточном направлении, о тыле. Более того целый ряд крупных вопросов, которые сейчас необходимо решать, можно, конечно, решать с помощью Китайской Народной Республики и наших, действительно, стратегических отношений.

Хотел бы отметить ещё один момент. Игорь Алексеевич пробыл и проработал в Пекине очень много лет. Я бы его назвал краеведом. Он прекрасно знал не только Пекин, ещё тот старый Пекин, который стал развиваться, и сегодняшний Пекин. Игорь Алексеевич прекрасно знал историю нашего

посольства. Он был тем человеком, который нас тогда натаскивал и говорил: изучайте историю русской православной духовной миссии, которая началась еще с Албазино, а потом и Пётр I своим указом обозначил статус этой миссии. Изучайте, тем более, что наше посольство расположено как раз на этой святой земле.

Как сейчас помню — вызывает нас с Андреем Ивановичем Денисовым как-то Игорь Алексеевич к себе в кабинет и говорит: «Коллеги, к нам едет очень важный гость — Владыка Кирилл, который возглавлял отдел внешних церковных сношений нашего Патриархата. Он едет специально посмотреть наше посольство, посмотреть, где располагалась русская духовная миссия. Я вам поручаю — займитесь, пожалуйста, его визитом. Покажите ему всё».

Ну, естественно, Кирилл был прекрасно подготовлен, но и мы ему действительно всё показали. С этого началась история создания нашего церковного присутствия на этой святой земле. Было очень непросто. Те, кто тогда работал, знают, что с китайскими товарищами было очень непросто решить проблемы строительства церкви и воссоздания нашего духовного присутствия — масса вопросов была. И вот Игорь Алексеевич, конечно, давал очень много ценных советов, как вести дела. Пришлось мне, я помню, очень тяжёлые вопросы решать, а именно: сколько у нас церковных праздников, сколько будет эта церковь отмечать, и, когда повесили колокола, сколько раз будет греметь колокол, потому что местное население было категорически против. И вот мы ведем жутко тяжёлые переговоры — я им давал список один, они что-то пытались вычёркивать, потом там ещё много чего...

В итоге, церковь, кто был в Пекине, и кто ещё не был, я вам советую в наше посольство прийти посмотреть — церковь прекрасная, церковь хорошая, и это действительно даёт

очень такое большое духовное начало и связь времён, то, что называется от Петра Первого, албазинцев и до наших дней.

Мало того, Игорь Алексеевич, когда он уже работал в Совете Федерации, а я был директором департамента, он очень часто, наверное, ну 2–3 раза в неделю звонил и живо интересовался, что у нас на китайском направлении, что у нас на корейском направлении, на вьетнамском, на монгольском и так далее. Вот такой большой интерес был у него, и, конечно же, я думаю, что все мы можем сказать, что Игорь Алексеевич — часть нашей души, часть нашей истории, часть нашей судьбы...

И. В. Моргулов: К нам присоединился Государственный Секретарь Союзного Государства России и Белоруссии, но не в этом качестве, а в качестве человека, который тоже лично знал Игоря Алексеевича по совместной работе в Совете Федерации, по многочисленным поездкам в Китай и по линии Шанхайской Организации Сотрудничества. Прошу, — Дмитрий Фёдорович Мезенцев...

Д. Ф. Мезенцев:

Спасибо, Игорь Владимирович. Вижу здесь тех людей, кто судьбой своей умножил и множит значение, роль, успехи российской дипломатии. С огромным уважением ещё раз хочу всех поприветствовать, поблагодарить за право быть сегодня вместе с вами.

Сейчас было большое совещание Межведомственной исторической комиссии, его проводил господин Мединский, тем не менее, я отпросился, сказав, что мне нужно быть сейчас здесь, потому что в МИДе поддерживают традиции огромного уважения к тем людям, кто свою судьбу отдал служению на дипломатическом поприще своей стране.

Я помню, когда Игорь Алексеевич пришёл в Совет Федерации, понятно совершенно, что работа главы дипломатической

миссии, тем более, в Китайской Народной Республике и работа в Совете Федерации скажем так, отличаются. И я видел, с каким огромным пиететом и уважением все люди, у которых формально одинаковый значок, одинаковый мандат, относились к Игорю Алексеевичу...

И мы вспоминали не раз уже, как был обустроен его кабинет. В кабинете несколько фотографий, при том, что некоторые мои коллеги могут повесить стены своими собственными фотографиями, которые характеризуют их деятельность. У каждого свой выбор. У него было несколько фотографий: портрет Владимира Владимировича Путина, затем — Игорь Рогачёв переводит на переговорах с Мао Цзэдуном, Игорь Рогачёв на встрече с Цзян Цзэмином, Игорь Рогачёв вдвоём с Ху Цзиньтао и последние фотографии касались уже работы в Азиатско-Тихоокеанском Парламентском Форуме — есть такая институция...

Волею судеб мне было поручено возглавить одну важную делегацию в 2003 году. Когда Игорь Алексеевич пришёл в Совет Федерации, мы формировали и обновляли состав этой делегации. Стоит отметить, что он уже был человек среднего возраста, не самый молодой, но подвижный, живой и лёгкий на подъём. Пришёл к нему, рассказал о делегации — он говорит: «Конечно, конечно, полетим».

И вот мы летим в Индонезию. Мы пытались договориться о том, что следующая сессия Азиатского-Тихоокеанского Парламентского Форума пройдёт в Москве. В Москве мне было поручено решить этот вопрос, в том числе Игорь Алексеевич меня готовил к выступлению в Индонезии: «Докладывайте о преимуществах Москвы как о месте проведения сессии».

Но вот представитель Фиджи встаёт, спрашивает: «Какая температура у вас в Москве, будет ли тепло? (а само мероприятие планировалось на январь). Дескать, в зависимости от этого будем голосовать».

Думаю, вообще-то сейчас из-за позиции Фиджи «грохнется» наш замысел, а мы его, извините, готовили 5 лет. А вот мне Игорь Алексеевич накануне сказал: «Надо будет — помимо всего прочего — потратиться хорошо, чтобы убедить их приехать». Вот этот тезис «надо потратиться» я помнил. И я говорю: «Вы знаете, каждый приезжающий получит шапку из лучшего российского меха, женщины получают из песка, а мужчины из норки. И у каждого будет шарф с символикой «Asia-Pacific Parliamentary Forum». Значит, то ли это сработало, то ли наша доскональная аргументация — не знаю, но в итоге фиджиец тоже проголосовал «за».

И вот сейчас Константин Васильевич Внуков вспоминал о храме. Мне довелось быть в момент освящения храма Владыкой Марком в Пекине. Игорь Алексеевич понимал, какая это великая наша гуманитарная победа. Победа в том смысле, что мы поддерживаем традиции — от албазинцев и Петра, ещё это связь с нашей верой, с нашей землёй, с нашими традициями. Это только один штрих, к которому Игорь Алексеевич был причастен, но таких событий и штрихов сотни.

И. В. Моргулов:

Спасибо, Дмитрий Фёдорович, я, кстати, забыл упомянуть ещё об одной ипостаси Дмитрия Фёдоровича, о его работе в качестве Председателя Общества российско-китайской дружбы.

Позвольте мне ещё одно короткое воспоминание: в каком-то (то ли седьмом, то ли восьмом году) Игорь Алексеевич приехал в Китай, и было мероприятие по линии Общества Дружбы: на площади хор выступал китайский. И я вот до сих пор помню: Игорь Алексеевич встал, его представили, и он обратился к собравшимся по-китайски, это была какая-то короткая фраза, и вот эта огромная толпа просто взорвалась от того, что к ней обратились на китайском языке, хотя,

понятно, что многие из нас, наверное, могли бы эти слова произнести, но, поверьте, такой реакции точно не было бы. Именно в исполнении Игоря Алексеевича толпа просто взрывалась и скандировала...

У микрофона Галина Вениаминовна Куликова — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Г. В. Куликова:

Во-первых, хочу поблагодарить всех организаторов за приглашение в компанию таких видных маститых дипломатов. Хочу сказать, что уже 10 лет, как нет Игоря Алексеевича с нами, а я всегда его помню, потому что он был одним из самых активных участников наших мероприятий.

Он поддерживал общественные связи, говорил о том, что они нужны. При большом объёме работы он всегда, когда мы его приглашали, приходил на наши мероприятия. Это удивительно, и если у него не было времени, он говорил: а что там было? Звонил потом: скажи, всё хорошо? Как посольство? Интересовался.

Но, конечно, я его увидела по-настоящему, его внимание к людям, к китайской общественности, когда работала под его началом в Пекине.

Я должна сказать, меня часто спрашивали: «Ло Гаошоу! Как он там себя чувствует? Как у него дела?» Он был популярен, потому что встречался с людьми.

Несмотря на огромный объём работы дипломатической, о которой здесь говорилось, всегда, когда его приглашали — выступал ли хор в Доме музыки, была ли какая-то встреча с китайскими товарищами — детьми революционеров, которые воспитывались у нас в Иванове и которых он просто любил и о которых он спрашивал у меня: «Они не забыли, что такое масленица?» Я говорю: «Конечно, нет!» «Вот и хорошо, приглашаем их на блины! Ты, Куликова, скажи, когда

они соскучатся по борщу, я их тоже позову. Людей, которые называют нашу страну своей второй Родиной».

Как-то он сказал: «Ну-ка, Куликова, а не можешь ли ты собрать выпускников Консерватории московской? Я хочу с этими людьми повидаться». И он устроил вечер в посольстве, и сам сел за рояль, играл, пел, он любил это делать! Игорь Алексеевич всегда подчёркивал, что не надо забывать о том, что с общественных связей начинаются контакты по государственной линии.

Хочу рассказать ещё об одном случае. Как-то он вызывает меня и говорит: «Слушай, надо пригласить ансамбль Александрова. Что-то у нас тут тихо, так "громыхнёт" здесь ансамбль Александрова! Найди какую-то фирму, найди богатых людей, которые могут пригласить ансамбль».

Сказано — сделано. Приехал ансамбль, проехал по стране, действительно, с огромнейшим успехом. И они выучили китайский, а Игорь Алексеевич меня отправлял в Москву смотреть, как они репетируют, чтобы «Пять красных знамён» они пели по-китайски. Я приезжала, смотрела. Подготовили программу. На последний концерт пришёл Цзян Цзэминь. Игорь Алексеевич так был счастлив и говорит: «Вот это дело! Знаешь, Куликова, этот ансамбль, наверно, сделал не меньше, а больше, чем посольство за какой-то период. Потому что в интервью, которое давали корреспонденту, они говорили: «Когда у России есть такая армия, есть такой ансамбль, мы верим, что армия такая же сильная, мощная, как этот ансамбль!».

И когда в зале они запели эту «Усин хунци...» («Пять красных знамён», Цзян Цзэминь встал в полный рост, зал весь встал, все пошли на сцену. Потом вечером был приём в честь этого ансамбля, и Игоря Алексеевича «александровцы» сделали «генералом»: подарили ему фуражку и сказали: «Мы такого приёма ни в одной стране ещё не видели».

Я должна сказать, что до самых последних своих дней, уже тогда, когда он был членом Совета Федерации, он на коляске приезжал к нам на мероприятия и говорил: «Ничего, я не буду смущать почтенную публику? Я ведь на коляске». Но что тут можно сказать? Я говорила: «Игорь, ну как вы можете?» (Мы с ним знакомы ещё с института, поэтому, когда неофициально, могли общаться так.)

Он как-то позвонил мне и сказал: «Куликова, слушай, надо собрать всех друзей, которых я давно знаю. Я уже заказал ресторан отмечать моё 80-летие. Сделай-ка ты список, — говорил он мне, — пришли мне, я хочу посмотреть, не забыла ли ты кого-то, с кем я когда-то общался». Этот список был сделан, но я не успела ему этот список отправить, даже были заложены приглашения, но получилось, что его уже нет...

Игоря Алексеевича помнят и сейчас, когда сегодня наш посол в Пекине продолжает встречаться с «ивановцами». Они говорят: «Именно потому, что есть российские послы, вот такие как Рогачёв, как Денисов, нам хочется видеть Россию цветущей, мы верим в Россию, мы друзья, а Россия — это наша вторая Родина».

Рогачёва любят. Мы все к нему относимся с огромным уважением. Хочется сказать самые добрые слова и вспомнить его сегодня, и я думаю, самой лучшей памятью для него будет продолжение того дела, которому он посвятил свою жизнь. Спасибо.

Слово предоставляется Чрезвычайному и Полномочному Послу Сергею Александровичу Орджоникидзе.

С. А. Орджоникидзе:

Спасибо. Знаете, когда вспоминаешь Игоря Алексеевича, конечно, хочется всегда использовать такие слова — «крупный, великий дипломат», я бы к этому ещё добавил — «которым Министерство иностранных дел может гордиться».

Но Игорь был не только крупный дипломат, он был сам по себе очень интересный, человек, с огромной выдержкой. Я помню, первый раз мы с ним докладывали какой-то вопрос Генеральному секретарю Горбачёву, а я тогда исполнял обязанности начальника правового управления и замминистра. Ну, вроде бы хорошо доложили, всё правильно было. Нам сказали: ну, идите. Но это указание сопровождалось таким народным языком, а вдогонку ещё был повтор. Это было не очень похоже, имею в виду — на облик Михаила Сергеевича. А Игорь Алексеевич меня крепко держал за руку, чтобы я не нервничал, видимо, он это слышал не в первый раз, в отличие от меня.

Вспоминаю также, это была какая-то коллегия, и докладывали китайский вопрос. Министром был тогда Шеварднадзе, и вот Капица Михаил Степанович употребил в ходе своего доклада ссылку на пунические войны — в свободной форме, так легко и как это было в духе Михаила Степановича. А Шеварднадзе почему-то вообще не понравился доклад, и вообще, видимо, Михстеп ему не нравился, и тогда он начал его критиковать, разозлившись страшно совершенно, он говорил: «К чему это ваша ссылка на какие-то "панические" войны». Мы сидим с Игорем вот так напротив друг друга, а я смотрю на него, думаю, вот мне сейчас хочется провалиться, а он мне показывает: всё хорошо, всё хорошо, держись-держись-держись. Вот такая выдержка.

На меня самое большое впечатление произвела первая поездка в Китай. Мы были в театре, и там объявили, что в зале присутствует российский посол Рогачёв. Все встали и начали аплодировать. Знаете, я ни одного посла не помню в такой ситуации. Причем это ведь китайцы — китайцы! — которые, наверное, не так уж сильно эмоциональны.

В Москве по важным делам я разговаривал с китайским послом, и иногда китайский посол говорил: «Ну это, знаете,

это выше моих возможностей, у меня нет стольких полномочий. Давайте лучше это сделаем через вашего посла в Пекине — он точно сделает это, вот точно». И это было правдой.

И знаете, вот он ведь помимо всего был ещё и друг хороший. Все те, которые с ним работали на азиатском направлении, это хорошо знают.

Сколько бы я ни встречал китайских руководителей, они всегда говорили, что нам очень повезло, нашей стране очень повезло, что у нас в Пекине такой российский посол, на что я всегда им отвечал: «А нам как повезло! Нам, наверное, повезло ещё больше».

И. В. Моргулов:

Спасибо, действительно, китайцам повезло, что Игорь Алексеевич оказался в Пекине, именно в переломный момент в наших отношениях. Ведь тогда распался Советский Союз. Возникли совершенно разные опции, как выстраивать политику в отношении Китая. Да, были горячие головы, которые говорили: «Зачем нам коммунистический Китай, мы вот теперь демократическое государство, у нас ничего общего не должно быть» — и так далее...

Но вот ещё раз, действительно, повезло и нам, и китайцам повезло, что Игорь Алексеевич в тот момент оказался в этом правильном месте и внёс, действительно, такой серьёзный вклад в развитие наших отношений.

Слово берет Посол по особым поручениям Кирилл Михайлович Барский.

К. М. Барский:

С Игорем Алексеевичем в моей жизни связано очень многое, да и не только в моей.

Если бы вы знали, какое количество людей, зная о том, что мы здесь собираемся и будем отмечать 90-летие со дня

рождения Игоря Алексеевича Рогачёва, передавали свои добрые слова и шлют в этот зал какие-то тёплые флюиды! Мне кажется, мы их сегодня здесь ощущаем.

Одно из полученных мною поручений я хотел бы выполнить. Мне позвонил наш Посол в Токио Михаил Юрьевич Галужин и надиктовал небольшой текст.

«Игорь Алексеевич Рогачёв с высочайшим профессионализмом руководил советской дипломатией на Азиатско-Тихоокеанском направлении в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, в переломный момент в истории нашей страны, когда в Москве был сделан вывод о необходимости нового взгляда на отношения с государствами Азии и пути решения вопросов двусторонней повестки дня. Это в полной мере отразилось в энергичной деятельности Игоря Алексеевича на треке связи с Японией. Под его руководством был дан старт новому этапу диалога с нашим дальневосточным соседом. Игорь Алексеевич возглавлял масштабную межведомственную работу по подготовке визита Горбачёва в Токио в апреле 91-го года, завершившуюся важными договорённостями о путях активизации двустороннего взаимодействия.

Навсегда остались в памяти как блестящее дипломатическое искусство Игоря Алексеевича Рогачёва, так и его широчайшая эрудиция, глубокое знание мировой культуры...»

И от себя скажу, что у многих, кто общался с Игорем Алексеевичем, присутствовал на мероприятиях с его участием, в памяти остались его человеческие проявления и его музыка, и его каллиграфия, и его стихи, его шутки. И вы знаете, я про политику говорить не буду, скажу о том, что называется «human touch» на одном коротком примере. Я завершил командировку в Пекине летом 95-го года, где трудился под руководством Игоря Алексеевича, и уже через год, ну вы помните, что это были за времена, я остался совершенно без

денег. Тогда у нас ввели такую практику поддержки дипломатов — направление на «вахту», ну я и позвонил Игорю Алексеевичу в Пекин и честно ему признался во всём, спросив: «Игорь Алексеевич, Вам работники нужны?» А в ответ услышал: «Хорошие работники всегда нужны».

Через две недели я уже был в Пекине, провёл там два месяца, решил свои проблемы.

Когда мы отмечали 70-летие со дня рождения Игоря Алексеевича Рогачёва, я написал ему короткое стихотворение, которое позволю себе сегодня зачитать:

Восславим, Игорь Алексеевич,
Всё то, что делали доселе Вы!
И все походы одиссеевы,
И прометеевый костёр.

Спасибо, Игорь Алексеевич,
За то, что в сердце так засели Вы,
И пусть всё то, что Вы посеяли,
Добром в потомках прорастёт.

Для меня очень важно, что Игорь Алексеевич получил это стихотворение, что он его прочитал, что оно ему, по всей видимости, понравилось — он поблагодарил меня за это. Очень важно, что он знал, как я его любил, как я его люблю и как мы все его любим.

И. В. Моргулов: *Спасибо Кирилл Михайлович. Уважаемые коллеги, микрофон открыт...*

Слово берёт Чрезвычайный и Полномочный Посол
В. В. Чхиквадзе:

Здесь больше говорили о производственной деятельности И. А. Рогачёва, если можно так выразиться, я не имел чести и удовольствия работать с Игорем Алексеевичем

вместе, но я был счастлив провести с ним многие дни в Барвихе во время совместного отдыха. Причём, это в течение нескольких сезонов продолжалось.

Наша компания была дружная, плотная, мы каждый день совершали вечерний моцион по берегам «лебединого озера». Вы знаете там, в Барвихе, замечательное озеро с лебедями. Вот потом собирались в чайном домике на так называемые чайные церемонии, чай пили, ели сушки, рассказывали всякие байки о своей жизни. И вот как-то раз мы затащили Игоря Алексеевича на нашу чайную церемонию, он послушал нас довольно внимательно, посмеялся над историями, которые там были рассказаны, и рассказал нам о том, что такое китайская чайная церемония. Что это такое, с чем это едят и как это выглядит. Вот это было поистине открытие тогда.

И вообще, когда начинал повествовать Игорь Алексеевич, все замолкали и, открыв рот, слушали его удивительные истории. Человек энциклопедических знаний рассказывал о Китае удивительные вещи. Глубина познаний истории Китая, китайской философии, китайских философов поражала.

Вы знаете, я, честно говоря, не мог себе представить, что человек может, что человеческий разум может вмещать такое количество интереснейших знаний. А его истории про китайскую кухню! Вот я до сих пор, между прочим, вспоминаю его, когда посещаю китайские рестораны, и мне почему-то кажется, что это совсем не то, о чём рассказывал Игорь Алексеевич. Причём он рассказывал о кухне различных китайских регионов с такими подробностями, с такими нюансами, что вот слюнки буквально текли...

Но главное — это его работа, о которой сегодня здесь много говорили. Действительно, это был великий человек, это был выдающийся дипломат, и это был человек с большой буквы, с большой-пребольшой буквы, который должен служить примером для наших молодых дипломатов, у которого

можно учиться, которому нужно подражать и который всегда должен оставаться в наших рядах, в наших сердцах, в наших умах, потому что таких людей, на самом деле, можно пересчитать по пальцам. В истории нашей дипломатической службы, наверное, он один из наиболее выдающихся советских и российских дипломатов, память о котором всегда будет жить с нами.

От имени семьи слово взяла сестра И. А. Рогачёва
Е. А. Кутовая:

Я бы хотела поблагодарить всех собравшихся здесь. Большое вам спасибо за то, что нашли время прийти сюда, нашли время сказать замечательные слова о моём брате, это прекрасно — окунуться в атмосферу и детства, и юности, и работы, и семьи...

Игорь работал в последние годы в Совете Федерации, но он всегда говорил: «МИД — это моя жизнь, команда без которой мне не жить». Он очень часто говорил о МИДе, он всё время вспоминал своих товарищей, коллег, друзей, без конца разговоры касались, в основном, работы Министерства иностранных дел и всех коллег.

И поэтому огромное спасибо товарищам-коллегам, которые сегодня вспомнили брата моего. Семья его, конечно, помнит, любит. Но то, что такое количество людей пришло сегодня, и мы услышали о нём такие прекрасные слова — это для нас, конечно, очень важно. Спасибо вам большое за эту встречу.

В её завершение собравшиеся посмотрели документальный фильм о И. А. Рогачёве, созданный на основе киносъёмки и видеозаписей — от его детских лет до последних дней.

ТЕМА, ДОСТОЙНАЯ ВНИМАНИЯ

В. И. ШАБАЛИН

Чрезвычайный и Полномочный Посол

ЖЕНА ПОСЛА

В сборниках воспоминаний дипломатов уже опубликованы интересные статьи о роли жены посла в его зарубежной деятельности. По мнению некоторых авторов, высокая роль жены посла определяется в основном тем обстоятельством, что посол вроде бы «весьма одинокий человек», даже более одинокий, чем любой другой начальник. А жена вовремя приголубит, успокоит, вдохновит, посоветует. Эти лично-семейные отношения посла и его жены в посольском быте имеют немалое значение.

В периоды длительного пребывания в чужих странах бывало, что «среди шумного бала» общественно-политических событий уходили и мы с женой в свой закрытый для других мир взаимопонимания и взаимоблагодарности. Молчим, а стихи оживают:

Мы сегодня с тобою одни.
Все, что создано нами, вдали.
Словно звёзды, мерцают огни
Нашей юности, нашей земли...

Были в жизни страда и пикник,
И тропический жар, и мороз.
Без тебя, вероятно б, поник,
Но с тобою я всё перенёс... и т. д.

Во время работы в Отделе загранкадров ЦК КПСС я посетил с рабочими визитами более 20 посольств, знакомился с положением в наших коллективах, иногда — в рамках своих прерогатив — с работой послов, порою складывались впечатления и о роли жены посла.

Не берусь обобщать эти впечатления, особенно в эфемерной сфере личных отношений, тем более что не довелось встретить посла — одинокого затворника или высокомерного одиночки. В моих заметках хотелось бы на основе собственного опыта, вернее — опыта жены Надежды Шабалиной (и её сохранившихся заметок) — обратить внимание на востребованные *общественные* деяния жены посла, которые значимы для посольства, но не всегда легко даются нашим милым женщинам. Для такого труда необходимы знания, определенный уровень подготовки, а также желание и воля.

Я работал послом на Филиппинах и в Союзе Мьянма (Бирма). Очень непохожие страны: Филиппины очень католическая страна, Бирма — очень буддистская; Филиппины — проамериканская демократия, Союз Мьянма в то время — военная диктатура и комендантский час; в Маниле 20 газет и все СМИ, в Янгоне — одна газета и 2–3 часа TV и т. д. Общеполитические цели посольств в отношении этих государств были в основном одинаковыми, но конкретные задачи различались. Это касалось и общественной работы жены: на Филиппинах акцент делался на открытый выход к местному обществу, в Союзе Мьянма — на контакты с дипкорпусом.

Первая, первоначальная функция, если можно так сказать, жены посла — умело «работать» в женском коллективе посольства, авторитетно и тактично регулировать «бабьи вздоры», поддерживать атмосферу доброжелательности. Надежде это удавалось. Она полагала, что главное не в том, чтобы «руководить» щепетильными дамами, надо вносить элементы мысли, духовности, культуры.

Так, по её инициативе состоялся вечер «Вокруг стихов». В первой части участники читали свои стихи, после скромного фуршета — стихи известных и неизвестных поэтов, кое-кто читал прямо с книги. Для женщин проводила беседы о традициях русских женщин, для всего коллектива читала лекцию о советской экономике. Никого на мероприятия не загоняли, вход свободный. Но кворум был.

У нас были замечательные вечера отдыха, жизнерадостные, с художественным оформлением. «Теневым шефом» таких вечеров была Надежда. Молодые дипломаты и сотрудники выдумывали юморески.

...Встреча Нового года — объявляется «указание Центра»: «В связи с перестройкой следует, по примеру Моссовета, срочно переименовать названия дипломатических служб и должностей в духе наступающего года Овцы». Начинается игра двух ведущих: собрание дипсостава — овчарня; посол — волк в овечьей шкуре; советник — молодец против овец, а против молодца сам овца; дежурный референт — ягнёнок; только что приехавший дипломат — тощий баран; уезжающий дипломат — баран с курдюком; нерадивый дипломат — с паршивой овцы хоть шерсти клок: годовой отчёт — не стоит шкурка выделки; объявить благодарность — погладить по шерсти, объявить выговор — согнуть в бараний рог; заявка завхозу о ремонте — пошёл по шерсть, вернулся бритым и т. д. Возможно, не шедевр, но смеялись.

Вечер 8 марта проходил под девизом «О, женских чувств огонь!». Действительно, был факел, было пламя, был огонь. Небольшие песенные, танцевальные, стихотворные конкурсы. И мы с женой участвовали. По восточным обычаям считается добрым делом, улучшающим карму, если выпустить на волю птиц. Каждой женщине вручали птичку, которая улетала в голубую высь.

Не осталось в памяти, чтобы у Надежды возникали серьёзные конфликты или нелепые шероховатости в отношениях с сотрудниками посольства и их жёнами, но помню, что стихи ей посвящали:

Лиловато-серебристой Феей
Снизойшли Вы в наш бирманский лес.
Дай Вам Бог терпенья и уменья
Выжить средь тропических чудес,
Дай Вам Бог здоровья и удачи
И счастливым пребыванье здесь.

Вторая ступень — участие в разнообразной деятельности «женского дипкорпуса» — в клубе жён послов. Надежда стала членом бюро такого клуба. Общение жён послов — это и чайные церемонии, дипломатические базары, и любезные «паркетные реплики» в ходе многочисленных официальных приёмов в посольствах или во время узких трапез и «послевкусия» в резиденциях послов. Содержательные же отношения завязываются чаще во время взаимных визитов. Надежда поддерживала контакты с наиболее интеллектуальной частью жён послов. Это касается доктора наук Нинси фон Маршалл. Нинси — жена дуайена дипкорпуса барона Вальтера фон Маршалла, элитная бирманка, сохранившая связи с представителями власти. Это профессор Кюн Ким — жена посла Южной Кореи, учёная дама Юмико (Япония), юрист Самира (Египет). В беседах с послом

Филиппин Розалиндой Тироной — тоже член клуба — нередко возникала тема живописи. Розалинда сама писала картины, собрала большую коллекцию, которая занимала два зала в посольстве и которую возила с собой во все страны, где работала послом. Надо было вспоминать Третьяковку, Дрезденскую галерею, китайские музеи Ци Байши и Сюй Бэйхуна.

Перед отъездом в Москву жена получила добрую пачку посланий от жён послов, а Розалинда подарила небольшую свою картину «Цветы» — «для настроения...».

Наконец, самое, пожалуй, главное и самое трудное — третья ступень: участие жены (с учётом общеполитической ситуации и иных факторов) в общественной жизни в стране пребывания, грамотное дополнение дипломатической деятельности посла.

Сначала надо было «показать себя», заинтересовать представителей общественных организаций в контактах с женой. Мы, например, неоднократно принимали в посольстве представительниц женского филиппинского Движения Баликатан. Они смотрели фильм, угощались и подолгу беседовали с Надеждой, пригласили познакомиться с Движением, а затем внести свою лепту в работу Баликатан. Не только в организацию камерных мероприятий. Жена держала речь на конференции Баликатан «Общественное самочувствие женщины в государственной системе».

У Надежды установились хорошие связи с деканом Университета Филиппин, президентом Общества дружбы Университета Е. Арселианой. Два профессора заинтересованно рассматривали проблемы преподавания. Потом Надежда выступила при обсуждении доклада Е. Арселианы «Мир или гибель» в университетской аудитории.

Памятным, получившим отклик многих СМИ, было сообщение Надежды Григорьевны на собрании Совета женщин

Манилы. В докладе (так оценили газеты) рассказывалось о политике СССР в отношении Филиппин и о положении женщин в Советском Союзе. Затем ответы на вопросы. Одни корреспонденты писали, что были «приятно удивлены обаянием и живым умом жены советского посла», другие требовали «не допускать советских пропагандистов в неполитические организации».

Выступления в «чужой» аудитории — большой труд. Порою перед выступлениями Надежда маялась несколько дней, чтобы составить русский текст, перевести на английский, посоветоваться с переводчиком и, наконец, выучить текст наизусть.

Известное влияние на общественность, пусть и небольшое, имели проводимые в наших Культурных центрах, в Торгпредствах, в Университете Филиппин, в выставочных залах Манилы и Янгона книжные и фотовыставки. Они сопровождались «чашкой чая» и фильм-шоу. Обычная практика посольств. В Маниле об этом писали газеты, в Янгоне — никогда. Приглашения на эти мероприятия иногда посылались от имени Mrs. N. Shabalin, она же держала речь при открытии выставок.

Более существенный отклик в СМИ Филиппин получили «Музыкальные вечера» в резиденции посла. Приглашали молодых исполнителей, иногда — грандов искусства: это известный дирижер, композитор, скрипач Редентор Ромеро, пианисты Х. Круз и Р. Сунико, популярная певица Л. Ледесма (колоратурное сопрано). Как писали газеты, «концерты посещали дипломаты, видные деятели Филиппин в сфере театра, музыки, хореографии, а также литераторы и знатоки искусства»; Madame Nadezhda Shabalin была «хозяйкой красочных и гостеприимных вечеров и вела программу с очаровательной искренностью».

Газеты The Manila Times, The Sunday Times и др., журнал Woman Today писали, что жена советского посла — «замечательная личность», «высокая и стройная», «элегантная,

хорошо и умело одевается», «танцует с изящной непринуждённостью и истинной музыкальностью».

Лестно писали о Надежде: «Очаровательная, высоко интеллектуальная дама», «грациозная и обаятельная жена советского посла обладает многими достоинствами: учёная, является доктором наук, автор книг, стремится понять людей других стран», «её заявления умны и политически взвешены».

Не для бахвальства цитирую газетные оценки. Деяния жены получили признательность не только в посольском коллективе и в «женском дипкорпусе», но и в какой-то мере на общественной арене страны пребывания, стали позитивной добавкой к деятельности посла, способствовали созданию более благоприятной атмосферы для работы посольства.

Казалось бы пустяк: «Хорошо танцует!». Ну, и танцуй... Однако, например, для жизнерадостных филиппинцев танцевальные эпизоды имеют весомую значимость, это традиция...

Верховный судья Филиппин К. Тиханки — третье лицо в государстве после президента и вице-президента — пригласил нас на пикник в загородном поместье по случаю своего дня рождения. По существу Клаудио Тиханки устроил неформальный дипломатический приём. Представители политической и интеллектуальной элиты, бизнесмены, дипломаты, военные разместились под тентами, непринужденно общались, оркестр наигрывал филиппинские и американские мелодии. Вдруг Тиханки объявляет: «Выступают посол СССР и мадам Надежда, они поют и танцуют». Я поперхнулся, Надежда побелела. Мы ещё не знали, что это принятый на филиппинских приёмах обычай. На ходу договорились о ритмической песне, я пел, Надежда танцевала, Тиханки аплодировал, оркестр подхватил мотив, шумные аплодисменты завершили выступление. Когда прощались, Тиханки сказал: «Ваше выступление стало блестящим кульминационным пунктом пикника (pinnacle)». Может быть, поэтому

у нас установились отношения, слегка напоминающее взаимопонимание?

Жена посла Филиппин в Москве Чарита Мельчор, с которой у Надежды образовались весьма тесные, дружественные отношения, внезапный для гостей наш успех объясняла тем, что для многих филиппинцев русские — это медведи в зимней ушанке и сапогах, а отпрыски испанских аристократов вообще считают, что только они танцуют грациозно и грамотно. И вдруг — эти русские?!

Перед отъездом из Манилы получил от Верховного судьи послание:

«Ваше превосходительство!

Хотя Ваше пребывание в должности здесь было весьма недолгим, я хочу поздравить Вас с продвижением по службе, которое сделало это пребывание коротким, но предвещает ещё большие успехи в Вашей карьере. Позвольте мне заявить, что наш народ, я уверен, высоко оценивает Ваше постоянное стремление к тому, чтобы культурные и экономические связи между нашими странами стали теснее и чтобы развивалось лучшее взаимопонимание, и укреплялся мир в этой части света...

Примите, пожалуйста, этот маленький подарок как напоминание о Вашем пребывании на Филиппинах и как знак расположения и уважения госпожи Тиханки и моего за дружбу, которую Вы и мадам Шабалина проявляли к нам во время Вашего здесь пребывания. Желаю Вам полных успехов в Ваших делах. Искренне Ваш К. Тиханки».

Надежда редко работала в одиночку. Разве что в своих выступлениях перед общественностью. Она сотрудничала с женсоветами, с руководителями наших культурных центров, с послом и другими дипломатами. Мы обсуждали общие вопросы внешней политики, положение в стране

пребывания и на Родине, советовались, как провести конкретные мероприятия, но не касались кадровых вопросов и механизма политической деятельности посольства.

Не считаю, что в посольских деяниях Надежды Шабалиной не было не до конца продуманных шагов, моральных спазмов от неудовлетворенности сделанным, что она внесла нечто принципиально новое в посольскую жизнь. Она не идеал, но она работала, работала на общественных началах, на совесть.

Иногда что-то подталкивало меня приукрасить в статье жену, добавить пышные слова. Я сопротивлялся, хотя она этого стоит. Всё же 67 лет вместе, как писал своей жене академик В. Вернадский (его семейный стаж 58 лет): «Мы жили душа в душу и мысль в мысль».

После завершения дипломатической службы я в Москве ещё долго работал в сфере внешней политики, жена преподавала в Университете. К одному из юбилеев Надежды университетская газета «Дружба» опубликовала интервью с Надеждой и такую «учёную» справку:

«Шабалина Надежда Григорьевна училась на экономическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и в аспирантуре Московского инженерно-экономического института. Кандидат экономических наук, профессор на кафедре политической экономии Российского университета дружбы народов. Соавтор книги "Политическая экономия" (для иностранцев, изучающих русский язык), выдержавшей четыре издания, опубликовала ряд научных статей и учебно-методических пособий.

Участвовала в работе международных и всероссийских научных конференций, преподавала экономическую теорию в Берлине и Пекине, посетила в служебных командировках Германию, Чехословакию, Румынию, Китай, Филиппины, Бирму. Надежда Григорьевна награждена орденом "Знак почета", медалями и почётными грамотами».

КОМАНДИРОВКА НА ЮГ

В. Ф. ПРЯХИН

Чрезвычайный и Полномочный Посланник

В ЭПИЦЕНТРЕ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА С МИРОТВОРЧЕСКОЙ МИССИЕЙ

Прелюдия

По завершении дипломатической службы я перешёл на преподавательскую работу и активно включился в деятельность Национального совета политологов. Я был преисполнен желанием передавать молодёжи свой опыт работы в МИДе и в международных организациях начинающим дипломатам и совершенно не предполагал, что меня ждёт внезапное и хитросплетённое продолжение дипломатической карьеры.

В июне 2010 г. случилась трагедия на киргизском Юге... Александр Сергеевич Пушкин когда-то писал «не дай Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный». Если бы великий поэт был знаком со спецификой межэтнических отношений в Закавказье и Средней Азии, он наверняка

присовокупил бы к своему сравнению и межэтнические конфликты в этих регионах. За одну ночь с 10-го на 11 июня 2011 г. в городах Ош и Джелалабад погибло (только официально) около тысячи человек, сожжены целые жилые кварталы, десятки тысяч беженцев искали убежище в соседнем Узбекистане. Никогда не забуду толпу мужчин в тюбетейках и женщин в тёмных шалях перед зданием нашего министерства на углу Смоленской площади и Арбата. Они стояли молча с выражением какой-то безысходной усталости и безучастности, как бывает с людьми, пересекшими незримую для других линию, разрезавшую их жизни на ДО и ПОСЛЕ. Очень хотелось им помочь. Я не знал, однако, что исполнение этого моего желания столь реально и близко.

Надо сказать, что ООН тогда достаточно быстро и оперативно включилась в гуманитарную акцию по содействию жертвам конфликта. В моей памяти были ещё живы воспоминания о руандийской трагедии, когда неповоротливость и головотяпство, а, может быть, и чей-то злой умысел, привели к тому, что пока разворачивались структуры глобальной международной организации, в крошечной густонаселенной африканской стране погибли сотни тысяч людей. В киргизском случае военного контингента ООН не требовалось, а вот гуманитарная помощь последовала очень оперативно. Буквально на следующие сутки после трагедии в аэропортах Оша и Джелалабада приземлились «Джамбо джеты» с палатками, медикаментами, продовольствием и другими необходимыми в таких случаях гуманитарными грузами.

Но вот с политическими работниками, которые могли бы оказать содействие в восстановлении гражданской администрации и межэтническом примирении, Организация испытывала трудности, сказывалось отсутствие опыта работы в регионе Средней Азии. При обсуждении этого вопроса в Секретариате на Ист-Ривер негаданно вспомнили обо мне.

Перешедший к тому времени на работу в ООН мой «сосед» по работе в Таджикистане словацкий дипломат, выпускник МГИМО Мирослав Енча, возглавлявший в нулевые годы офис ОБСЕ в Ташкенте, рекомендовал меня. Спустя два дня я уже летел в столицу дружественной Киргизии.

Бишкек

Бишкек 2010 г. всё ещё хранил черты благополучного советского города коммунистического быта. Монументальные административные здания; театр оперы и балета; великолепный парк 28 панфиловцев; детская библиотека не хуже Джорджтаунской библиотеки в Вашингтоне; спортивные комплексы; прямые благоустроенные улицы в центре; индустриальные гиганты «Физприбор» и завод им. Ленина на окраинах. Присмотревшись, однако, можно было видеть уже черты тлена, разрухи, заброшенности и, самое главное, политической турбулентности — выгоревшее дотла здание прокуратуры на Киевской, огневая точка на углу проспекта Токтогула, обилие плакатов с призывами голосовать за различные политические партии.

Собираясь в Бишкек, я, естественно, обзавёлся телефонами и адресами, которые могли бы быть полезны при вхождении в новую информационную и политическую среду. Но первое впечатление об этой среде я получил не от этих знакомых, а от шофёра такси, доставившего меня к офису ООН, расположившемуся в здании бывшего «Детского мира». «Из Москвы?» — спросил водитель. На мой утвердительный ответ последовал новый вопрос: «А вот скажите, зачем вы нам помогаете?». Видя мое недоумение, автомедон сам ответил на свой вопрос «Ведь всё идёт...» и водитель выразительным жестом указал на свой карман.

Позже мне стал более понятен этот жест моего политического экскурсовода. Дело в том, что за год-полтора до этого Россия предоставила Бишкеку двухмиллиардный кредит на строительство жизненно важных объектов гидрокаскада на реке Нарын. В беседе с послом США Татьяной Гфёллер, запись которой впоследствии была опубликована в WikiLeaks Джулианом Ассанжем, сын тогдашнего главы государства жаловался, что Москва затягивает предоставление этого кредита. Между тем в самом Бишкеке ни для кого не было секретом, что первый транш кредита к тому времени уже осел в карманах «семьи».

Откровенная и беззастенчивая коррупция, проникавшая во все поры постсоветского госаппарата, явилась одной из важнейших причин переворота 7 апреля 2010 г., в результате которого режим президента Бакиева и его семьи был свергнут. Бакиев бежал, но в стране начался период ожесточённой борьбы за власть между различными региональными, клановыми и этническими политическими группировками. Одним из последствий этой борьбы явилась и межэтническая резня в ночь на 11 июня 2010 г. на Юге страны.

Синдром «Север — Юг»

«Мировой цивилизационной разлом, подобно экватору разделивший нашу планету на Север и Юг, проходит по отрогам западного Тянь-Шаня и делит Киргизию пополам на свой Север и свой Юг», — инструктировал меня перед поездкой в Ош заместитель Министра внутренних дел республики полковник Николай Алексеевич Солдашенко. «Север и северная столица Бишкек — это вполне европеизированный светский регион с довольно большой, хотя и сокращающейся, долей русскоязычного населения. Причём потомки семиреченских казаков, проживающие в Чуйской долине, отказываются при-

знавать себя диаспорой. Они живут на своей земле и статуса иностранцев не принимают. Да и нравы у нас светские. Президент, например, выступая по телевидению, сказала, что она, вообще-то, атеистка и ничего плохого в этом не видит. На Юге же, в Ферганской долине, в южной столице Оше, нравы другие, чувствуется религиозный фундаментализм, работают салафиты и ваххабиты, всюду идёт афганский нарко-трафик, оперативная обстановка намного сложнее. Сейчас, правда, страсти улеглись, но охрану я всё-таки вам дам».

В Оше

Не скажу, что охрана в Оше мне была очень полезна. Но кортеж с автоматчиками и два автомобиля сопровождения с «канарейками» придали определённый репутационный вес моему визиту в южную столицу. Руководство области и города заверили меня в готовности к сотрудничеству и не скупилась на слова благодарности в адрес ООН и России за содействие, оказываемое в постконфликтном восстановлении. А восстанавливать было что. Целые махалли* в городе были выжжены дотла. Сотни семей остались без крова, многие до сих пор не имели сведений о близких, без вести пропавших в ту роковую ночь с 10-го на 11-е июня. Но самое главное, что нужно было восстанавливать — это доверие между двумя этносами, с давних пор проживающими на этой земле. В толпе перед зданием городской управы кто-то сунул мне листовку, в которой первопричиной произошедшей резни называлось «многовековое противостояние кочевников (киргизов)» и «так называемых узбеков» (ремесленников и торговцев).

В своей дипломатической практике мне не раз и не два приходилось сталкиваться с подобной трактовкой причин

* Квартал, община.

межнациональных противоречий: между немцами и французами, венграми и румынами, африканскими племенами тутси и хуту, армянами и азербайджанцами. Позднее я даже откопал в научной литературе мудрёное название этой «примордиалистской» концепции. И вынес глубокое убеждение в её порочности и вредности. Когда-то — ещё в Африке — лидер оппозиции Фостэн Твагирамунгу следующим образом объяснял мне причины межэтнической резни в Руанде: «Когда у нас в долине реки Ньябаронго плотность населения достигает шестисот пятидесяти человек на один квадратный километр, они начинают убивать друг друга без всяких видимых причин».

В Киргизии плотность населения чуть выше тридцати человек на один квадратный километр. По своим природным условиям — благодатный климат, наличие воды, плодородные сельскохозяйственные угодья, альпийские пастбища — эта страна на цивилизационном разломе человечества — суший рай на Земле. Межэтнический конфликт был спровоцирован борьбой не за землю и воду, а за власть. Сказалось стремление свергнутой олигархии устроить, по их выражению, «маленький хипес» на Юге, где позиции этой олигархии были достаточно сильны. Но и борьба между различными «новыми» клановыми группировками также сыграла свою роковую роль.

Киргизия — клановая страна. Решающим в политической борьбе на выборах является формулировка «наш кулун*». Вы можете быть правым или левым, либералом или консерваторм, технократом или бизнесменом. Все это неважно. Важно то, чтобы на собрании избирателей кто-либо из ваших сторонников бросил с трибуны призыв «Голосуйте за него. Это же наш жеребёнок», т. е. уроженец данной местности, причастный к данному конкретному клану. Число лепестков

* Жеребёнок.

на золотом круге на национальном знамени Киргизии как раз и предназначено символизировать число этих кланов. Как раз в интересах победы в этой борьбе между самими киргизскими кланами и была спровоцирована межэтническая резня в Оше и Желалалабаде. А узбеки, как говорится, «попали под раздачу».

«Попали под раздачу» — это слова моего друга Жамшита Мамытова, с которым я познакомился уже в Оше. Подполковник МЧС Мамытов сам противостоял погромщикам. «Знаете, кто меньше всего пострадал в ту ночь? Махалли со смешанным киргизско-узбекским населением. В них жители объединились и не допустили поджогов и грабежей». Хорошо показали себя и русскоязычные граждане. Их не трогали, но они сами призывали к миру и спокойствию. Особенно памятны миротворческие призывы и действия председателя местной православной общины отца Виктора. Он укрывал в храме и узбеков, и киргизов, выпекал и раздавал им хлеб. Отец Виктор совершил крестный ход по мятежному городу, призывая людей прекратить насилие.

Вдохновлённый примером отца Виктора, я начал свою деятельность в Оше с посещения мечети. Муллы приняли меня с уважением и холодным достоинством. Они опасались, что я припомню им распространённые в то время слухи о том, что сигнал к началу погромов был дан именно муэдзинами. Я постарался растопить первый ледок встречи, похвалив прекрасный чай словами «Главное, чтобы чай был хороший, а узбекский он или киргизский, это не так важно». После этих слов беседа пошла в нормальном русле, хотя сделать снимок мне не разрешили. Впрочем, это было не так важно. Важно было то, что мы условились закрепить практику дуализма в руководстве мечетей. В мечетях через одну проводилась ротация кадров — если главный мулла был узбеком, то его зам — киргизом. И наоборот. А подстрекатели

ко всякого рода мятежам и противостояниям провозглашались шайтанами.

Пожаловались муллы и на отсутствие поддержки со стороны России. Ислам — реальный политический фактор в Средней Азии. Люди ходят в мечети, совершают обряды, обращаются к священнослужителям с просьбами и жалобами. После развала СССР возник дефицит квалифицированных мулл. В этот вакуум устремились представители зарубежной уммы. Но далеко не все из них приехали в Киргизию с добрыми намерениями. Сотрудничество с российскими мусульманами было бы весьма полезным. К слову сказать, эту просьбу клира активно поддерживали и представители светской администрации Оша и Джелалабада.

Кара-Суу

В августе 2010 г. в киргизских СМИ один из неформальных лидеров общественного мнения некто Сысканов высказал экстравагантную идею. Суть её заключалась в следующем. Политический кризис на Севере и резня на Юге, постоянная угроза псевдорелигиозного экстремизма из Афганистана, перманентная слабость местной администрации однозначно свидетельствуют о том, что Кыргызстан ещё не созрел до полной государственной самостоятельности. Стране необходимо просвещенное внешнее управление. Ведь лучшие годы киргизской истории — при всех издержках — это всё-таки годы в составе СССР. Так не обратиться ли к Москве с просьбой предоставить Киргизии статус девятого федерального округа? Инициатива Сысканова вызвала, естественно, зубовой скрежет местной политической элиты. Был пущен слух о том, что сам Сысканов здесь, мол, ни при чём, и что действительным автором идеи является Владимир Вольфович Жириновский. Я — понятное

дело — сторонился острых диалогов на эту тему, но полностью от них уйти не удалось...

Одним из наиболее пострадавших от этнических погромов был район Кара-Суу. Туда и направил я свои стопы, получив сообщение из Нью-Йорка о продлении своей миссии до новых президентских выборов. В Кара-Суу меня встретили с восточным гостеприимством и товарищеским радушием. Сказалось доброе наследие, оставленное некогда многочисленной в этих краях русскоязычной общины, многие выходцы из которой к тому времени заняли не абы какие посты в Москве. Мы условились, в частности, провести в регионе интернациональный концерт представителей всех национальных общин. А их было не менее десяти — киргизы, узбеки, казахи, русские, украинцы, таджики, татары. В ходе общей беседы кто-то затронул тему инициативы Сысканова. Все живо принялись обсуждать её. Кто-то сказал, что если бы на тему воссоединения с Россией провести референдум, то, наверное, процентов двадцать граждан высказалось бы «за». В ответ один из местных бизнесменов решительно возразил: «Не знаю, как по стране, а у нас в Кара-Суу — сто процентов».

Узген

Эти слова мне стали более понятны во время поездки в узбекский анклав Ошской области город Узген...

Я не гурман и не чревоугодник, но ещё в Бишкеке был наслышан о невероятной вкусности узгенского плова, равного которому нет в мире. Хотя цели моей поездки в Узген были совсем не гастрономические, убедиться в правоте (или в неправоте) этих славословий хотелось. И случай представился почти сразу. Дело в том, что в Узгене меня принимала заместитель местного акима, сестра Героя России, космонавта Салимджана Шарипова Матлюба Шарипова. А ещё

у космонавта в Узгене остался брат Кадыржан — профессиональный повар. Поэтому наша общая беседа состоялась вокруг казана с настоящим узгенским пловом. Надо сказать, что во время моей работы в Средней Азии одной из самых больших трудностей было сидение на корточках за совместной трапезой. Но плов Кадырджана заставил меня забыть об этом обстоятельстве. Полтора часа пролетели незаметно. От плова ничего не осталось. Но секрет кулинарного чуда оказался не только в искусстве повара, но и в качестве риса. Дело в том, что специфический незабываемый вкус узгенскому плову придаёт местный рис с длинными зёрнами коричневатого цвета. Именно они выдвигают это блюдо в «топ-лист» шедевров мировой кулинарии.

«Узген, — говорила тем временем Матлюба, — узбекское поселение». «Слава Аллаху, мы всегда мирно жили и с киргизами, и с таджиками, и с казахами. Словооблудия о какой-то природной враждебности между нами — вымысел чистой воды. При советской власти мы все были воспитаны интернационалистами, небольшая российская прослойка в населении тоже играла скрепляющую роль между этносами. Этим и объясняются ностальгические настроения по СССР. Ведь когда началась резня, мы прежде всего позвали моего брата — узбека по национальности, уроженца Киргизии, Героя России и полковника российской армии. Его поездка по региону имела неотразимое воздействие на всех как символ нашей прежней дружбы и сплочённости».

Конечно, СССР восстановить нельзя, да и не нужно восстанавливать старые административные рамки. Нужно сохранить, развить и упрочить вот этот дух интернационализма и дружбы. Что бы там ни говорили злопыхатели, историческая общность народов бывшего СССР — это факт и наша история, востребованная сегодня.

Нью-Йорк

Моя миссия в Киргизию подошла к концу в апреле 2011 г. Политдепартамент Секретариата на Ист-Ривер затребовал меня с личным отчётом в Нью-Йорк. Так из «столицы мирового наркотрафика» я оказался в финансовой столице мира. Расположился на 67-й улице в нашем постпредстве при ООН и, конечно же, посетил доброго старого друга Виталия Ивановича Чуркина. Было что вспомнить, но времени предаваться воспоминаниям не было. Постпреда интересовало прежде всего мое мнение об эффективности ООН в регионах, «в поле». Я честно сказал, что по своему личному опыту, сравнивая Руанду 1994 года и Киргизию 2010 г., могу сказать, что вижу очевидную положительную динамику.

Но... ООН не в силах преодолеть злокачественную опухоль забюрократченности. И если на глобальном уровне это иногда не ощущается, то непосредственно на местах эта опухоль даёт о себе знать весьма и весьма остро. Я рассказал Виталию Ивановичу, как тогда в Кара-Суу мы решили провести интернациональный концерт всех общин района. На эту цель я запросил в Нью-Йорке десять тысяч долларов. Секретариат воспринял инициативу «на ура». Но непосредственно на месте от отделения ООН была выдвинута тысяча благовидных предлогов, чтобы деньги эти не дать. Причём последним аргументом против моих доводов были «соображения безопасности». Тут уж, как говорится, нашла коса на камень. Ведь только что в Мазари-Шарифе экстремисты вырезали всю ооновскую миссию. И хотя где тот Мазари-Шариф и где Ош, десяти тысяч долларов мне не дали. По соображениям безопасности, конечно. В конце концов, видя мое отчаяние, киргизские и узбекские друзья «в поле», сбросились кошельками и провели мероприятие за счёт местных бюджетов.

Помню, что Виталий Иванович с пониманием отнёсся к моим скромным соображениям. А я навсегда сохранил в памяти образ этого доброго человека и блестящего дипломата.

Ту же самую историю о десяти тысячах долларов вместе с пакетом предложений о проектах, которые можно было бы осуществить в миротворческих целях, я передал и в Секретариат ООН. Думаю, он лежит там и сейчас в архиве на Ист-Ривер. Между тем потребность в повышении уровня глобального управления мировым сообществом становится всё более и более актуальной. И потребность эта по плечу именно такой международной организации, как ООН. Эпидемия коронавируса показала, насколько беззащитным может оказаться человечество перед лицом глобальных вызовов и угроз. Для противостояния им необходима солидарность и взаимодействие, позволившие затушить пожар конфликта на киргизском Юге в 2010 году.

НИТЬ ЖИЗНИ

В. А. БОЙКО

Чрезвычайный и Полномочный Посланник

«В ГРЕЧЕСКОМ ЗАЛЕ»...

В 1960 году я решил поступать в МГИМО. Вступительные экзамены (при конкурсе более 20 абитуриентов на одно место) удалось сдать прилично, и я был принят на 1-й курс западного отделения «факультета международных отношений — МО». По моей просьбе я был включён во впервые создаваемую в институте группу по изучению греческого языка.

После вступительных экзаменов я съездил в родной город Уфу повидаться с семьёй и провёл там несколько радостных дней. В один из вечеров, когда мы с папой после ужина сидели в доме на кухне и покуривали, выпуская папиросный дым в поддувало нашей печурки, мой папа — бывший офицер-фронтовик — сказал: «Ну что, сынок, поздравляю ещё раз с поступлением в институт, будешь, значит, дипломатом. Это очень достойная профессия — защищать интересы Родины. Наше поколение выполнило свой долг — защитило Родину, победило в войне. Уверен, что и ты не подведёшь». Я заверил отца, что, конечно же, не подведу и, полагаю, что честно выполнил своё обещание.

И вот 1-го сентября 1960 года началась шестилетняя эпопея учёбы в МГИМО — в «старом доме у Москвы-реки», как пелось в институтском гимне, написанном выпускником института Виктором Орловым ещё в 1950 году (сейчас там Дипломатическая академия). Большинство студентов нашего курса составляли бывшие солдаты, матросы и производственники, было немного бывших школьников и 7 девушек.

Учиться в институте было для меня весьма непросто: после окончания школы прошло 5 лет, в том числе 3 года службы в Советской Армии, а тут свалилась на бывшего солдата серьёзная программа подготовки специалиста-международника с изучением ряда исторических дисциплин, философии, политической экономии и т.д. Особый упор в учебном процессе делался на изучении иностранных языков — основного (языка предположительной в перспективе страны пребывания) и языка-«вездехода», т.е. английского, французского, немецкого или испанского. Нашу «греческую группу» подключили позднее к изучению второго — английского языка. Греческий язык нам преподавала Марина Львовна Рытова, выпускница Московского института военных переводчиков. Кстати, наряду с греческим она блестяще владела английским, вернее — американским английским, помогала «нашему Никите Сергеевичу» Хрущёву в его контактах с кукурузными магнатами США. Марина Львовна трудилась и на «греческом направлении», не раз бывала в Греции и рассказывала нам о ней с теплотой, с большим уважением к её героическому свободолюбивому народу, к её богатой истории. Такие добрые чувства она укрепила и у нас. Серьёзную трудность для нашего учебного процесса составляло отсутствие в Москве, да и вообще «в российской природе», учебника греческого языка. И Марине Львовне пришлось разрабатывать всю

методику преподавания, обкатывать на нас поурочные тексты, задания. Как-то в разговоре она назвала нас «мои подопытные кролики», а мы и не возражали, ибо это было сказано с большой теплотой и признательностью. И мы очень радовались, когда Марина Львовна выпустила в свет своё детище — учебник греческого языка и заслуженно получила учёную степень. Она была для нас не только учителем, наставником, но и старшим другом, и благодарную память о ней мы храним в наших сердцах.

Летом 1962 года, по окончании 2-го курса МГИМО, началась моя трудовая практика в качестве переводчика с греческого языка. В один из июльских дней в общежитие позвонил начальник нашего курса Иван Павлович Виноградов и пригласил меня на беседу «по срочному важному делу» (я тогда подрабатывал на летних каникулах разнорабочим на соседнем кирпичном заводе, собирал деньги на поездку в родную Уфу). Я, конечно же, примчался в институт, где мне было сказано следующее: «Комитету по делам спорта СССР срочно нужен переводчик с греческим языком, в столицу советской Молдавии Кишинёв из Румынии прибывает греческая футбольная команда «Олимпиакос» (г. Пирей), вылет в Кишинёв послезавтра, будет две игры — с молдавской командой «Нистру» и затем со «Спартак» уже в Москве, и я буду рекомендован потрудиться переводчиком, если согласен». Я поблагодарил за доверие и согласился, хотя и очень волновался — ведь первый раз в жизни...

Повезло мне с переводческой работой и через год, летом 1963 года, когда в Москве состоялся 3-й Международный кинофестиваль. Я был переводчиком у греческих популярных артистов театра и кино — Алекоса Александракиса и Алики Георгули, гостей фестиваля (греческого фильма не было на конкурсе). Помню, что с подачи директора фестиваля Галины Волчек мы посетили киностудию «Мосфильм», побывали

и на съёмках ставших позднее популярными фильмов «Война и мир» и «Тишина». Гости фестиваля проживали в московской гостинице «Метрополь», в ресторане которой столик греческих артистов соседствовал со столиком французской делегации, и нашими соседями были популярный и любимый в нашей стране киноартист и певец Ив Монтан с супругой Симоной Синьоре. А председателем жюри этого фестиваля был французский киноартист с мировой известностью Жан Маре. В общем, впечатлений была масса...

Главнейшим событием 1964 года, определившим всю мою последующую жизнь, стала состоявшаяся 30 апреля наша с дорогой для меня девушкой Ольгой свадьба. С того дня и в настоящее время, то есть уже более 57 лет, мы с Ольгой Евгеньевной вместе шагаем по тропе жизни, деля совместные радости и проблемы.

После зимней экзаменационной сессии 1965 года поступило предложение МИД о направлении меня на производственную практику в наше Посольство в Афинах на должность дежурного референта. А по возвращении из Греции мне следовало сдать накопившиеся экзамены и зачёты и выпускные государственные экзамены. Наряду с этими задачами надо было во время командировки подготовить дипломную работу и представить её моему научному руководителю — профессору Ивану Алексеевичу Кириллину — строгому, но добросердечному преподавателю, крупному специалисту по истории международных отношений и внешней политики СССР, а потом и защитить работу на заседании учёного совета МГИМО. И вот настало время, когда мы с Ольгой погрузились в вагон скорого поезда до Одессы, а там — в порту — в каюту белого красавца — теплохода «Армения», доставившего нас в Пирей — морские ворота Греции. Сотрудник Посольства Климанов на выдавшем виды «Москвиче» доставил нас в небольшой особнячок в приморском районе

Палеон Фалирон, где тогда размещался консульский отдел Посольства СССР в Греции.

Мои служебные обязанности дежурного референта были относительно несложными: в утренние часы я принимал посетителей, выяснял их цели визита в Посольство и сообщал о них компетентным сотрудникам. Очень многие посетители обращались с просьбами о лечении в нашей стране, и я снабжал их соответствующей инструкцией на греческом языке. В то же время моей важнейшей задачей был просмотр основных греческих газет и доклад об опубликованных в них новостях и статьях на утренних совещаниях в кабинете посла. Дежурил я до обеда, а после обеда вновь приходил на работу — помогал сотрудникам с устными переводами, готовил различные справочные материалы и т. д.

Коллектив Посольства составляли многие замечательные люди. Сам посол Николай Иванович Корюкин неоднократно беседовал со мной по «греческой тематике», высказывал некоторые ценные для меня рекомендации. Он поразил меня, в частности, тем, что по воскресным выходным дням приезжал утром в лимузине «Чайка» в Посольство, садился в наш автобус, куда загружались сотрудники с семьями — в основном технический состав — и ехал вместе с нами к излюбленному месту отдыха и купаний на морском побережье в славном районе Марафона, где отважные греки в 490 г. до н.э. разгромили персидских агрессоров. В этом районе в небольшом лесочке нашими сотрудниками были оборудованы волейбольная и городошная площадки, на которых с переменным успехом «бились» между собой команды Посольства и торгового представительства.

Большим уважением в нашей колонии в Афинах пользовались в силу прежде всего своих добрых человеческих качеств, порядочности, профессионализма и профессионального опыта — советники Иван Петрович

Кисляк (его сын Сергей — видный ныне дипломат, был Послом России в США), Василий Андреевич Воробьёв, Валерий Зиновьевич Левилов (автор талантливых стихов), торговый представитель Грант Тигранович Григорян. Куратором моей дипломной практики был 1-й секретарь Посольства Аркадий Николаевич Боцан-Харченко, которому я очень благодарен за его практическую поддержку моей работы (его сын Александр — талантливый дипломат, возглавлял Европейский департамент МИД, а потом — Посол России в Сербии). 1-й секретарь Михаил Иванович Сальников был моим учителем в деле подготовки дипломатической справочной документации.

В начале февраля 1966 года производственная практика в Посольстве завершилась. Перед нашим с Ольгой отъездом в Москву посол в беседе сказал следующее: «Учтите, отправляю вас в отпуск для окончания учёбы в МГИМО. Надеюсь, что вы успешно завершите свои дела в Москве и вернётесь к нам на работу. Я позабочусь об этом». В конечном итоге всё так и вышло: все полагающиеся зачёты и экзамены за 6-й курс и выпускные государственные экзамены я сдал довольно успешно, защитил с оценкой «отлично» дипломную работу на тему «Греция в системе НАТО» (позднее мне сообщили в деканате, что моя дипломная работа была даже выдвинута Институтом на московский конкурс студенческих работ по общественно-политической тематике и была там признана одной из лучших).

★ ★ ★

В июне 1966 года мы с Ольгой вновь прибыли в Афины, но уже в длительную командировку. Я был определён в группу под руководством М.И. Сальникова, занимающуюся вопросами внешней политики греческого правительства.

Работа была интересная, во многом как раз по профилю моей дипломной работы. Ольга, овладевшая неплохим западом греческого разговорного языка, была принята на работу в наше Торговое представительство.

В Греции 60-х годов происходила «чехарда» сменявших друг друга правительств, обстановка была неустойчивой. А в недрах греческих спецслужб и вооружённых сил тем временем созрел заговор, вылившийся 21 апреля 1967 года в военный переворот с приходом к власти в стране так называемой «хунты чёрных полковников».

Утро того дня прочно закрепилось в моей памяти. Как обычно, я пошёл на работу в Посольство пешком. Несколько насторожила абсолютная пустынность улиц — ни пешеходов, ни проезжающих автомобилей. На подходе к памятнику американскому президенту Трумэну, откуда мне оставалось пройти пару кварталов до Посольства, я увидел стоявшие на перекрёстке бронетранспортёр и армейский виллис с кучкой вооружённых военных около него. От этой группы отделился и подбежал ко мне солдат с автоматом наизготовку и с криком «Апагореветэ!» (Запрещено!). Я сказал ему, что являюсь сотрудником Посольства СССР и иду на работу на улицу Ироду Аттику, 7. Солдат, как заведённый, продолжал твердить о запрете выходов на улицу, причём пару раз ткнул меня автоматом в живот. Я тогда выкрикнул просьбу подойти офицеру к нам, расстегнул пиджак, медленно распахнул его и вытащил из внутреннего кармана выданное МИДом Греции удостоверение сотрудника Посольства СССР. Кто-то из группы военных приказал солдату опустить оружие, а затем подошёл к нам. Я показал ему моё удостоверение. Он вернулся к виллису, поговорил по рации, затем подошёл ко мне и сказал, что предупредил другую группу оцепления района, которая пропустит меня в Посольство.

Так завершился мой первый контакт с участниками военного переворота.

В нашем кабинете уже собрались коллеги, из включённой «Спидолы» слышались бравурные звуки греческого военного марша «Прохоритэ, прохоритэ!» (Вперёд, вперёд, друзья...), которые прервались, и раздался хриловатый голос бывшего Премьер-министра, поддержавшего военный переворот — Афанасиадиса Новаса, зачитавшего соответствующее заявление: «Народ Греции! Уже долгое время мы являемся свидетелями преступления, совершаемого во вред нашему национальному сообществу... Страна подошла к краю пропасти, и только решительные действия нашей армии удержали её от падения в эту пропасть...» И т. п.

Парламент страны, политические партии, многие общественные организации были распущены, все демократические права и свободы отменены, правительство Премьер-министра Панаётиса Канеллопулоса удалено, городские стадионы были заполнены арестованными сотрудниками и членами парламентских партий и общественных организаций, многих из которых после кратких разбирательств направляли в тюрьмы или в концлагеря на островах. Премьер-министром страны был назначен Константинос Коллиас — бывший глава Конституционного Суда. Но реально власть находилась в руках военного руководства. Вместе с лидером переворота полковником разведки Георгиосом Пападопулосом в правящий военный триумвират входили полковник Николаос Макарезос и «танковый» бригадный генерал Стилианос Паттакос, перекрывший 21 апреля бронетехникой перекрёстки узловых проспектов столицы. Ближе к обеду в тот день некоторые запреты были отменены, на улицах появились военные патрули, афишеры осаждали продуктовые магазинчики и лавки, закупая впрок «долгоиграющую» продукцию — крупы, соль, сахар, сухари, печенье и т. п.

И ещё один особо запомнившийся момент: к вечеру 21 апреля на другой стороне улицы Ироду Аттику из ворот прямо напротив входа в наше Посольство неспешно выкатился бронетранспортёр с крупнокалиберным пулемётом на башне, развернулся и остановился (на том участке находятся казармы и службы батальона «эвзонов» — дворцовой охраны). Меня и некоторых сотрудников, ставших свидетелями появления этого бронетранспортёра, возмутило то, что ствол пулемёта смотрит на здание нашего Посольства, на верхнем балконе которого развешивается флаг СССР. Мы посоветовались, и атташе Евгений Лукьяненко — направился к бронетранспортёру выразить протест. Он поговорил с командиром, который, попросив извинения «за недосмотр», отвернул пулемёт в другую сторону.

Военный переворот осложнил работу. Многие наши контактеры были арестованы, хотя часть из них позднее были освобождены. Выход сотрудников Посольства и других наших представительств в город, как правило, контролировался «хвостами» — агентами греческой охранной службы с фотокамерами. А о планируемых выездах за 50-километровую зону из Афин и о посещении других городов и населённых пунктов Посольству следовало заранее информировать протокольный отдел МИД с указанием маршрута и сроков такой поездки, которая также проходила под бдительным наблюдением автомобиля охраны. Вот в таких условиях приходилось работать. В принципиальном плане в этом вроде бы нет ничего необычного, в любой стране местные власти, конечно же, заинтересованы в получении информации о деятельности зарубежных представительств. При этом для самих посольств в Афинах решение информационных задач несколько упростилось в связи с пополнением афинского «парка» средств массовой информации двумя новыми изданиями — газетами

«Неа Полития» (Новое государство), где публиковалась официальная информация о деятельности военных властей — заявления, решения, указы и т. п., и газетой «Элефтерос Козмос» (Свободный мир), которая не скупилась на положительные оценки предпринимаемых военными властями действий, отмечала их верность неким «греческим национальным идеалам» и их антикоммунистические настроения как идеологическую основу режима. Эта газета безуспешно пыталась продвигать в сознание читателей некие «эллино-христианика идеоди» (греко-христианские идеалы) — изобретённое пропагандистом военного режима Георгиосом Георгаласом теоретическое месиво национализма с православными догматами. Такие установки, однако, не встретили поддержки в греческом обществе. Помню, как в небольшой тавернице в афинском пригороде Коропи группа студентов напевала песенку, в которой были слова: «Эллас эллинон христианон, анев Вулис ке эклогон...» (Греция греков-христиан, но без Парламента и выборов), а один из ребят с горечью добавил: «Хэре, Эллас, патрида тис демократиас!» (Привет тебе, Греция, родина демократии.)

Надо отметить, что с самого начала военный переворот в Греции не встретил сколь-нибудь организованного противодействия со стороны политических сил греческого общества. Предпринятая в г. Кавале королём Константином в декабре 1967 года известная «верхушечная» попытка — подвинуть часть вооружённых сил страны на мятеж против «хунты» — провалилась, после чего король вместе с семейством бежал в Италию и так и не вернулся в Грецию.

По оценкам в афинских дипломатических кругах, военные власти в очевидном стремлении обеспечить себе социальную базу в стране активно занимались тематикой развития греческой экономики, решением социальных проблем, улучшением системы образования. В частности, одним

из первых актов стало списание кредиторской задолженности с крестьянских хозяйств, что подстегнуло развитие аграрного сектора. Этому также способствовали модернизация и сооружение дорожной сети в ряде сельских областей. Была введена единая зарплата для мужчин и женщин за выполнение одинаковой работы, повышены зарплаты и пенсии трудового населения. Сократилась безработица, развернулось жилищное строительство, сооружение православных храмов, множества начальных школ, в том числе в сельских районах, новых гимназий и лицеев, создание лечебных учреждений, сети гостиниц. Однако в условиях фактически сохраняющегося в стране чрезвычайного положения, военно-полицейского произвола, отсутствия у населения политических прав и свобод режиму так и не удалось создать какой-либо значимой социальной опоры.

Весьма неожиданные оценки возможных перспектив греко-советских отношений высказал в беседе с новым советским послом в Афинах К.Д. Левычкиным в 1968 г. Премьер-министр и глава режима Георгиос Пападопулос (мне довелось быть переводчиком этой хорошо запомнившейся беседы).

Посол, сославшись на поручение из Москвы, изложил озабоченности советской общественности положением подвергающихся в Греции преследованиям со стороны властей многих прогрессивных деятелей, в том числе таких друзей Советского Союза, как национальный герой Греции Манолис Глезос, поэт Яннис Рицос, композитор Микис Теодоракис, руководители ЭДА (Единой Демократической Лево́й партии) Илиас Илиу, Спилиопулос и другие.

Пападопулос внимательно выслушал посла, в задумчивости прошёл по кабинету и затем спросил: «А почему в Советском Союзе полагают, что друзьями СССР в Греции являются главным образом упомянутые Вами лица? Прошу иметь

в виду, что здесь другом номер один России являюсь именно я. Мне известно, что вам, очевидно, нравится Греция, вы уже поездили по стране, ознакомились с ней. Скажите — вы видели на улицах хоть один лозунг, антисоветский по содержанию?»

После короткой паузы посол ответил: «Нет, я ничего такого не заметил».

Пападопулос продолжил: «Пока мы здесь, таких лозунгов в Греции нет и не будет. Единственное, что нас с вами разделяет — это идеология: вы — сторонники коммунизма, а мы — антикоммунисты. Но мы с детских лет воспитываемся в духе уважения к России, которая помогла Греции сбросить многолетнее иго османов, направляла нам оружие, боеприпасы, пшеницу, привозила своих добровольцев, сражавшихся вместе с греками за свободу и независимость Греции. Такое нашим народом не забывается. Мы хотим поддерживать и продвигать отношения с Россией — торговые, экономические и в других возможных сферах. Прошу сообщить в Москву об этом нашем пожелании. Конечно же, мы учтём изложенные сегодня озабоченности советской общест-венности. Да, хочу пояснить, что мы здесь в нашем обиходе называем вашу страну Россией, это близко греческому восприятию России как страны, сплотившей другие нации и народности в единое государство — Советский Союз».

Вот такие неожиданные откровения прозвучали на той встрече. Информация о ней, конечно же, была отправлена в Москву.

Как известно, наша страна, как и другие представленные в Греции страны, продолжала в тот период выполнять свои договорные обязательства перед Грецией, в том числе перед греческими торгово-экономическими партнёрами. Но за весь 7-летний период правления военного режима в Афинах СССР принципиально воздерживался от контактов с этим режимом на политическом и государственном уровнях...

Жизнь продолжалась. Для нас с Ольгой с сентября 1967 года она обрела новый смысл и содержание, ибо состав нашей семьи сразу удвоился с рождением двойняшек-мальчишек, которых мы назвали Пётр и Илья. Это чудо произошло в греческом родильном доме в популярном афинском районе «Плака». Глава этого дома, бывший военный лётчик и замечательный врач и человек господин Николокопулос, пошутил: «Поскольку мальчики родились в нашем районе "Плака", то они всю жизнь "Фа канун плака гья сас" (будут веселить вас)». Вот они веселили и радовали нас, практически не болели...

В этой нашей первой, так сказать — «дипломатической» командировке в Грецию мы с Ольгой пробыли пять полных лет и в марте 1971 года вернулись домой в Москву.

★ ★ ★

Я был назначен на работу в 3-й Европейский отдел МИД СССР, трудился в «греческом зале» — так мы называли наш сектор Греции и Республики Кипр в силу «грекоязычности» двух стран. Был я очень рад тому, что на новом месте работы, уже в Москве, я буду продолжать трудиться вместе с такими знатоками-корифеями, как Аркадий Николаевич Боцан-Харченко, Михаил Иванович Сальников и Владимир Васильевич Пушкин — бывшими моими наставниками во время стажировки в Посольстве в Афинах. С доброжелательным вниманием контролировал и направлял мои трудовые усилия заведующий сектором Валентин Кондратьевич Фирсанов. Кстати, сотрудники 3-го отдела Европы МИД в общении между собой уважительно называли В.К. Фирсанова «Великий», А.Н. Боцана-Харченко — «Титан», а В.В. Пушкина — «Лидер», и эти «позывные», как мне объяснили, были присвоены им за их такие важнейшие качества, как высочайший

профессионализм, порядочность, отзывчивость и доброжелательное отношение к сотрудникам, в чём на собственном опыте убедился и я. Поэтому трудиться в такой рабочей обстановке в «греческом зале» было для меня легко, а также весьма поучительно и интересно.

А в конце мая 1971 года меня утвердили официальным переводчиком греческого языка на период официального визита в СССР 2–9 июня Президента Республики Кипр Архиепископа Макариоса по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского Правительства.

...Утром 2 июня 1971 г. в московский аэропорт Внуково прибыл спецрейс «Кипрских авиалиний», доставивший Президента Архиепископа Макариоса, министра иностранных дел С. Киприану и других сопровождающих лиц. Все они были встречены Председателем Совета Министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным и секретарём Президиума Верховного Совета СССР Михаилом Порфирьевичем Георгадзе (он сопровождал кипрского Президента также в поездке в Ленинград, Волгоград и Киев). После официальной встречи и прохождения роты почётного караула кортеж отправился в Москву, где в Кремле и были размещены Президент Макариос и члены кипрской делегации. Затем в Кремле состоялись переговоры с участием Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и Председателя Правительства А. Н. Косыгина.

По окончании переговоров в Георгиевском зале Кремля состоялся официальный обед, в ходе которого Н. В. Подгорный и Макариос в своих речах подчеркнули готовность всячески способствовать дальнейшему всестороннему развитию отношений между Советским Союзом и Республикой Кипр на благо народов обеих стран. После этого обеда Макариосу показали Алмазный фонд, который произвёл на него глубокое впечатление. Так, остановившись у немалой

пластиковой ёмкости, наполненной, наверное, тысячами алмазов, он задумчиво произнёс: «Это потрясающе дополняет представления о богатствах недр, которыми располагает великая Россия».

Затем мы вылетели в Ленинград. Врезалось в память посещение Пискарёвского мемориального кладбища. По дороге я в беседе сказал Макариосу, что мой отец — армейский офицер, в прошедшей войне защищал Ленинград, имеет боевые награды, был серьёзно ранен, а сейчас он — подполковник в отставке, военный пенсионер. Макариос попросил передать «самые добрые пожелания здоровья и долголетия» моему папе, что я позже и сделал.

Экскурсовод провела нас в Музей подвига жителей и защитников города, предложила Макариосу сесть за столик, положила перед ним раскрытую тетрадку и сказала: «Это дневник ленинградской школьницы Тани Савичевой. Прошу Вас, прочтите». Я стал переводить сделанные Таней записи с датами смерти её родных и когда переводил последние строчки в дневнике «...Мама умерла 13 мая 1942 года. Савичевы умерли все. Осталась одна Таня», я вдруг увидел, как на страницу дневника Тани Савичевой упали слёзы Президента Архиепископа Макариоса. Я отступил на пару шагов от столика, огляделся и заметил, что был не один, кто видел слёзы этого истинно божьего человека, наделённого даром столь острого сопереживания чужой трагедии и горю...

А я опять вернулся в коллектив нашего отдела по Греции и Кипру, где трудился в должности третьего, а с мая 1972 года — второго секретаря. Коллектив наш практически оставался стабильным по составу: коллеги выезжали в командировки в основном в страны с редким — греческим языком, да и возвращались — обогащённые опытом заграничной работы — вновь в наш «греческий зал» (как и в моём случае).

* * *

Мне, однако, не было суждено надолго задерживаться на работе в отделе: в середине ноября 1973 года мы с Ольгой и нашими малышами погрузились в вагон по маршруту Москва — Афины, прицепленный к следующему в Белград составу, и выехали в Грецию. В Белграде наш вагон прицепили к скорому поезду Мюнхен — Афины и остановили на несколько часов уже в Греции — на вокзале г. Ларисы в связи с «беспорядками» в Афинах. А когда мы всё-таки прибыли вечером 17 ноября в Афины, то встретившие нас сотрудники Посольства рассказали о «восстании студентов» Политехнического института. По дороге в Посольство мы видели группу арестованных молодых людей, которые, держа руки на затылке, шли под конвоем автоматчиков. Позднее вечером того же дня военные власти направили против студентов Политехнического института танки и, как сообщала пресса, погибли 23 человека, сотни студентов пострадали и были арестованы.

По оценкам в афинском дипломатическом корпусе, события в Политехническом институте прозвучали как колокол набата, зовущий народ страны к борьбе за возрождение свободы в Греции. Но военщина продолжала судорожно цепляться за власть, и 25 ноября 1973 года произошёл новый военный переворот, который возглавил начальник ЭСА (военной полиции) генерал Димитриос Иоаннидис, обвинивший Президента страны Г. Пападопулоса (бывшего главу хунты) в «отходе от идеалов национальной революции 21 апреля 1967 года». Но уже было ясно, что греческое общество не воспринимает ни упомянутые «идеалы», ни их реализацию, по-прежнему сопровождаемую арестами, избиениями и пытками в застенках асфалии (службы безопасности) и полиции, концлагерями.

В стране вызревал политический взрыв. А хунта Иоаннидиса сама ускорила свою кончину, поддержав попытку военных кругов на Кипре «свалить» избранного народом Президента Архиепископа Макариоса, а затем произвести «энозис» — объединение Кипра с Грецией. Эта попытка, как известно, провалилась и повлекла за собой крах хунты генерала Иоаннидиса. А происки греческой военной хунты на Кипре привели к тяжелейшим последствиям для киприотов в связи с военным вмешательством Турции, которая под предлогом обеспечения безопасности турецкой общины острова высадила 20 июля 1974 г. там свои войска, в конечном счёте захватив 37% территории на севере Республики Кипр.

В стране продолжалась довольно бурная политическая кампания: на 8 декабря 1974 г. был назначен референдум по вопросу о государственном устройстве страны — оставаться ли Греции монархией или стать республикой. Хотя ещё при хунте, в конце июля 1973 года, население проголосовало за ликвидацию королевской власти и 19 августа 1973 г. Греция была объявлена республикой, а глава хунты Г. Пападопулос назначил себя Президентом республики. После краха военного режима в стране было решено организовать такой опрос в условиях демократических свобод в стране и при свободной деятельности всех политических партий. В ту пору мы проживали на улице, параллельной проспекту Месогрион, и вечерами, когда выходили с нашими мальчиками на прогулку в соседнем небольшом парке, бывали свидетелями проходивших по этому проспекту массовых народных демонстраций с основным требованием — покончить с душным монархическим режимом в стране, укрепить вновь обретенную свободу и независимость Греции. А результаты состоявшегося 8 декабря 1974 года референдума подтвердили такую позицию

народа: около 70 процентов голосов — против монархии в стране. Греция стала и остаётся республикой.

Новым, важнейшим шагом в направлении укрепления независимости и суверенитета страны стало объявление греческим правительством 31 августа 1974 года о выходе Греции из военной структуры НАТО. Оно прозвучало в самый разгар кипрского кризиса и на волне широкого возмущения народных масс в Греции сотрудничеством НАТО и США с военной диктатурой, их позицией в кипрском вопросе. Тогдашний Министр иностранных дел и вице-премьер правительства Георгиос Маврос (лидер партии ЭДИК — «Союз демократического центра») в интервью американскому еженедельнику «Тайм», в частности, заявил: «Правительство США сотрудничало с военным правительством Греции и на практике поддерживало его... Причиной этого были стратегические интересы американцев... Мы рассчитывали на то, что США смогут удержать турок от высадки на Кипре, но сейчас ясно, что американцы не пожелали этого сделать». Греческие офицеры ушли из штаба НАТО в Турции и из состава Комитета планирования обороны в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. США закрыли несколько своих военных баз, а на оставшихся базах сократили количество своего военного персонала. Однако в 1981 году Греция все-таки вернулась в военную структуру НАТО.

В то время я был назначен первым секретарём Посольства, также исполнял обязанности пресс-атташе, был членом Ассоциации иностранных журналистов в Афинах, которая находилась неподалёку от престижного афинского района Колонаки. Там по средам собиралась разноплеменная журналистская братия — друзей повидать и себя показать, «опрокинуть» в баре Ассоциации стаканчик «узы» — греческой анисовой водки со льдом, обменяться новостями, особенно выходящими за рамки газетной информации, процеженной

цензурой военной хунты. До сих пор вспоминаю с теплотой эти наши сборища — дружелюбных профессионалов, всегда готовых помочь по мере возможности.

✱ ✱ ✱

В первой декаде августа 1978 года мы с Ольгой и нашими двойняшками Петром и Ильёй вернулись в Москву, где начали обживать предоставленную нам московской мэрией по рекомендации МИД квартиру в 9-этажной новостройке в зелёной зоне района Черёмушки. Мальчики наши успешно окончили начальную школу-четырёхлетку при Посольстве, а новая школа — теперь уже десятилетка — оказалась недалеко от нашего нового дома. Так что жизнь налаживалась...

Я вернулся в «греческий зал» на 17-м этаже МИДа на должность 1-го секретаря и по этому поводу в конце рабочего дня выставил привезённую ёмкость коньяка «Метакса», что было встречено радостной овацией моих дорогих коллег. А ещё утром в этот день я был принят заведующим нашим Пятым Европейским отделом В. Ф. Грубяковым, который в беседе, в частности, сообщил, что мне придётся потрудиться официальным переводчиком прибывающего 4 сентября в Москву с официальным визитом Министра иностранных дел Греции Георгиоса Раллиса. Дело интересное и серьёзное — предстоял первый в истории советско-греческих отношений визит такого рода.

...4 сентября 1978 года в аэропорт Внуково прибыл греческий спецрейс, доставивший в Москву Г. Раллиса и сопровождающих его лиц. Наш обычно сдержанный на проявление эмоций министр А. А. Громыко при встрече с греческим коллегой и в разговоре с ним по пути к ожидавшим

автомобилям улыбался, что свидетельствовало о его добром настроении.

Положительные итоги этого визита во многом предопределили содержание состоявшегося через год, в период с 1 по 5 октября 1979 года, по приглашению Советского Правительства официального визита в СССР Премьер-министра Греческой Республики Константиноса Караманлиса. А мне вновь повезло: я был назначен потрудиться официальным переводчиком в ходе этого визита. Информацию о визите и его итогах, думаю, можно найти в интернете. Я же хочу рассказать о запомнившейся мне особо встрече греческого гостя с Л. И. Брежневым.

Меня доставили в Кремль примерно за час до этой встречи и провели к Блатову — помощнику генерального секретаря. Он усадил меня за стол, дал несколько отпечатанных листов и сказал: «Готовься». На листах крупным шрифтом был напечатан текст, который будет высказан К. Караманлису в предстоящей беседе. Я внимательно прочёл, продумал греческую лексику — в общем, подготовился и поблагодарил Блатова, который предупредил меня: «По окончании беседы и проводов К. Караманлиса остаёшься у меня, мы вместе оформляем запись беседы для срочной рассылки её членам Политбюро ЦК КПСС». Мы вышли в коридор, встретили Л. И. Брежнева, который поздоровался и сказал мне: «Буду величать тебя Виктором, не возражаешь?» Я, конечно, не возражал. Мы вошли в кабинет одновременно с вошедшими через другую дверь К. Караманлисом и послом Греции в Москве Петросом Калогерасом — отменным знатоком русского языка. После взаимных приветствий и перед рассадкой Л. И. Брежнев сказал мне: «Виктор, садись на моё место, там тебе будет удобнее», — я на секунду оторопел от этих его слов, но быстро прошёл и сел в кресло за его рабочим столом, в который торцом (буква «Т») упирался стол

со стульями для посетителей. Я быстро огляделся: слева был удобный низкий столик с телефонами (на одном я разглядел красную кнопку с надписью «ГРОМЫКО»). Слева на рабочем столе стояли настольные часы, оформленные в виде морского штурвала.

Беседа проходила в тёплой, истинно дружественной обстановке широкого взаимопонимания. Л. И. Брежнев, в частности, отметил связывающие народы двух стран многовековые узы дружбы, традиции борьбы против иностранных захватчиков. В этот день во Владимирском зале Кремля А. Н. Косыгин и К. Караманлис подписали «Советско-Греческую Политическую Декларацию», 12 пунктов которой, в соответствии с Уставом ООН и Заключительным Актом европейской конференции в Хельсинки, предусматривали развитие дружественных отношений, взаимовыгодного сотрудничества в различных областях между СССР и Грецией на основе принципов добрососедства и мирного сосуществования (не могу припомнить, чтобы такого рода важный политический документ был подписан СССР и с какой-либо другой страной — членом НАТО).

И ещё одно воспоминание. В ходе устроенного К. Караманлисом в греческом посольстве обеда состоялась заключительная его встреча с А. Н. Косыгиным, в честь которого и был устроен этот обед. Работы хватало. Но вот такая особо запомнившаяся деталь. Во время сбора гостей на приём входящий в состав греческой делегации мининдел Г. Раллис, подхватив меня под руку, подвёл к стоявшему недалеко А. А. Громыко, при этом попросив меня дословно точно перевести то, что он намерен был сказать ему. И вот что он сказал: «Господин Министр, хочу поздравить Вас с замечательной работой советской системы подготовки кадров, наглядный результат которой — ваш сотрудник, переводчик и дипломат — господин Виктор Бойко. Сердечное Вам спасибо». А. А. Громыко

внимательно посмотрел на меня и сказал только одно слово: «Хорошо». Кое-кто заметит, что эти мои воспоминания не очень-то и скромные, но, как говорится, «из песни слова не выкинешь», тем более что эти слова в полной мере относятся и к другим нашим специалистам, получившим блестящее образование. Главное сегодня — не потерять в нашей стране ту заложенную много десятилетий назад систему обучения.

★ ★ ★

Визит высоких греческих гостей в нашу страну прошёл и завершился успешно. А я вновь погрузился «с головой» в рабочие проблемы и повседневность нашего «сектора Греции и Республики Кипр» Пятого Европейского отдела. Работа в секторе продолжалась до середины августа 1981 года, когда я получил назначение на должность советника нашего Посольства в Республике Кипр. Когда я узнал, что еду на замену тогдашнего советника в нашем Посольстве на Кипре — Аркадия Николаевича Боцана-Харченко, я был в какой-то степени «ошарашен» и рад: ведь этот замечательный человек и опытный дипломат был руководителем моей преддипломной практики еще в 1965 г. в Посольстве в Афинах.

Наша встреча с ним в Никозии прошла тепло и сердечно, Аркадий Николаевич дал мне несколько ценных советов в отношении исполнения новых для меня служебных обязанностей, затем представил послу — Сергею Тимофеевичу Астасину, который в должности Посла СССР провёл в Республике Кипр в общей сложности 16 лет, был многолетним дуаиеном местного дипломатического корпуса. С послом работать было хорошо, и иногда он в качестве «поощрения» приглашал меня на совместную рыбалку: мы выезжали

на созданные киприотами искусственные водохранилища (на острове нет рек), где сидели на бережку с удочками, отлавливая разводимых местными рыбододами карпов, форелей и окуней и обсуждая разные вопросы.

Командировка в Посольстве на Кипре была довольно-таки длительной — чуть больше 6 лет. Мы, как говорится, «обросли» на острове хорошими знакомствами, что помогало и в жизни, и в работе.

Дружеские отношения сложились с Димитрисом Христофьясом — главой центрального совета ЭДОН (Единой Демократической Организации Молодёжи) — молодёжного подразделения влиятельной левой партии АКЕЛ. Он знал русский язык, окончил в Москве Институт общественных наук, защитил диссертацию по кипрской истории.

Как-то во время моего очередного визита в офис партии Димитрис пригласил в свой кабинет, выглядел взволнованным и сказал: « Я только что вернулся от Эзекиаса (Э. Папаиоанну — Генеральный секретарь партии АКЕЛ), который сказал, что «на предстоящем пленуме ЦК АКЕЛ я выступлю с предложением об избрании тебя Генеральным секретарём ЦК партии». Я поблагодарил его за доверие. Да вот в последнее время что-то не очень хорошо чувствую себя».

Я рассказал послу Ю.Е. Фокину об этой беседе и вскоре из Москвы пришло приглашение Димитрису приехать «на отдых и лечение». Из Москвы он вернулся в бодром настроении, посвежевшим и на пленуме был избран Генеральным секретарём ЦК АКЕЛ. У Димитриса Христофьяса была незаурядная политическая карьера: народ избрал его в парламент страны, а депутаты избрали его спикером парламента, а впоследствии народ избрал его и Президентом Республики Кипр.

Самые добрые воспоминания сохранились у меня от встреч с Харисом Вовидисом — помощником кипрского

Президента Спироса Киприану. Харис в моём представлении был истинным патриотом Кипра, хорошо знал нравы и обычаи жителей различных районов острова и «зажигательно» рассказывал об этом, переходя подчас на «пафосский язык» — диалект жителей района с центром в городе Пафосе, а затем переводил сказанное на понятный мне «афинский язык». Ряд его друзей проживал в оккупированной турецкими войсками в 1974 г. северной части острова, так что Вовидис был в курсе деятельности тамошних турецких оккупационных властей.

Ну, а мы с третьим секретарём нашего Посольства Александром Манжосиным — знатоком турецкого языка — время от времени встречались с прогрессивными деятелями турецкой общины, а после таких встреч мы с Харисом обменивались мнениями о развитии ситуации на северном Кипре. Всё это очень помогало ориентироваться в складывающейся обстановке на острове.

Хочу особо подчеркнуть тот факт, что за все годы нашего с Ольгой пребывания в командировках как в Греции, так и на Кипре мы в наших контактах встречали только доброе, уважительное отношение к нам — как к россиянам, и не было никаких недружелюбных проявлений в отношении нашей Родины. Например, нас очень тронуло следующее событие: во время нашей экскурсионной поездки в Греции в район Пелопоннеса мы заехали в город Спарту. Мы проголодались и зашли перекусить в небольшую таверну. Принявший заказ паренёк в фартуке любопытствовал — кто мы такие. Я сказал, что мы — русские, из советского Посольства в Афинах, а здесь на экскурсии. А когда мы перекусили и я достал кошелёк, чтобы заплатить за обед, к нашему столику вместе с пареньком подошёл довольно пожилой мужчина, представился хозяином этой таверны и сказал следующее: «Прошу вас — спрячьте кошелёк. Вы — наши

уважаемые гости из великой России, которая помогла нашей Родине освободиться от османского ига и стать независимой страной. Мы, греки, всегда помним об этой братской поддержке, и я не возьму денег за это скромное угощение. Желаем вам счастливого пути!» Я поблагодарил, мы обнялись с ним. Вот такая случилась в Спарте незабываемая для нас история...

В начале декабря 1987 года мы с Ольгой возвратились в Москву после нашей 6-летней командировки на работу в Посольстве СССР в Республике Кипр. А незадолго до Нового года нам в дверь позвонили и, открыв дверь, мы ахнули от радости, увидев двух бравых солдат — наших дорогих сыновей Петра и Илью, исполнивших свой гражданский долг и вернувшихся со срочной службы в армии. Так что семья наша воссоединилась.

★ ★ ★

А я вновь вернулся в «греческий зал» — в сектор Греции и Республики Кипр, который я и возглавил в августе 1988 года. Затем я учился на 6-месячных курсах повышения квалификации дипломатических работников при Дипломатической Академии МИД, по окончании которых в июне 1991 года был назначен на должность советника-посланника Посольства СССР в Греции и указом Президента СССР М. С. Горбачёва мне был присвоен дипломатический ранг «Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса».

Эта командировка была для меня особенной, поскольку после отъезда в Москву в октябре 1991 г. посла СССР в Афинах А. Слюсаря мне пришлось более полугода исполнять обязанности поверенного в делах СССР, а с февраля по апрель 1992 года — в делах Российской Федерации вплоть до приезда в Афины нового посла России В. Николаенко.

Хочу рассказать и о моей последней встрече с греческим Президентом Константиносом Караманлисом, состоявшейся 25 марта 1992 года. В этот день в резиденции Президента был организован приём в связи с национальным праздником — очередной годовщиной освобождения Греции от османского ига.

Я получил приглашение на этот приём, пришёл в резиденцию, а шеф протокола МИД поставил меня в очередь послов и временных поверенных в делах для поздравления Президента. Когда подошла моя очередь и я предстал перед К. Караманлисом, он отодвинул шептавшего что-то ему в ухо шефа протокола, протянул мне руку и сказал: «О-о-о, Виктор! Рад, что и ты здесь, какими судьбами?» Я пожал его руку и сказал: «Спасибо, господин Президент, что не забыли меня. Позвольте представиться: последний временный поверенный в делах Советского Союза и первый временный поверенный в делах Российской Федерации в Греческой Республике Виктор Бойко». Караманлис улыбнулся и сказал: «Виктор, так ведь ты вошёл в историю дипломатических отношений между нашими странами, поздравляю! Здоровья и успехов тебе и твоей семье!» Меня очень тронуло то, что он запомнил меня, хотя прошло уже почти 13 лет со времени моей работы с ним в качестве переводчика в период его официального визита в СССР в начале октября 1979 года.

В 1991 году я был направлен на учёбу на курсы повышения квалификации дипломатических работников при Дипломатической академии МИД России. Наша группа насчитывала до 20 коллег, готовившихся занять высокие посты в зарубежных представительствах МИД в различных странах. В нашей группе слушателей курсов была и Валентина Ивановна Матвиенко — ныне Председатель Совета Федерации (Сената России) в Государственной Думе (Парламенте России). Она

тогда готовилась занять пост Посла России в Республике Мальта, а в 1996 году была назначена Послом России в Греческой Республике (я участвовал в её проходах в Афины). И вот в октябре 1998 года она приехала в отпуск в Москву, пришла в МИД и заглянула в мой кабинет — к бывшему сокурснику. В ходе беседы Валентина Ивановна высказала мне предложение вновь отправиться на работу в Грецию, но на этот раз — в должности Генерального консула России в г. Салоники — северной «столице» Греции. Короче говоря, она меня убедила согласиться, привела и «железные» аргументы — и знание Греции мною и моей семьёй, и её удобную транспортную близость, и ставший практически вторым родным греческий язык, и множество наших знакомств и приятелей в этой стране.

По данным греческой прессы, в регионах северной Греции проживают не менее 150 тысяч так называемых «понтийцев» — лиц греческой национальности — в прошлом выходцев из бывшего Советского Союза. А на учёте у нас в Генеральном консульстве находились более шести с половиной тысяч греков — граждан Российской Федерации. Так что к нам ежедневно шёл солидный поток посетителей со своими проблемами, и наши сотрудники старались им помочь.

Теперь несколько слов об использовании морского порта города Салоники российской армией в её легендарном «броске десантников ВДВ на Приштину» (столицу Косово). 14 июля 1999 г. в салоникский порт пришли 4 российских БДК (большие десантные корабли) — «Азов», «Николай Фильченков», «Цезарь Куников» и «Ямал» в сопровождении спасательного буксира «Шахтёр», с российскими десантниками и их транспортными средствами на борту. Надо сказать, что в этот период порт был блокирован пикетами городской организации Компартии, добивавшейся

улучшения социальных условий для портовых тружеников. Накануне я посетил руководство парторганизации КПГ и в беседе получил обещание, что эта блокада будет снята на период пребывания российского десанта в Салониках; это обещание было выполнено. Более того, греческими товарищами было высказано пожелание успехов непростой миссии российского десанта.

И ещё одно воспоминание. В конце ноября 2000 года вместе с прибывшей из Москвы передовой группой специалистов мы в рамках подготовки визита Президента России В. В. Путина на Афон посетили монастырь Святого Пантелеимона, а также Афонскую столицу — посёлок Карьес, где заседает высшее руководство всех 20 афонских монастырей — Святой Кинот. В целом была проделана немалая подготовительная работа, но... Когда из Афин в Салоники прилетел вертолёт с находящимися на борту двумя Президентами — греческим К. Стефанопулосом и российским В. В. Путиным — появились сомнения в возможности реализации полёта вертолёта на Афон в связи со штормовой там погодой, бурей со снежными зарядами и т. п. Президент В. В. Путин с сопровождающими лицами переночевали в гостинице «Македония» на салоницком морском побережье. Но перед этим Президент России посетил вечером главный православный собор в Салониках — храм Дмитрия Солунского, где и помолился, о чём храм сообщил внеурочным колокольным звоном. На следующий день из-за продолжающейся бури в районе Афона все вместе — по предложению Президента К. Стефанопулоса — выехали на экскурсию в городок Вергина (примерно в 40 км от Салоников) — родное место царя Филиппа, отца Александра Македонского. Там внутри большого холма находится интереснейший музей, где хранятся короны царей,

украшения, воинские доспехи и т.д. В.В. Путина провели по этому музею, а затем мы вернулись в Салоники.

В гостинице «Македония» на морском побережье был организован обед в честь российского Президента. Я сидел за столом почти рядом с Президентом, и когда разделявший нас Министр Северной Греции склонился над тарелкой, я повернулся к Президенту и сказал: «Владимир Владимирович, мэр города Салоники — горячий сторонник поддерживаемой и мною идеи о заключении договора о братском сотрудничестве «северных столиц» Греции и России — города Салоники с городом Санкт-Петербургом. Греки могут предложить проект такого договора». Владимир Владимирович посмотрел на меня и сказал: «Ну что же, это дело хорошее». После этого обеда я примчался в Генконсульство и отправил соответствующую информацию в мэрию Санкт-Петербурга и в наш МИД (дальнейшее развитие событий опишу ниже). Во время проводов Президента в салоницком аэропорту ко мне подошёл шеф московской группы специалистов и, сославшись на поручение Президента, передал его благодарность за проделанную работу по подготовке визита и вручил мне от его имени подарок — небольшую коробочку. Когда самолёт улетел, я открыл её и увидел там наручные часы-хронометр, на крышке механизма которых была гравировка: «От Президента России». Такая вот история.

Надо рассказать и об одной печальной странице в истории пребывания россиян в Салониках. В середине марта 1999 года мне утром позвонили и сообщили, что мэрия крупного салоницкого района Каламарья направила на Русское кладбище в этом районе бульдозеры, которые уничтожают захоронения российских эмигрантов и членов их семей (124 захоронения первой волны эмиграции 20-х годов). Я немедленно прибыл на кладбище, где увидел жуткую картину: бульдозер выкорчёвывает крест или памятник, увозит

и сбрасывает их на кладбищенскую помойку, а другой бульдозер засыпает землёй могилы и выравнивает участок. На кладбище уже были потрясённые родственники захороненных россиян. Я подошёл к бульдозеристам, представился и потребовал прекратить уничтожение могил. Они сказали, что решать вопрос надо с мэрией Каламарья, которая направила их с конкретным заданием. В кратком телефонном разговоре со мной мэр сказал, что, мол, «на принадлежащем району Каламарья кладбище не осталось мест для захоронения собственно жителей этого района» и положил трубку. Я позвонил Послу России в Афинах М. Н. Бочарникову и направил письменную информацию и ему, и в МИД России. Этот вопрос был поднят на уровень Президента Греции К. Стефанопулоса, он поднимался, в том числе, в ходе визитов в Грецию Вице-премьера России В. И. Матвиенко, Министра иностранных дел И. С. Иванова, в нотной переписке нашего Посольства в Греции. Я акцентировал тему Русского кладбища в контактах с депутатами греческого Парламента и церковными деятелями в Салониках, давал интервью всегреческому и местным телеканалам, выступал по тамошнему радио. В итоге всех предпринятых с российской стороны усилий уничтожение Русского кладбища в районе Каламарья было прекращено. В Салониках было создано новое юридическое лицо — «Ассоциация потомков русских эмигрантов». С приходом к власти в Греции в 2004 г. партии «Новая демократия» ситуация в вопросе о Русском кладбище была кардинально исправлена. Проводились работы по его восстановлению уже под эгидой «Ассоциации потомков русских эмигрантов» в Салониках.

Примерно в полутора километрах от городской черты Салоников находится крупнейший на Балканах воинский мемориал — Союзное кладбище Зейделик, где захоронено более 20 000 воинов стран Антанты — Италии, Франции,

Великобритании, Сербии, Греции и России, погибших на земле Греции в годы Первой мировой войны. Российские солдаты высадились в 1916 году в салоницком порту в составе Особой Русской бригады, которая была направлена на Салоницкий фронт. 493 российских захоронения находятся в сербском отделе этого Союзного кладбища. Там же есть 20 захоронений погибших советских воинов, бежавших из фашистского плена и воевавших за свободу Греции и своей Родины в составе греческих партизанских отрядов в годы Второй мировой войны.

По сложившейся традиции, ежегодно 11 ноября (дата окончания 1-й мировой войны) руководители Генеральных консульств упомянутых стран совместно посещают кладбище Зейделик и возлагают венки к памятникам захороненных в каждом отделе этого кладбища воинов.

После моего возвращения 11 ноября 1999 г. в Генеральное консульство с прошедшей на Союзном кладбище мемориальной церемонии все сотрудники поддержали нашу с консулом Е. Н. Дорогуном идею сооружения на этом кладбище обелиска в память о российских и советских воинах, павших на греческой земле и захороненных там. Консул Евгений Дорогун предложил поручить подготовку проекта обелиска проживающему в Салониках молодому талантливому греческому скульптору Георгиосу Киккотису, выпускнику российского художественного училища. Работа закипела. Проект обелиска был одобрен в Москве, из Министерства обороны России поступили средства на оплату его изготовления. А за счёт добровольных пожертвований сотрудников Генерального консульства и ряда греческих туристических фирм и торговых компаний, работающих с Россией, была проведена работа по очистке участка и необходимый ремонт каменных надгробий.

Я посетил главного военного руководителя в Салониках — командующего 3-м армейским корпусом генерала Скарафингаса, рассказал ему о предстоящем 9-го мая на Союзном кладбище Зейделик торжественном открытии обелиска. Генерал высоко оценил этот факт, обещал оказать поддержку организации и проведению этого мероприятия и слово свое сдержал. И вот 9 мая 2000 года в 55-ю годовщину Победы СССР в Великой Отечественной войне на Союзном кладбище Зейделик состоялось торжественное открытие памятника российским воинам, павшим в боях за свободу на земле Греции. Памятник открыл прибывший из Афин Посол Михаил Николаевич Бочарников. В своём выступлении он особо подчеркнул прочность связывающих народы России и Греции уз братской дружбы и сотрудничества. Сводный оркестр военного гарнизона и полиции г. Салоники исполнил гимны Греческой Республики и Российской Федерации. В почётном карауле у памятника стояли солдаты 3-го армейского корпуса Греции. На этой торжественной церемонии присутствовали представители военного командования, организаций военных ветеранов Греции и приехавших из Белграда сербских ветеранов, салоникских городских и местных властей, а также местные жители. Перед началом церемонии настоятель русского православного храма в салоникском районе Никополис отец Лев провёл краткую поминальную службу.

Ранее я уже рассказал о поддержке Президентом В. В. Путиным нашей совместной с мэром города Салоники Василисом Папагеоргопулосом идеи заключения соглашения о сотрудничестве «северных столиц» — городов Салоники и Санкт-Петербурга. Подготовленный мэрией города Салоники проект такого соглашения был нами переправлен в Санкт-Петербург на согласование и был там одобрен.

Как представляется, Соглашение о сотрудничестве между Салониками и Санкт-Петербургом открыло тогда шлюзы для оживления прежде всего связей в области культуры. В конце 2002 года в Салониках в Национальном театре Северной Греции прошли успешные гастроли петербургского «Малого драматического театра — Театра Европы» под управлением талантливого драматурга и режиссёра Льва Додина. В течение двух вечеров, когда на сцене этого театра шли два отделения пьесы самого Л. Додина «Братья и сёстры», мы были свидетелями того, как чутко и тепло реагировала греческая аудитория (в театре был аншлаг) на игру актёров.

В августе 2003 года закончился срок нашей командировки в Салоники, мы с супругой Ольгой возвратились в Москву, и я вышел в отставку. Однако, как говорится, «чистым» пенсионером оставался недолго, так как был кооптирован в состав правления московской Международной Ассоциации дружбы, культурного и делового сотрудничества с народами Греции и Республики Кипр «ФИЛИЯ» («ДРУЖБА») и в качестве её вице-президента участвовал в организации и проведении различных мероприятий Ассоциации.

В начале октября 2006 года меня пригласили поработать в должности обозревателя отдела радиовещательных программ на греческом языке в российской государственной радиокомпании «Голос России». Я не возражал. Когда после оформления на работу меня привели в комнату греческой редакции, я там увидел двух милых женщин с одинаковым именем «Галина», и я просто по наитию пропел строчки из старого фильма о горняках «...девушки пригожие тихой песней встретили и в "забой" отправился парень молодой». Дамы засмеялись и сказали: «Ну, прописку у нас вы уже заработали». Что же касается существа моей «обозревательской» работы в этой редакции, то она во многом напоминала

информационную деятельность, которой приходилось заниматься в Министерстве иностранных дел и в Посольствах в Никосии и в Афинах. Так что каких-то особых трудностей и проблем у меня не было. Я проработал там до середины 2009 года, когда связанные со здоровьем обстоятельства вынудили меня уволиться.

Всю свою профессиональную жизнь я искренне делал всё от меня зависящее для расширения наших связей с Грецией и Кипром. И сейчас глубоко убеждён в том, что взаимное уважение и дружба, характерные для истории наших отношений, должны и далее крепнуть и развиваться.

Г. И. КУРОЧКИН
Чрезвычайный и Полномочный Посланник

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

До поступления в 1974 году в Дипломатическую академию МИД я десять лет проработал в партийных органах — в том числе в Московском городском комитете КПСС. Хочу воздать должное рядовым коммунистам и комсомольцам, с которыми свела меня судьба. Они трудились самоотверженно, занимали всегда честную позицию. Гордое же имя «партия» поблекло в результате как «усилий», так и бездействия переродившихся бюрократов-аппаратчиков, а также «вождизма» комсомольской номенклатуры в партийных рядах. Это мое глубокое убеждение, оно твердо сложилось у меня на основе десятилетнего опыта...

Учеба в Дипакадемии была «глотком» свежего воздуха после начётнических догматических идей на прежнем месте работы. Тогда я ещё раз убедился, что никогда нельзя прекращать процесс познания, жить по один раз заведенному правилу и что застой начинается не только в голове, но и во всём организме.

Выпускников ДА из партнабора направляли преимущественно в страны «третьего мира». Наверное, это правильно. Постигать основы дипломатической службы нам было проще именно там. Убедился в этом в Сенегале, куда был

направлен после учёбы. Там был собран практически весь «спектр» организаций, «курирующих» двусторонние отношения. Помимо посольства — торгпредство, ГКЭС, представительства Минрыбфлота, ССОДа, Межкниги, Аэрофлота, корреспондентские пункты центральных газет и журналов. Африке, в деколонизацию которой СССР внес решающий вклад, в те времена уделялось значительное внимание. Ну, а для нас, начинающих дипломатов, это был бесценный опыт.

С удовольствием вспоминаю работу в Управлении кадров МИД, куда меня направили после командировки в Сенегал. Не могу не отметить то разумное и рациональное, что было в основе деятельности этой мидовской структуры. Отношения между сотрудниками строились не по «вертикали» (начальник — подчиненный), а по принципу «старший товарищ — младший». Доверие, оказываемое каждому, предполагало требовательность к самому себе и самоконтроль. Нужды в назидательных беседах не было. Всегда сохранялась хорошая деловая атмосфера.

Это аксиома, что для успешной работы за рубежом необходимо иметь хорошие личные контакты. Устанавливать же их можно разными способами. На мой взгляд, вашему будущему иностранному партнёру интересно общаться не только с носителем официальной политики государства, но и с выразителем духа, философии и национальных традиций своего народа. Наконец — просто со смелым человеком. Со всей очевидностью для меня это проявилось в следующей длительной заграничной командировке.

На пост генерального консула в Женеве я прибыл в начале «перестройки». Интерес к нашей стране со стороны иностранцев был всегда, с перестройкой же он стал более детальным и пристальным. Появилось стремление понять, действительно ли Россия открылась миру. Да, открылась, и мы старались это продемонстрировать. Иногда, правда, на свой страх и риск.

В декабре 1988-го произошло землетрясение в Армении. Это трагическое событие нашло широкий отклик. По инициативе армянской общины в Женеве был подготовлен гуманитарный груз, и для его отправки в Спитак швейцарские власти выделили самолёт. Швейцарцы, сопровождавшие этот груз, обратились в генконсульство за визами. Понятно, что оформление виз, согласование их выдачи с Москвой требует времени, а самолёт уже стоит под погрузкой, и у сопровождавших один план — надо лететь немедленно. В этой ситуации было необходимо срочно определиться, какую степень самостоятельности можно проявить. Времени на раздумья не было. Визы выдали незамедлительно. Помню, как были удивлены швейцарцы, с которыми у меня сложились впоследствии прекрасные деловые отношения. А мы тем самым повысили авторитет генконсульства, продемонстрировав новую политику открытости в действии.

Впрочем, «перестройка» имела и совсем другую сторону. Горько вспоминать, какое разочарование наступило и у швейцарцев, и в дипкорпусе после того, как неподобающим образом стали проявлять себя вдруг нахлынувшие в Швейцарию «новые русские», как в нашей стране не успели вовремя убрать урожай, который в результате ушёл под снег, как иностранцы стали направлять Москве гуманитарную помощь. Трудно было отвечать представителям прессы, кому больше нужна эта помощь — Сомали или СССР. За спиной уже не было прежнего величия страны, наступали «лихие 90-е», и в работе помогали только хорошие личные связи.

Однако еще тяжелее было тем гражданам СССР, кто оказался в своей бывшей стране, но за пределами России. В 1997 г. я был назначен генеральным консулом в Лиепае. Нарастающая волна латышского национализма привела к серьёзным ограничительным мерам для постоянно проживавших там русских. Неприязнь к ним выражали словом

«оккупанты», власти придумали и новую, ранее не виданную категорию «негражданин», зафиксировав её в паспорте, был принят дискриминационный закон о русском языке. Выражая наше негативное отношение к такому развитию событий, мне не раз приходилось выступать перед тамошними журналистами, это были весьма откровенные интервью, зачастую не очень-то и дипломатичные...

После выхода в отставку и четырёх лет пенсионной жизни меня пригласили поработать в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Там очень пригодился опыт партийной и дипломатической работы, поскольку надо было систематизировать документы международного отдела ЦК КПСС.

Работа в архиве дала богатую пищу для размышлений. Появилось стойкое чувство обиды за свою страну, которой взялись управлять некомпетентные и нечестные люди. Период СССР будет ещё долго тщательно изучаться. Как это часто бывает, успехи становятся общим достижением благодаря средствам массовой информации и победным реляциям. Напротив, ошибки, откровенные промахи остаются в документах, и многие из них пока ещё не рассекречены...

Исследователь, обратившийся, например, к теме «соцлагеря», обнаружит, что его единство сохранялось большими усилиями и зачастую оказывалось искусственным. Ведь каждая из стран отличалась от других социальным составом населения, структурой экономики, культурой, самым укладом жизни. Но нередко это не учитывалось, цель перед всеми ставилась одна, и подход был один — с напором и догматический. Напрашивается курьёзная аналогия, которая нередко приходила мне в голову в течение восьми лет работы в РГАНИ. Один горе-изобретатель приносит на испытание сверхмудрёное устройство для бритья, которое надевается прямо на голову, но без каких-либо регулировок. Ему

говорят, что у тех, кто будет им бриться, разная конфигурация и лица, и головы, и неплохо было бы иметь возможность подгонять устройство под каждого бреющегося. «Разная конфигурация, говорите?» — переспрашивает изобретатель и жёстко добавляет: «Но ведь это только в первый раз».

Так было до «перестройки». А вот пример практики уже «перестроечного» руководства страны. Всё взято мною из документов. В Пекин для обмена опытом и обсуждения «масштабных задач преобразования» командировается высокопоставленная советская делегация. Она привозит домой некоторые советы китайских товарищей. С их точки зрения, не следует начинать «перестройку» с реформирования политической системы, логичнее было бы начать с экономики, добившись её поступательного роста, при этом все нововведения — как экономические, так и политические — должны быть проверены практикой и быстро меняться в случае их практической несостоятельности...

Как все мы знаем, эти и другие, в общем-то «житейские» истины были проигнорированы. И сейчас остается только гадать, какую роль сыграли тогда некомпетентность и самоуверенность. А, может быть, и что-то другое? Время показало, что советы были правильными.

Сегодня мы возвращаемся к истокам, демонстрируя миру свой неисчерпаемый потенциал. При этом мы должны хранить, отстаивать, а где надо — то и утверждать незамутненный конъюнктурными соображениями российский взгляд на мироустройство и мировой порядок.

Людям моего поколения уже далеко за 80. Говорят, что каждый возраст интересен по-своему. И еще говорят, что те, кому за 80, нередко видят то, что другие не замечают. С этим я согласен...

КОРОТКО О ПАМЯТНОМ

В. Н. КАЗИМИРОВ

Чрезвычайный и Полномочный Посол

О ЛАТАМЕРИКЕ И НЕ ТОЛЬКО

Моя профессиональная деятельность тесно связана с государствами Латинской Америки. О многом из увиденного и пережитого там я уже рассказывал в своих воспоминаниях. Кое-что, однако, до сих пор оставалось «за кадром»...

В июне 1967 г. из-за шестидневной войны на Ближнем Востоке была созвана специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В Нью-Йорк вылетел Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. В связи с этим визитом была такая история.

К тому времени руководство Кубы не раз приглашало Л. И. Брежнева, чтобы укрепить свои позиции перед лицом недоброго северного колосса. Но советское руководство не спешило с его визитом в Гавану.

За два года до этого в МИД СССР был создан своего рода «мозговой центр» — Управление по планированию внешнеполитических мероприятий. Латинской Америкой занимались в нём посол Н. Б. Алексеев и я (тогда ещё первый

секретарь, лишь потом советник и старший советник). Узнав о вылете А. Н. Косыгина в Нью-Йорк, мы сочли, что его «заезд» на Кубу — совсем рядом — позволит смягчить озабоченность кубинских друзей, и внесли такое предложение. И оно было тотчас же поддержано Министром А. А. Громыко.

Но, как говорят, «инициатива наказуема»: к прибытию Косыгина в Гавану мне (вместе с О. Т. Дарусенковым, за-сектором Кубы в Отделе ЦК КПСС) поручили подготовить и доставить туда ряд секретных материалов, посулив нам вернуться в Москву его спецсамолётом. На случай непредвиденных обстоятельств, как я ни противился, мне навязали пистолет (один на двоих). В Гавану мы полетели на огромном ТУ-114 с посадкой в Мурманске для дозаправки. На обратном пути это породило деликатную ситуацию: в самолёте Премьер, а один из его охранников обнаруживает оружие у мидовца, подсевшего к ним в Гаване. Но всё в конце концов разрешилось благополучно. Но запомнилось не только это. Мы получили возможность быть на интереснейшей беседе Премьера с Фиделем Кастро. Она была поучительной для нас, да и для самого его собеседника. Холодной рассудочностью Алексей Николаевич просто обезоруживал своего темпераментного оппонента. Для нас это был образец работы, и этот опыт мне лично сильно пригодился в дальнейшем.

★ ★ ★

В 1975 году меня назначили послом в Венесуэлу. Непросто складывалась к концу ноября 1976 г. подготовка к визиту в СССР её Президента Карлоса Андреса Переса. В числе первых среди глав государств Латинской Америки он решил посетить нашу страну с официальным визитом. Нашу делегацию (как его партнёр) возглавил Н. В. Подгорный, прошли переговоры с ним. Однако венесуэльцы добивались встреч

с Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным, а они как раз в день прилёта К. А. Переса в Москву вылетели в Бухарест на заседание Политического консультативного комитета Варшавского договора. Более того, их вылет из Внуково-2 задержал на полчаса посадку самолёта Переса, что было воспринято с обидой. Передовая группа венесуэльцев даже отказалась продолжать согласование совместного коммюнике, пока мы не гарантируем эти встречи. А всё зависело от ноябрьской погоды. Окажись она нелётной, советские лидеры не успели бы вернуться в Москву до отлёта Переса. А как дать гарантии за погоду?

К счастью, всё обошлось. Наши руководители вернулись вовремя и в субботу приняли гостя в Кремле: в 10.00 — Косыгин, в 12.00 — Брежнев. Замминистра иностранных дел А. Г. Ковалёв и я были на встрече у Косыгина (порадовался вновь его суховато-рациональной, но убедительной манере вести беседы, подмеченной ещё на встрече с Ф. Кастро в 1967 г.).

У Брежнева на таких встречах бывал от МИДа только Громыко да переводчик — послов не приглашали. Но едва мы с Ковалёвым вернулись на Смоленскую, старший помощник Министра внезапно передает мне команду — немедленно в Кремль, надо быть на встрече у Брежнева! До 12 часов всего 12 минут! Как успеть?! Выручили шофёр, уже ждавший меня у центрального подъезда МИДа и фантастически ведший «Волгу», да ГАИ, уже перекрывшая проспект Калинина.

Увидев там огромный хвост машин, я решил, что не успеем. Но, оказывается, это позволило нашему шофёру лететь по пустой встречной полосе. Не ведая, что всё это и учинено для нас, я ждал, что «гаишники» вот-вот нас задержат. Понял происходящее лишь при повороте у кинотеатра «Художественный», где милиционеры отдавали честь явным «нарушителям». За три минуты до встречи уже был в приёмной Брежнева. Как выяснилось потом, меня вызвали «для

баланса», так как по просьбе Переса допустили на беседу посла Венесуэлы в Москве Регуло Бурелли.

Встреча запомнилась и некоторыми курьёзами. Все знают, что Леонид Ильич придерживался подготовленных текстов. Для удобства чтения их печатали необычайно крупными буквами, которые почему-то прозвали «дровами». Казалось бы, несложно оправдать прочтение материала гостям (в Москве, дескать, тщательно готовились к Вашему приезду, Политбюро поручило мне высказать Вам следующее...). И читай себе в открытую! Вместо этого Леонид Ильич оградил текст рукавами, а посередине вертел в пальцах толстый цветной карандаш, по-школярски прикрывая «шпаргалку». Всё же видно: каждую прочитанную страницу, даже не переверачивая, приходилось сдвигать влево. Скрыть эту уловку от тех, кто сидит через стол, хоть он и широк, практически невозможно. Гостям (их было четверо) оставалось лишь недоумевать... Кроме Брежнева и Переса, остальные по обе стороны стола безмолвствовали.

После ухода гостей задержались с Брежневым минут на десять А. А. Громыко, помощник генсека А. М. Александров-Агентов и я. Помощник вполголоса побуждал меня рассказать Брежневу о Венесуэле. Это было бы понятно до беседы с Пересом, а после — практически излишне, и я не решался. Между тем Громыко хорошо отзывался о после Венесуэлы в Москве и, стоя вполоборота ко мне, как бы предложил поддержать. Положение непростое: посол богат и плюсами, и минусами. Мобилизую весь позитив, отмечаю, в частности, что он переводил на испанский Пушкина, Блока, других наших писателей. Однако мой венесуэльский коллега прослыл также скупкой и негласным вывозом из СССР антиквариата и художественных ценностей.

Совсем негоже перечить Министру, тем более при Брежневе. Но крамольно как умолчать, так и сказать об этом. Баланса

и истины ради все же добавляю и негатив. «Что-то мне не докладывали об этом», — хмуро заметил Громыко. Амортизируя неловкость ситуации, говорю, будто только что узнал об этом от наших спецслужб (потом выяснилось, что активные контакты Р. Бурелли с диссидентами побудили КГБ аккуратно коллекционировать все его прегрешения, а они были).

К счастью, Брежнев, стоявший рядом, похоже, не очень вслушивался в наш разговор, который и вёлся вроде бы именно для него. Когда я поведал об этом деликатном эпизоде своему многоопытному другу послу В. П. Суслову, который много лет был старшим помощником А. А. Громыко, тот однозначно осудил меня: подвел ты Министра! Даже пророчил мне неприятность при заходе к нему перед отлётом в Каракас: если не взбучку за что-нибудь, то холодный прием — он даст, мол, тебе почувствовать это.

Через два дня я был у Андрея Андреевича. Он не коснулся той «размолвки», будто её и не было. А когда я поинтересовался возможными дополнительными указаниями по итогам визита президента Венесуэлы, он даже пошутил: «Какие вам указания? Вы теперь сами — "указание"! Были на всех беседах, всё видели и слышали». При всей требовательности и внешней сухости А. А. Громыко был достаточно снисходителен и терпим, а иногда и добродушен.

★ ★ ★

Полтора года спустя этот разговор с Громыко в присутствии Брежнева получил бурное продолжение. Он аукнулся «делом Бурелли», вызвавшим шум в дипкорпусе Москвы и, разумеется, в Венесуэле из-за его смещения и задержки нашей таможней его личного багажа.

Летом 1978 г. вдруг получаю в Каракасе малоприятное указание доверительно сообщить Министру иностранных

дел Венесуэлы С. Консалви, что в Москве озабочены поведением посла Р. Бурелли (телеграмма пришла обычным каналом, но подписана не А. А. Громыко или его замами, а другим членом Политбюро). Запрашивать МИД не совсем корректно, но как быть? Возник и другой вопрос: почему это делают через меня, коллегу Бурелли? Могли бы через Нью-Йорк или иную точку... Но, видимо, тогда не избежать огласки — депеша венесуэльского посла в Каракас была бы доступна многим.

Поразмыслив, внес в Москву контрпредложение: изложить всё не министру, а самому Президенту Пересу — ведь Консалви всё равно будет докладывать ему о нашей беседе. И нам лучше избежать зависимости от того, как именно он доложит это довольно эмоциональному Пересу. Кроме того, Консалви — в добрых личных отношениях с Р. Бурелли, а Перес не считал его своим человеком, даже не всем был доволен при визите в Москву (Бурелли был назначен прежде администрацией партии КОПЕЙ, находившейся теперь в оппозиции, но рвавшейся к власти на выборах 1979 г.).

Потом я узнал, что моё предложение вызвало раздражение в Москве, но всё же пришло согласие МИДа (на сей раз за подписью первого замминистра). Так удалось одним выстрелом убить двух зайцев.

Встреча с Пересом, которую пришлось организовать один на один и, конечно, минуя МИД Венесуэлы, прошла нормально. Выслушав четыре пункта моего «экспозе» о его после в Москве, президент бросил: «Любого из них достаточно для принятия мной решения».

Москва выразила обеспокоенность в связи с поступками Р. Бурелли, но не ставила вопрос об его отзыве — примерно через неделю президент Перес это сделал сам. Возможно, у него были и свои сведения на этот счёт. (Как рассказал мне Перес позднее, он дал ему в ноябре 1976 г. согласие захватить

на своём самолёте из Москвы в Каракас приёмного сына посла, не придав значения докладу охраны, что у того немало багажа. И, конечно, не ведал, что это лишь ухищрение для обхода московской таможни.)

Но всё-таки вскоре Перес допустил утечку своим друзьям, а те — дальше. Через две недели в журнале «Резумен» появилась сенсационная статья о нашей с ним встрече и отзыве Бурелли из Москвы, причём журналистские версии стали обрастать небылицами.

КОПЕЙ в предвыборной кампании, в частности, ловко обыгрывала этот скандал и в начале 1979 г. победила на президентских выборах. В Каракасе развернулась кампания за моё удаление в виде ответной меры. Тем более что для этого нет нужды уличать меня в каких-то грехах — это, мол, лишь компенсация за будто бы уязвленное национальное достоинство, сведение игры «вничью». Бывший Министр иностранных дел Кавальканти, критикуя Переса за отзыв Бурелли, заявил по телевидению: «А русский посол ещё топчет тротуары Каракаса».

Новым президентом Венесуэлы стал Луис Эррера Кампинс (прежде сенатор, не раз бывал у нас, иногда вопреки формальностям протокола ужинал наедине с советским послом). Придя к власти, он, несмотря на наши добрые личные отношения, ровно полгода, день в день, не принимал меня с нашими предложениями о развитии двусторонних отношений. На его инаугурации В. В. Кузнецов специально согласовал с ним, что перешлёт их ему через советского посла. Видимо, Л. Эррера выполнял решение КОПЕЙ игнорировать меня.

В пику Москве новое правительство назначает Бурелли послом в КНР. Новый Министр иностранных дел Венесуэлы подтверждает журналисту, что рассматривается вопрос об объявлении советского посла «персоной нон грата». Изобретают мелкие придирки. Например, вызывают нашего

советника в протокол, чтобы передать мне «реприманд» за то, что на одной свадьбе я напомнил Министру об ожидании аудиенции у нового Президента. О прессе и не говорю. Возможно, рассчитывают побудить самого запросить себе замену.

При проезде через Каракас нашего посла в Перу Л. Ф. Кузьмина сказал ему: «Уже не понять, чего тут больше: политики или спорта? Весь вопрос, у кого крепче нервы». А когда кампания выдохлась я, выждав ещё полгода, чтобы не дать приписать мой отъезд из Венесуэлы недругам, в 1980 г. дал знак, что теперь можно менять меня. Тем более, моему стажу в этой стране уже набегало более пяти лет.

В той деликатной ситуации вокруг советского посла в Венесуэле всё зависело от подхода «центра». О ней не могли не информировать Министра.

При подобных обстоятельствах, естественно, может возникнуть вопрос, как лучше поступить? Может быть, с учётом обстановки сманеврировать и отозвать посла? Он там уже четыре года. Заменить другим или оставить там лишь поверенного в делах? Или принципиально никак не поддаваться нажиму? Вопросы такого рода могут появляться на разных уровнях, но не решаются без доклада руководству Министрства и лично Министру.

Благодарен руководству МИД СССР и, конечно, Андрею Андреевичу за проявленные тогда хладнокровие и выдержку. Москва не пошла на размен наших интересов на мелкие уступки ценой одного из сотрудников МИД. В июле 1980 г. я смог окончательно вернуться из Венесуэлы в рамках обычной ротации кадров, а не из-за неблагоприятной конъюнктуры в стране пребывания, искусственно созданной вокруг моей персоны. Не буду говорить громких фраз о важности человеческого достоинства, но на дипломатической службе никто не хочет терять и профессионального лица.

А. С. ЗАЙЦЕВ
Чрезвычайный и Полномочный Посол

С НОВЫМ МИНИСТРОМ

Уход из МИДа в июле 1985 года А. А. Громыко стал для меня и коллег большой неожиданностью. Не меньшим сюрпризом для нас стал выбор на пост главы МИД деятеля республиканского масштаба, прежде мало замеченного на внешнеполитическом поприще.

Предложение о назначении на пост главы дипломатического ведомства явилось сюрпризом и для самого Э. А. Шеварнадзе. «О своем назначении я узнал 30 июня по телефону от М. С. Горбачёва, — напишет он позднее в своих мемуарах. — Мы окончательно определились и предлагаем тебе пост Министра иностранных дел. Завтра утром ждём в Москве. Это была самая большая неожиданность в моей жизни».

В мидовской среде, обычно ревностно воспринимающей приход на должность главы родного ведомства «чужака» (так уже прежде было при назначении в июне 1956 г. Д. Т. Шепилова), — по-разному отнеслись к приходу нового Министра. Многие открыто выражали сомнение в его способности «взять высокую планку», заданную патриархом отечественной дипломатии.

Позже Э. А. Шеварнадзе вспоминал о своих первых шагах на новой должности: «Сбылись мои прогнозы о неоднозначной реакции на моё назначение Министром

иностранных дел, когда удивление соседствовало с недоумением, а то и с негодованием».

Наслышанные о новом Министре по предыдущей работе в Грузии как о приверженце радикальных реформ и мастере нестандартных решений, мы с напряжённым вниманием ожидали его первых шагов. В территориальных отделах Министерства в ожидании первых встреч Министра с коллегами из других стран и его зарубежных визитов (к ним, как обычно, готовили помимо справочных материалов памятки для бесед и проекты выступлений) активно принялись изучать его стиль, лексику и наиболее употребляемые речевые обороты, зная по опыту слабость к ним начальства. Готовясь к предстоящим визитам, в поисках книг и статей Министра, старательно покопался в фондах нашей ЦНБ. Вчитываясь в тексты его речей во время приезда в Грузию высоких московских гостей, я с трудом представлял себе, как цветистую вычурную вязь славословий можно использовать в проектах речей и материалах для бесед.

Не сразу мы приноровились к необычному рабочему распорядку Министра. После часа-двух отдыха в комнате позади кабинета Министр к концу рабочего дня с новой энергией принимался за документы, вызывая на это время к себе исполнителей. И в отличие от своего именитого предшественника, он каждый рабочий день засиживался до самого позднего вечера в своем кабинете. Работа с документами заключалась в основном в чтении подобранных для него информационных материалов.

Помимо феноменальной памяти Министра отличали высокая работоспособность и усидчивость, которую он предпочитал называть прилежанием.

Запомнилось непосредственное общение с Э.А. Шеварднадзе во время переговоров с заместителем Министра иностранных дел Филиппин Летисией Шахани. Собравшись в зале

на восьмом этаже высотного здания МИД, мы почти полчаса провели в ожидании Министра, стараясь как-то скрасить его отсутствие светской беседой с гостьей. Сидя на переговорах рядом с Министром, я наблюдал, как он, появившись с папкой бумаг в руках, на мгновение заглянув в неё и тут же закрыв, к моему немалому удивлению воспроизвёл практически слово в слово знакомую мне заготовку. И что меня особенно поразило, без единой запинки выговорил труднопроизносимые тагальско-испанские названия и имена. (Как потом узнал от его помощников, Министру по приезду в МИД с опозданием после совещания в Кремле понадобились считанные минуты, чтобы прочесть подготовленные для него материалы.)

За четыре с половиной года работы с Э. А. Шеварднадзе мне не пришлось видеть ни одного документа, написанного его рукой. Министр не занимался их правкой и тем более не переписывал на свой лад, как некоторые из его замов, представляемые ему на утверждение проекты записок, возвращая их для доработки исполнителям, нередко по несколько раз, до тех пор, пока документы не достигнут должной в его понимании кондиции. Руку Министра я видел только на полях приготовленных ему материалов для бесед. По ходу переговоров — это я не раз наблюдал, сопровождая Министра в марте 1987 г. во время его визита в Таиланд и Индонезию и позже в сентябре того же года в Нью-Йорке, когда присутствовал на его беседах в нашем постпредстве при ООН с министрами иностранных дел Индонезии и Австралии М. Кусума-Атмаджей и У. Хэйденом. Слушая собеседников, он делал односложные заметки, такие, как «ответить», «добавить», напротив напечатанных на правой стороне страниц памяток к беседам.

При сравнении своих наблюдений и коллег из других отделов, которым также не доводилось видеть ни одного цельного документа, написанного рукой Министра, невольно

напрашивалась аналогия с «птенцом гнезда Петрова» светлейшим князем А. Д. Меншиковым, как известно, не оставившим после себя ни одного рукописного текста.

«Новое мышление» на марше

«Первой из трёх взаимосвязанных задач, которые предстояло решить, написал в своей книге «Мой выбор» Э. Шеварднадзе, — было личное самоопределение, становление в качестве министра, то есть и главы ведомства, и дипломата, признанного коллегами, а не формального, в силу лишь высокого назначения». Решая эту задачу, Министр, по его словам, «искал опору в толковых людях, поощряя их к действенному самораскрытию, пробуждая и повышая чувство профессионального достоинства, во многом ущемленное в прошлом».

Одним из первых нововведений было приглашение к Министру заведующих отделами «для более близкого знакомства». Когда по составленному его секретариатом графику подошла моя очередь, Министр, поздоровавшись за руку (ещё одно нововведение), подошёл к карте и произнес: «У Вас двадцать минут. Возьмите указку и расскажите мне о регионе и каждой стране, которыми занимается Ваш отдел. Исходите из того, что мне о них ничего не известно». (То же слово в слово слышали, по их рассказам, коллеги.) Мое сообщение, как и других зав. отделами, Министр выслушал молча и никак не прокомментировал. Из других новшеств было приглашение вновь назначенных послов (всех, а не только, как прежде, в ключевые страны) на беседу к Министру перед отъездом к месту назначения. Что касается второй заявленной Министром задачи, — «перестройки работы ведомства, адекватной стратегическим целям новой внешней политики», то она началась с кадровых перестановок с широким использованием в этих целях развернутой по его инициативе кампании

по борьбе с семейственностью и проводимой в стране анти-алкогольной кампании. Позже для этого стала использоваться и структурная реорганизация Министерства.

По отделам были разосланы списки «сотрудников, имеющих семейные и родственные связи в МИД». Ряд коллег, дети которых работали в системе нашего Министерства (среди них немало известных в отечественной дипломатии фамилий) были поставлены перед нелегким выбором: согласиться с увольнением из системы сына (дочери) или уйти самим.

Во время своих первых зарубежных визитов Э. А. Шеварднадзе публично подкреплял личным примером введённые с его приходом различные ограничения и табу, в том числе в отношении «ценных подарков» от коллег из иностранных посольств (обычно календари и напитки, присылаемые к национальному празднику и Новому году).

Помятуя об этом, прилетев в Бангкок для подготовки первого официального визита Министра в Таиланд (1–2 марта 1987 г), я сориентировал на сей счёт нашего посла и протокольную службу тайского МИД. Тем не менее, по окончании переговоров, к нашей большой неожиданности, Министр иностранных дел Таиланда, следуя местной традиции, протянул Э. А. Шеварднадзе «сувенир в память о первом за всю историю двусторонних отношений визита в Таиланд главы внешнеполитического ведомства России». Заметив недоумение на лице российского Министра, он поспешил развернуть свёрток и продемонстрировать его содержимое гостю. «Это галстук из тайского шёлка, наш национальный сувенир», — немало сконфуженный, пояснил хозяин приема. Приняв после некоторого колебания подарок, Э. А. Шеварднадзе, садясь за стол, бросил через плечо мне и послу: «Пошлите Министру ответный подарок».

С приходом нового Министра особый размах приобрела кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом, начатая полтора месяца до его назначения. Сопровождаемая

перегибами, она стояла тогда карьеры немалому числу дипломатов, как в центре, так и загранучреждениях. В том числе нескольким послам, о чём нам становилось известно по большей части из сообщений кадровиков на заседаниях коллегии.

«Приступить к выполнению третьей, самой главной и в то же время самой трудной задачи — нашему участию в практической реализации новой внешнеполитической стратегии, — напишет Министр в упомянутой выше книге, — «я не спешил, заботясь о самочувствии моих коллег, которых я был обязан уберечь от потрясений, связанных со сменой курса. В то же время я ясно осознавал, что перестройка не может ждать, что она не обойдёт стороной наше ведомство. Но прежде чем предложить им чёткую и ясную программу, я должен был выстроить ряд приоритетов для самого себя».

Основные пункты этой программы содержались в полуторачасовой речи Министра на партийной конференции в МИД 30 ноября 1985 г.

«Старожилы этого неухоженного дома на Смоленской, — записал в своем дневнике помощник Министра, прибывший с ним из г. Тбилиси журналист Степанов-Мамаладзе, — говорят, что никогда еще в нём не звучали такие речи. Требования быстрого действия интеллекта, большей подвижности, динамизма, лучшей профессиональной оснащённости были подкреплены крепко забытыми моральными заповедями и всё это — с использованием отработанных приёмов воздействия на "психологию массы", включая такое сильнодействующее средство, как собственное волнение. Однако аплодисменты прозвучали лишь раз и, к удивлению оратора, в самом неподходящем месте — там, где он коснулся соцкультбыта. Я думал, зааплодируют после упоминания Громыко, а они — после слов о столовой...».

Это было только начало. Перестройка работы МИД по широкому фронту началась позже, после программного

выступления М. С. Горбачёва 23 мая 1986 г. на совещании в МИДе.

Первые итоги реформирования Министерства

Итоги первого года перестройки в Министерстве подвёл Э. А. Шеварднадзе в своем докладе на общеминистерском совещании 3 мая 1987 г.

«Невзирая на воскресенье, — запишет в своей книге дневников Степанов-Мамаладзе, — собрали коллегия "о ходе перестройки" в МИДе. Доклад получился профессиональным, глубоким и неожиданным по мысли. Несколько идей доклада заслуживают фиксации: "У нас пока превалирует тип дипломата, стратега-идеалиста, который легко и бездумно соглашается убрать или установить какое-то количество ракет, а в какую это влетит копеечку — не считает. Безопасность страны обеспечивают не столько пусковые установки, сколько высокая производительность труда, урожайность хлебного поля или продуктивность молочного стада". Аудитория осталась глуха, инертна или враждебно критична. Одни назвали доклад недостаточно острым (это при том, что он камня на камне не оставил от ветхого строения советской дипломатии), другие — захотели услышать в нём лекцию о международном положении. И всё убожество мысли современных наших талейранов выплеснулось в их удручающе плоских выступлениях».

На смену подъёму, который на первых порах вызвали в нашем коллективе продекларированные в начале перестройки программы и лозунги, к исходу двух последующих лет у многих он постепенно сошёл на нет, всё больше уступая место привычной апатии и скепсису.

Шаги нового Министра по искоренению фаворитизма, чтобы не сказать блата, особенно положительно воспринятые

в молодой мидовской среде, были дискредитированы последующими кадровыми решениями самого Министра. Такими, например, как продвижение своего сына на профессиональный пост в секретариат ЮНЕСКО в Париже. Что «случайно» совпало с отменой давнего порядка возврата российскими гражданами, работающими в международных организациях, значительной части ежемесячного должностного оклада государству.

Избирательный характер носила кампания по борьбе с семейственностью. Поставив крест на карьере немалого числа молодых дипломатов, она вместе с тем не коснулась приближённых к Министру лиц.

Инициированная Министром структурная реформа МИД, начатая в середине 1986 г. с «перестройки и объединения нескольких подразделений, действовавших на разных европейских направлениях, с весьма заметным, отражавшим факт разделения континентов идеологическим акцентом», вскоре показала на практике свою несостоятельность. От вновь созданных громоздких структур, таких как, например, Управление социалистических стран Азии (УССА), в дальнейшем пришлось отказаться, вернувшись по большей части к прежней, давно сложившейся компановке территориальных отделов, переименовав их в департаменты. Однако бессистемная перекройка отделов, выдаваемая за новаторские реформы, прекратилась не сразу. Достаточно проследить, например, за «судьбой» Австралии, Новой Зеландии или Турции, успевшими за короткое время побывать в составе нескольких подразделений.

Недолго продержался в системе МИД «сухой закон», активно использованный в интересах кадровых перетасовок. Шаг за шагом, благодаря изобретательности и разного рода ухищрениям в центре и на местах, всё вернулось на круги своя.

В. И. ВИНОКУРОВ
профессор кафедры дипломатии и консульской
службы Дипломатической академии МИД РФ,
вице-президент Лиги военных дипломатов,
доктор исторических наук

В ГОСТЯХ У ДАТСКОЙ РУСАЛОЧКИ

Особое место в работе аппаратов атташе по вопросам обороны, военных, военно-морских и военно-воздушных атташе занимает подготовка и обеспечение визитов военных кораблей в иностранные государства, обмен различными военными делегациями и спортивными командами.

После окончания в 1971 году Военного института иностранных языков (ВИИЯ) в январе 1972 года я был направлен в длительную зарубежную командировку в Данию на должность переводчика-референта аппарата военного атташе при Посольстве СССР. Институт окончил со вторым датским языком и не без сложностей начинал использовать его для выполнения своих прямых функциональных обязанностей наряду с первым — немецким языком. В течение первого года пребывания в стране обеспечивал визиты делегации Президиума Верховного совета СССР (27–29 апреля), Советского комитета ветеранов войны во главе с генералом армии П. И. Батовым (9–17 октября), армия которого освободила датский остров Борнхольм, и др.

В конце августа 1973 года Копенгаген впервые в послевоенной истории посетил отряд советских военных кораблей в составе большого десантного судна «Гангут» и сторожевого корабля «Кобчик». Командовал переходом начальник Главного управления ВВМУЗ вице-адмирал А. Кузнецов. Подготовка к этому пятидневному визиту заняла несколько месяцев. Составлялась и согласовывалась подробная программа с указанием всех деталей — от встречи отряда севернее о-ва Зеландия до убытия наших кораблей домой.

В памяти осталась встреча советских кораблей в заданной точке. Вместе с военным, военно-морским и военно-воздушным атташе капитаном 1 ранга В. Г. Григорьевым на торпедном катере датских ВМС, поднявшем советский флаг, мы вышли навстречу отряду. Накануне Валентин Герасимович попросил меня никому об этом в посольстве не говорить, чтобы потом это было неожиданно для сотрудников посольства, которые пришли встречать наши корабли на набережной Лангелинии, по соседству с которой находится знаменитая скульптура Русалочки.

Погода стояла ужасная, дул сильный ветер, появились большие волны, и датский катер сильно раскачивало. Датские моряки долго пытались пристроиться к «Гангуту», чтобы вместе с их представителями поднять нас на его борт, но все их попытки были безуспешны. Инициативу на себя взяли советские моряки, и уже скоро мы пожимали руки командиру и начальнику штаба перехода.

После общепринятого ритуала встречи обсудили ближайшие действия и продолжили переход в направлении столицы Дании. Вскоре прибыли к месту назначения. Величественно входили в небольшой копенгагенский порт «Гангут» и «Кобчик». Рейд огласился пушечным салютом со всех военных кораблей и древних крепостных верков. С борта «Гангута» прогремел Салют наций, вся команда построилась

на его борту (это же сделали моряки СКР «Кобчик»), и в общем строю стояли и мы вместе с военным атташе. Радостно билось сердце при виде родных людей — гвардейских матросов, таких могучих загорелых ребят с обнажёнными шеями и лихо заломленными набекрень фуражками с гвардейскими ленточками. Но если Валентин Герасимович был моряк, и его форма не выделялась среди других, то моя, цвета хаки, сразу бросалась в глаза. Посольские работники потом долго шутили надо мной по этому поводу. А главное, когда на следующий день эта форма понадобилась для дальнейшей работы во время визита, обнаружилось, что она стала белой. Собрался, было, пожурить жену за непорядок в доме, но потом догадался, что виновата морская соль. Но откуда мне, сухопутчику, было знать, что такое может произойти в море?

А вот прибывшие на кораблях четверокурсники ВИИЯ Вячеслав Семенюк и Олег Сницеров, которые выполняли обязанности переводчиков и были облачены в военно-морскую форму, уже проверили себя на такого рода метаморфозы. По прибытии в Копенгаген они сразу подошли ко мне, поскольку знали как бывшего старшекурсника. После институтских воспоминаний мы обсудили детали начинавшегося визита, и потом они здорово помогли мне при проведении различных мероприятий.

Визит кораблей прошёл великолепно! Вместо запланированного одного дня датчанам разрешили посетить корабли в течение двух дней. И двое суток все желающие толпились на причале, стояли в очереди, чтобы подняться по крутому трапу на палубу, заглянуть в кубрики к матросам, в машинное отделение, залезть верхом на ствол зачехлённой пушки, а в конце посещения попробовать флотский борщ и компот. Словам восторга жителей столицы не было предела.

А между тем командование отряда наносило протокольные визиты командованию ВМС Дании и принимало

его на борту большого десантного судна. Состоялась пресс-конференция для датских журналистов, которая прошла блестяще. Командир отряда вице-адмирал Кузнецов мастерски, остроумно, с морским шиком отвечал на многочисленные вопросы журналистов, выступая одновременно в роли хлебосольного хозяина. Результаты не преминули сказаться. Даже реакционные газеты писали о наших морях в довольно лояльных тонах.

Посольство вместе с командованием отряда устроило грандиозный приём, на котором впервые присутствовало небывалое количество военнослужащих из стран-участниц НАТО. Настроение в дни визита у сотрудников посольства было приподнятое, праздничное. Все — и дипломаты, и административно-технический персонал — выступали гидами для групп офицеров и матросов, рассыпавшихся сине-белыми пятнами по улицам Копенгагена.

Блестяще показали себя артисты ансамбля песни и пляски ДКБФ. Они дали для жителей Копенгагена несколько концертов под открытым небом на «Гангуте», на площадях и бульварах города. Концерты прошли с огромным успехом. А каждый вечер на палубе десантного судна выстраивался духовой оркестр, и над широким заливом неслись волнующие звуки «Сопок Маньчжурии», «Дунайских волн» или «Марша Преображенского полка». К оркестру присоединялся хор, и толпящиеся внизу датчане танцевали под «Катюшу». Вечер на Лангелинии превращался в настоящее народное гулянье. наших детей и жён, которым моряки оказывали особое внимание, с трудом можно было увести домой. Небольшой флотский ансамбль за пять дней пребывания кораблей в Копенгагене сделал для нашей информационно-пропагандистской работы очень много.

Провожали отряд кораблей всем посольством. Корабли были расцвечены яркими флажками. Команда выстроилась

на верхней палубе и замерла в ожидании. Раздались слова команды «Отдать швартовы». Оркестр на палубе грянул «Прощание славянки», и корабли стали медленно отходить от причала. У всех провожавших на глазах выступили слёзы. Мы стояли на Лангелинии и еще долго махали руками вслед символу нашей славы, дисциплины, безупречного порядка и русской лихости, пока силуэты кораблей не слились с белыми барашками на горизонте.

Перед убытием кораблей нас с помощником военного атташе капитаном Александром Пашуковым нагрузили мешками со свежее испечённым хлебом (на борту «Гангута» была своя хлебопекарня — В. В.) и свежей селёдкой, и по просьбе командования отряда мы развезли их активистам Общества дружбы «Дания — СССР».

Визит кораблей запомнился ещё одной немаловажной для меня деталью. В эти дни я ждал сообщения из Москвы о присвоении очередного звания «старший лейтенант». По некоторым сведениям, оно должно было прийти «верхом» (по радиосвязи) или очередной дипломатической почтой. Так и произошло, но военный атташе объявил мне об этом только после ухода наших кораблей, сославшись на то, что в противном случае моряки не дали бы мне спокойной жизни. А жаль, выполнять свои задачи в ходе визита в новом звании было бы намного приятнее.

ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛО...

Ещё относительно недавно, когда я рассказывал эту историю своим приятелям, некоторые из них громко «хмыкали». «Да не может быть! — заявляли они. — Ты что-то путаешь. Наши партнёры — джентльмены, и на такое никогда бы не пошли». Теперь, когда я напоминаю приятелям о сказанных ими тогда словах, они стараются перевести разговор на другую тему...

Сперва — предыстория. Сразу после начала рабочего дня в российском посольстве в Зимбабве, где во второй половине 90-х я работал советником, меня срочно пригласил к себе посол. В его кабинете находился военный атташе. «Александр Геннадиевич, — сказал посол. — Ты ведь по распределению обязанностей курируешь у нас двусторонние отношения. Так вот. Получена информация о том, что военный "атташат" больше не будет заниматься военно-техническим сотрудничеством. Посовещавшись, мы решили передать эти вопросы в твоё ведение — как бы "по совместительству"».

Помню, что столь неожиданный поворот в служебном реферате просто лишил меня дара речи. Конкретно военной тематикой, а тем более продвижением военно-технического сотрудничества никогда не занимался, хотя в армии служил,

но всего лишь переводчиком в Группе военных специалистов в Ираке в середине 70-х.

«Да ты особенно не переживай, — успокоил посол, прочитав на моем лице явную растерянность — Что-то мне подсказывает, что ВТС рано или поздно вернут в "атташат" (так впоследствии и произошло), но пока — принимай дела, а военный атташе тебе поможет...».

Решение, понятно, было окончательным и надо было срочно осваивать новое поле деятельности. Военный атташе оперативно познакомил меня с офицерами Министерства обороны Зимбабве, отвечавшими за связи в военно-технической сфере. Важную роль в этой сфере играла также государственная компания «Zimbabwe Defense Industries (ZDI)», которая — несмотря на свое название («индустрия» всё-таки) — какой-либо серьёзной военной техники не производила, но имела средства на соответствующую закупку. Руководитель компании полковник Дубе, знакомясь со мной, сказал, что некоторые наши вооружения ему известны, кое-что из них он даже лично освоил, так как был участником «войны в родезийском буше» (так именовалась вооруженная борьба зимбабвийцев против британских колонистов и властей существовавшего тогда на этой территории государства Южная Родезия). «Ваша техника отменная, сверхнадёжная, — подчеркнул в разговоре полковник, — она была настоящей грозой для колонизаторов. Так что у нас исторические отношения в области освободительной борьбы, а после нашей победы и в сфере обороны и безопасности. Кстати, совершенно не случайно, — добавил Дубе, — на гербе суверенной Зимбабве изображён автомат Калашникова».

Интерес зимбабвийцев к нашей технике отнюдь не ограничивался стрелковым оружием. Выяснилось, что «из современного» требовалось буквально всё. Ведь в собственном арсенале к середине 90-х они имели, например, доставшиеся

в наследство от родезийцев устаревшие вооружения 70-х и даже 60-х годов. Одним словом, поле для деятельности было огромное.

Представители работавшей тогда в сфере военно-технического сотрудничества госкомпания «Росвооружение», исходя из этой ситуации, довольно регулярно посещали Зимбабве, знакомили тамошних военных с имевшейся у них техникой на экспорт. Вместе с тем для налаживания наиболее плодотворного взаимодействия была необходима договорно-правовая база. Предварительную работу над соответствующим соглашением вело посольство, а затем её весомо дополняли включаемые в состав делегаций «Росвооружения» эксперты из Москвы. И вот накануне прибытия очередной такой делегации я получил от посла указание встретить её вместе с военным атташе в местном аэропорту. Делегация летела из Москвы до Лондона «Аэрофлотом», а оттуда в зимбабвийскую столицу Хараре компанией «British Airways».

Рейс задерживался. Час, а потом второй прошли в томительном ожидании. Постоянный представитель британской авиакомпании в аэропорту успокаивала: «В Лондоне возникли какие-то непредвиденные сложности, но их уже уладили, самолёт в воздухе, ожидаем его прибытия в ближайшее время». Так прошёл ещё один час.

Наконец, ревя моторами, аэробус из Лондона приземлился и медленно подрулил к зданию аэровокзала. Подкатили трап, по которому начали спускаться пассажиры. Вот вышел последний, на верхней площадке трапа показалась бортпроводница, а затем и другие члены экипажа. Где же наша делегация? Имена её членов — мы с военным атташе проверяли — значились в полётном манифесте...

Представитель британской авиакомпании в аэропорту, пожав плечами, сказала, что минут за пять до нашего прихода ей сообщили из Лондона о снятии с рейса нескольких

человек. Причина? «Они очень громко разговаривали при посадке, и это сильно раздражало других пассажиров. Возможно, снятые с рейса и были ваши люди?»

Вернувшись в посольство, мы узнали, что это действительно так. В посольство уже поступила информация о том, что делегация снята с рейса под надуманными предлогами; что она вынуждена вернуться в Москву и что планировавшиеся переговоры не состоятся.

Что это было? Предпринятый в посольстве срочный «мозговой штурм» выявил несколько версий, наиболее правдоподобной среди которых оказалась следующая. Британские «конфиденты» в местном Министерстве обороны (а они — доподлинно известно — там были) сообщили хозяевам о прибытии достаточно высокопоставленной делегации из Москвы с возможной — как они предполагали — целью подписания соглашения о ВТС. В Лондоне приняли решение сорвать это событие. Вот и были применены надуманные предлоги. Кстати, о правомочности такой версии свидетельствовала доведённая до нашего сведения впоследствии откровенная и явно неосторожная ремарка офицера службы безопасности в лондонском аэропорту, брошенная вслед возвращающейся в Москву нашей делегации: «В Родезии вам делать нечего...».

Как бы там ни было, дело было сделано. Предстояло довести это до сведения местной стороны. Помню, как тщательно с военным атташе мы выстраивали сюжет предстоящей беседы. Примечательно, однако, что в зимбабвийском Министерстве обороны инцидент был воспринят спокойно и с пониманием. «Мы не исключали чего-то подобного, — сказали нам. — Известно, что "бритты" ("britts" — так зимбабвийцы традиционно называли англичан) настроены категорически против любых наших соглашений с Россией, а тем более по ВТС, так что их действия выглядят вполне логично».

В свою очередь руководитель ZDI полковник Дубе, которого мы тоже посетили "по горячим следам", выразился более категорично: "Бритты" по-прежнему считают Зимбабве своей вотчиной, и наша история учит, что они могут пойти на любую провокацию...».

Собеседник немного помолчал, а потом, как бы собравшись с духом, буквально выпалил: «Да и в вашей истории, как известно, были периоды самых непростых отношений с Лондоном. Об этом забывать не стоит. Потому что в следующий раз бритты вполне могут применить и более жёсткие меры против ваших людей...».

К счастью, следующего раза тогда не было. В ГК «Росвооружение» и в других заинтересованных ведомствах после инцидента было наложено «табу» на полёты авиакомпанией «British Airways». Сотрудники и эксперты из Москвы прибывали в Хараре уже другими маршрутами — не через Лондон.

Работа была продолжена. И то самое Межправительственное соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Зимбабве о военно-техническом сотрудничестве было всё-таки подписано 28 января 1999 года.

НЕ ВСЁ СТАНДАРТНО В ДИПЛОМАТИИ

Г. В. НЕСТЕРОВА

Референт государственной гражданской службы

СЛУЧАЙ В ГЕНЕРАЛЬНОМ КОНСУЛЬСТВЕ

Если вы по-прежнему считаете языком международного общения английский, то ошибаетесь, ибо его заменил язык банга или banga-bhasa. Именно так подумала многочисленная семья бенгальцев, прибывшая в Генеральное консульство России в Сиднее знойным январским днём 1995 года. Эта семья и не подозревала, какая удивительная встреча ожидает её в далёкой от их родины Австралии.

Эта встреча, перевернувшая сознание бывших граждан Бангладеш, произошла именно в январе, самом жарком месяце Зелёного континента. А мне стало известно о ней от мужа, консула-советника Нестерова Евгения Анатольевича, волею случая оказавшегося в эпицентре данного события.

В тот день сотрудники генконсульства сидели по кабинетам, прикрыв окна жалюзи и изнывая от жары. Кондиционеры хоть и работали на всю мощь, но прохлады явно не хватало.

Из-за стеклянной перегородки приемной приветливо улыбалась посетителям жена одного из сотрудников посольства Зоя Дронь, милая и добрая женщина. Сегодня она мечтала о том, чтобы народу было как можно меньше. Но люди её мечтаний не ведали и упорно тянулись в консульство. Одни хотели узнать условия оформления туристической визы в Россию; другие решали деловые вопросы; третьи, из числа русских эмигрантов первой и второй волн, стремились встретиться с консулом-советником, дабы обсудить возможность получения российского гражданства.

Зоя английский язык знала неважно, поэтому для неё составили шпаргалку с возможными вопросами и ответами. И, надо сказать, Зоя довольно успешно справлялась со своими обязанностями. Ну а коли она чего-то не понимала, звонила дежурному дипломату. Тот разбирал ситуацию ко всеобщему удовольствию.

В светлой приёмной, расположившись на кожаном диванчике, рассматривали документы и вполголоса переговаривались вице-консул Александр Колышкин и его гости.

Раздался звонок, возвещавший о том, что у ворот здания стоят очередные посетители. Зоя нажала на кнопку электрозамка, пропуская их на территорию консульства. Через несколько минут дверь открылась, и в комнату вошла шумная восточная семья. Зоя взглянула на её представителей с нескрываемым интересом, поскольку женщины были одеты в сари, что весьма непривычно для Австралии.

Мужчины подошли к окошечку и попытались вступить с ней в диалог. Однако это ни к чему не привело — их английский язык привёл Зою в замешательство. Сконфузившись, она попросила ещё раз объяснить, что им нужно. Один из пришедших достал из кармана пиджака помятое письмо, страницы которого были сплошь покрыты иероглифами, и, тыча в него указательным пальцем, стал совать его Зое.

— I am sorry, I don't understand you, — покачала она головой, смущённо улыбаясь.

Обстановка начала накаляться. Чувствуя нарастающее напряжение, Саша Колышкин несколько раз вскидывал голову и бросал внимательный взгляд в сторону мужчины, который эмоционально и пылко старался донести до Зои суть своей проблемы. Но помочь ей он не мог — обсуждал с австралийцами важный вопрос.

Тем временем посетители, поняв, что скоро уйти из консульства не удастся, решили вывести женщин и детей на улицу.

Воспользовавшись паузой, Зоя схватила трубку телефона и позвонила моему мужу. Выслушав взволнованную женщину, он предложил ей позвать дежурного дипломата.

— Да его нет, Евгений Анатольевич. Он как нарочно в город уехал.

— А Колышкин на месте? А то у меня дело срочное.

— Саша внизу, но занят, у него посетители, — чуть не заплакала Зоя.

— Хорошо-хорошо, я сейчас приду.

Через несколько минут Евгений был в приёмной консульства..

— Ну, где твои посетители?

— Да вон они, — осторожно кивнула Зоя в сторону отошедших от окошка и что-то оживлённо обсуждавших людей.

Муж подошёл к ним и заговорил на английском языке. Они обрадовались, не подозревая, что в лице этого человека судьба приготовила им сюрприз. Едва Евгений услышал их специфическое и до боли знакомое произношение, как сразу понял, кто перед ним стоят — бенгальцы. Они же начали объяснять ему, что собираются по гостевой визе в Россию, в Москву, где у них живут обосновавшиеся там родственники.

Протянув дипломату письмо, один из мужчин проговорил:

— Видите, брат пишет, что готов принять нас в феврале, а так как письмо является официальным приглашением, мы хотим выяснить, какие именно документы нам нужны для получения визы.

— Какие вам нужны документы, я скажу. Но вы всё равно не сможете ими воспользоваться, срок действия вашего приглашения уже истёк.

— Вовсе не истёк. Смотрите, в письме ясно написано — с такого-то по такое число мы имеем право на въезд в Москву.

— Право-то вы, безусловно, имеете, да только, — протянул руку к письму-доказательству Евгений, — дайте мне его, пожалуйста.

Слегка обескураженный бенгалец с обиженным видом передал письмо мужу, и он с непроницаемым выражением лица принялся читать аккуратнo исписанные страницы.

— Странно. Я вижу здесь совершенно другие даты.

— Ну как же? Вот эти числа, они по-бенгальски написаны, поэтому Вы их и не понимаете, — возмутился мужчина и ткнул пальцем в то место письма, где действительно стояли цифры.

— Да нет же, — продолжал «упорствовать» Евгений, — кажется, это вы не понимаете, что здесь указаны совсем другие даты. И говорят они о том, что вы опоздали с подачей документов для получения визы, и теперь это письмо не может считаться приглашением.

И он вслух, на чистейшем бенгальском языке, прочитал нужный отрывок из письма. Поражённый бенгалец оторопел и буквально лишился дара речи. Краска залила его смуглое лицо. В это время к Евгению подошёл освободившийся Саша Колышкин.

— Ну что же вы? Пришли в генконсульство России и ведёте себя неподобающим образом, обманываете зачем-то, — покачал он укоризненно головой, обращаясь к мужчинам тоже по-бенгальски..

Это было уже слишком! Несчастные люди не просто онемели, а замерли. Александр взял письмо и быстро просмотрел его.

— Ай-я-яй... Как нехорошо, — протянул он, еле сдерживая улыбку.

К мужчинам же, наконец, вернулся дар живой бенгальской речи:

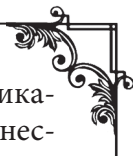
— Не может быть, чтобы в русском консульстве, в Австралии... А откуда вы знаете... Извините, можно я вас детям покажу? — выдохнул старший из бенгальцев.

И, не дожидаясь ответа, бросился за дверь. Он вернулся вместе с детьми и женщинами. Звонкая толпа радостно обступила Евгения и Александра.

— Смотрите, это русские. Они умеют и знают всё. Запомните это. Они знают даже бенгальский язык! — воскликнул мужчина, наклонившись к малышам.

Детишки внимательно выслушали его, а потом подбежали к нашим дипломатам и почтительно дотронулись до их одежды. А взрослые уважительно пожали им руки, после чего тихо вышли на улицу.

Они и не догадывались, что встретили выпускников МГИМО. И что любовь к бенгальскому языку привил им замечательный преподаватель кафедры индийских языков Александр Петрович Гнатюк-Данильчук — человек, страстно увлечённый языком и культурой Бангладеш и Индии. И что оба они служили в посольстве СССР в Бангладеш, в Дакке. Мало того, Зоя Дронь, которая и стала невольной «виновницей» произошедшей истории, в это же самое время вместе с мужем работала в Генеральном консульстве в Читтагонге.

А встреча австралийских бенгальцев с родственниками всё-таки состоялась, только позже. Бенгальцы принесли новые — действующие — документы и долго извинялись за предыдущее обращение. Наши дипломаты говорили с ними только по-бенгальски.

И ВСЕРЬЁЗ, И В ШУТКУ

К. В. ВНУКОВ

Чрезвычайный и Полномочный Посол

ИСПУГ ЦРУ И БЛАГОРОДНЫЙ «САНТОРИ»

Летом 1975 г. я, атташе Советской правительственной делегации на погранпереговорах с Китаем, сел в Пекине в международный транссибирский экспресс, решив использовать свой отпуск для знакомства с Байкалом и Сибирью-матушкой из окна поезда по пути в нашу столицу. В соседнем купе СВ расположилась немолодая американская пара, представившаяся туристами, следовавшими из Пекина в Иркутск. Муж, весьма любознательный и словоохотливый, к тому же любитель фотографии, которые он делал из окна поезда (для чего на остановках тщательно протирал стекла), узнав, что имеет дело с молодым дипломатом Советского посольства в Пекине (тогда я не мог говорить об участии в погранпереговорах с Китаем), подробно допытывал меня об особенностях советско-китайских отношений. Тем более, что столкновения на о. Даманском и в районе границы в Центральной Азии были ещё в памяти. Поднаграв на лекциях по международному положению

в качестве лектора парткома МИД СССР, я уверенно излагал американцу суть миролюбивой внешней политики СССР на её восточном направлении. Американский турист слушал меня с большим интересом. В свою очередь, я решил перейти в наступление, задав вопрос о только что состоявшейся отставке Президента США Р. Никсона в связи с данными о его причастности к «уотергейтскому делу». Каково же было мое удивление, когда собеседник, обозвав своего недавнего президента последними словами, вступил в полемику с супругой — членом Республиканской партии. Poleмика была сверхжесточённая, прозвучала масса нелцеприятных выражений о системе президентской власти в США...

Наше общение с американским «туристом», которого мои коллеги впоследствии быстро нашли в справочниках офицеров ЦРУ, продолжалось еще некоторое время, но затем мгновенно закончилось. Экспресс прибыл на пограничную станцию Забайкальск. Получив информацию от руководства советской погранделегации о том, что этим поездом едет дипломат — «знаток китайской политики», руководство погранперехода гостеприимно встретило меня у вагона и препроводило к себе для беседы с коллективом офицеров о Китае. Надо ли говорить, какое лицо было у американского «туриста», наблюдавшего мою официальную встречу с пограничниками в форме и при всех регалиях! До Иркутска из купе он больше не выходил...

А моё путешествие продолжалось. В Читу состав прибыл рано утром. Соскучившись по советским газетам, я соскочил с поезда на перрон, вошёл в вокзал и пристроился к быстро движущейся очереди мужчин, целеустремленно идущих внутрь — наверное, за газетами, подумал я.

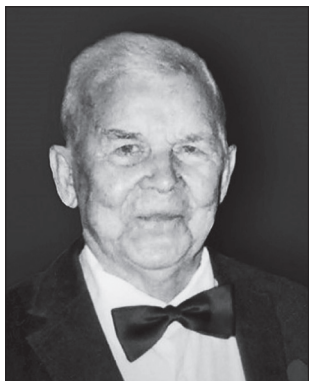
Но строго выстроившись по одному после входа в зал, очередь быстро направлялась к стоящему на прилавке

большому сосуду — тубусу (с «крантиком») для обычной торговли соками, в котором был напиток оранжевого цвета. Я решил, что и мне не мешало бы выпить сока, а газеты, дескать, куплю потом. Стоявшие передо мной мужчины, подойдя к прилавку, бросали деньги, получали полный стакан «сока», выпивали его и, крикнув, уходили. Тубус быстро опустошался. Каково же было мое удивление, когда на помощь продавщице «соков» вышла крепкая русская барышня и перелила в пустой уже тубус несколько бутылок... виски «Сантори».

То было время спецобеспечения строителей БАМа, и для них закупали самые разные напитки, которые в других местах были дефицитом. А посему я использовал наличные рубли для закупки сразу нескольких бутылок японского напитка. При этом очередь читинских его любителей почтительно расступилась перед таким «солидным пассажиром». Покупка была весьма кстати. В Москве она поразовала моих коллег и друзей из Первого Дальневосточного отдела МИД.

О НАШИХ АВТОРАХ

РОДИН

Владимир Митрофанович

Родился в 1928 году. Окончил МГИМО и Дипломатическую академию. На дипломатической службе почти 40 лет. Работал главным образом в Третьем Европейском отделе МИД СССР/России, в посольствах в ГДР, ФРГ, Индии. Советник.

ТРОИЦКИЙ

Лев Ильич

Родился в 1911 году. Высшее образование получил в Ленинградском Институте иностранного туризма. В 1938 году был принят на работу в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) СССР референтом в Отдел США. В июле 1941 года записался в народное ополчение, но затем был отозван в распоряжение центрального ап-

*Фотография
1930-х годов*

парата НКВД. В дальнейшем получил назначение в Мексику 1-м секретарём нашего диппредставительства. Погиб в январе 1945 года в авиакатастрофе при перелёте из Мексики в Коста-Рику. Имя Л. И. Троицкого выбито на установленной в высотном здании МИД доске в память об отечественных дипломатах, ушедших из жизни при исполнении служебных обязанностей.

ЗАЙЦЕВ
Анатолий Сафронович

Родился в 1939 году. Окончил Институт восточных языков при Московском Государственном Университете им. М.В. Ломоносова, а также аспирантуру Института востоковедения Академии наук СССР. Кандидат экономических наук. На дипломатической работе находился с 1966 года. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Занимал ответственные посты в центральном аппарате МИД и в его загранучреждениях, являлся Послом СССР/России в Народной Республике Конго, а также Послом России в Исландии. Неоднократно отмечался государственными и ведомственными наградами.

БАРСКИЙ
Кирилл Михайлович

Родился в 1964 году. Окончил МГИМО. Работал в посольствах в Китае и Индонезии. Являлся Послом России в Таиланде и постоянным представителем при ЭСКАТО ООН. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Отмечен Почётной грамотой Президента РФ, имеет ряд иностранных и ведомственных наград. В настоящее время — Посол по особым поручениям, профессор кафедры дипломатии МГИМО.

ШАБАЛИН
Вадим Иванович

(На фотографии вместе с супругой, которой посвящён публикуемый в этом сборнике очерк.)

Родился в 1931 году. Окончил Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова. Доктор экономических наук.

В МИД с 1961 года. Чрезвычайный и Полномочный Посол. В течение нескольких десятилетий находился на дипломатической и политической

работе (в Международном отделе ЦК КПСС), являлся послом в Республике Филиппины, в Союзе Мьянма (Бирма). Награждён орденами Дружбы народов, «Знак Почета» (дважды), а также медалями.

ПРЯХИН

Владимир Фёдорович

Родился в 1944 году. Окончил МГИМО. Доктор политических наук и кандидат исторических наук. Защитил первую в нашей стране диссертацию по теме многополярности международных отношений. В МИД с 1968 года. Занимал различные должности в центральном аппарате и диппредставительствах за рубежом (в Венгрии, Швейцарии, Руанде, Австрии, Армении, Таджикистане, Киргизии). Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Имеет государственные и ведомственные награды.

В настоящее время — профессор Российского Государственного Гуманитарного Университета и кафедры дипломатии МГИМО.

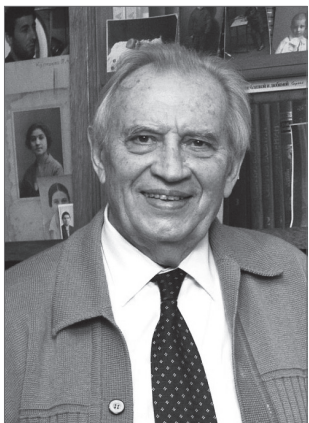
БОЙКО
Виктор Александрович

Родился в 1938 году. Окончил МГИМО. В МИД с 1966 года. Занимал различные должности в центральном аппарате и диппредставительствах за рубежом (Греция, Кипр). Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Награжден Почётной грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

КУРОЧКИН
Геннадий Иннокентьевич

Родился в 1934 году. Окончил Московский институт инженеров транспорта и Дипломатическую академию. С 1976 года в МИД, где занимал различные должности в центральном аппарате и в диппредставительствах за рубежом (Сенегал, Швейцария, Латвия). Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Имеет государственные и ведомственные награды.

КАЗИМИРОВ

Владимир Николаевич

Родился в 1929 году. Окончил МГИМО и Высшую дипломатическую школу. Был сотрудником посольств в Венгрии и Бразилии. Не раз возглавлял территориальные подразделения МИД. Являлся послом в пяти странах (Коста-Рика, Гватемала, Тринидад и Тобаго, Венесуэла, Ангола). Заслуженный работник дипслужбы, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Выйдя в отставку, несколько лет возглавлял Ветеранскую организацию МИД. Отмечен рядом иностранных и отечественных наград, в том числе Почётной грамотой Президента Российской Федерации.

ВИНОКУРОВ

Владимир Иванович

Родился в 1946 году. Окончил Военный институт иностранных языков, Военно-дипломатическую академию, адъюнктуру при Военно-политической академии. Кандидат военных наук, доктор исторических наук. Работал в Посольстве СССР в Дании и в Посольстве России в Латвии. Имеет многочисленные государственные и ведомственные награды. В настоящее время — профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД.

ЧЕРНОВ

Александр Геннадиевич

Родился в 1950 году. Окончил Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова. В системе МИД с 1995 года. Работал в посольствах в Нигерии (дважды), в Зимбабве, Танзании. Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Имеет Благодарность Президента В. В. Путина за значительный вклад в реализацию внешнеполитического курса Российской Федерации, неоднократно отмечался ведомственными наградами. С 2017 года — главный редактор газеты общественных организаций МИД «Наша Смоленка: люди и дела».

НЕСТЕРОВА

Галина Викторовна

Родилась в 1952 году. Окончила Балашовский педагогический институт. Вместе с мужем-дипломатом находилась в заграничных командировках в Бангладеш, Австралии и Белоруссии. В МИД работала ведущим специалистом-экспертом Историко-документального департамента. Референт государственной гражданской службы. В настоящее время курирует сектор учёта Ветеранской организации Министерства.

ВНУКОВ

Константин Васильевич

Родился в 1951 году. Окончил МГИМО. Кандидат исторических наук. Работал в диппредставительствах в КНР. Являлся послом в Республике Корея и во Вьетнаме. Почётный работник МИД. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Неоднократно отмечался государственными (в том числе иностранными) и ведомственными наградами.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

*Сборник
воспоминаний ветеранов
дипломатической службы России*

Том 30

Над сборником работали:

Составитель и главный редактор — член Президиума Совета ветеранов МИД

А. Г. Чернов

Член Президиума Совета ветеранов — В. Н. Казимиров

Председатель Совета ветеранов — В. И. Морозов

Заместитель председателя Совета ветеранов — А. О. Семёнов

Член Президиума Совета ветеранов — Ю. А. Спирин

Литературный редактор — Е. В. Степанов

Компьютерная вёрстка, макет — И. А. Ракитина

Корректоры — О. Ю. Ефимова, Ф. Г. Мальцев

Формат 60x84/16

Бумага офсетная

Гарнитура Minion

Тираж 750 экз.

Сдано в набор 18.11.2022

Подписано в печать 23.12.2022

Издательство «Вест-Консалтинг»

115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,

стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12

Тел. (495) 978 62 75

Типография «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.